Юрий Шутов

Крестный отец «питерских»

Посвящаю моей дорогой маме Анастасии Ивановне, от имени контрразведки «СМЕРШ» расписавшейся далекой весной 1945 года на стене рейхстага, опаленного окончательной победой над врагами, а сейчас, более полвека спустя, жутко недоумевающей, откуда они в виде разных Собчаков вновь взялись и разгромили нашу державу.

Не Богу ты служил и не России…Служил лишь суете своей…

Предисловие

Автор этой книги Шутов Юрий Титович родился в Ленинграде более полувека назад. Закончил Кораблестроительный институт и несколько лет со старательским лотком золотоискателя бродил по Колыме и Чукотке.

Вернувшись в Ленинград, прошел трудовой дорогой от инженера до директора предприятия. Став одним из руководителей Ленинградского областного и городского статуправления, написал диссертацию по экономике, но защитить ее не успел, т. к. был арестован по вымышленному обвинению. Несколько лет провел в заключении, после чего суд его полностью оправдал и реабилитировал.

В 1990 году работал советником председателя Ленсовета А.Собчака. И уже в 1991 году написал об этом книгу, прочтя которую каждый поймет: подобное произведение, как и саму гражданскую позицию автора, любая власть, а тем более «демократическая», оставить без внимания и последствий просто не могла. Правда, сперва «собчата» пытались поступить «по-хорошему» и «предложили» Ю.Шутову рукопись не издавать. Затем 4 октября 1991 года, тайно проникнув в его квартиру, хотели найти ее и украсть, но автор внезапно и очень некстати явился домой. На него тут же напали и принялись убивать. Однако, несмотря на тяжелейшее ранение, он все равно выжил. Тогда было решено, сфабриковав обвинение, бросить Шутова в тюрьму. Поэтому, как только после госпиталя Шутов стал самостоятельно ходить, его тут же арестовали по «подозрению» во многих нераскрытых и даже, как впоследствии выяснилось, вообще не совершенных преступлениях. Среди оперативников, участвовавших в аресте, Ю.Шутов сразу же и безошибочно опознал своих убийц, забравшихся в октябре 1991 года в квартиру и напавших на него. Это, как оказалось, были офицеры милиции из питерского РУОПа (регионального управления по борьбе с организованной преступностью) Дмитрий Милин и Сергей Цуцуряк, а также их сообщники И.Турков и И. Цыганок. Видя, что их узнали, они, ничуть не таясь, хохотнули своей жертве прямо в лицо, выразив сожаление, что не добили при первой встрече.

Шельмовать автора было поручено целой группе «выдающихся» следователей ГУВД, имеющих бесценный опыт фабрикации ложных обвинений, среди коих: подполковник бывшей советской милиции, господин Канцепольский Мойша Самуилович — плаксиво-канючащий на допросах, едко-дымящий фальсификатор-затейник; не бреющийся майор Пащенко — разящий перегаром с запахом свежеподпрелой собаки, и майор Шубов Абрам Моисеевич, всеми подозреваемый в мздоимствах, с ухоженными пилочкой ногтями, курящий только «Мальборо» в количествах, резко не соответствующих его зарплате. Впоследствии его послали в Израиль делиться опытом.

Прикрывал эту «правоохранительную» банду тогдашний первый заместитель городского прокурора Большаков — вечно мокрогубый, со всхлипывающим и, вероятно, оттого красноватым, длинным, острым носом промеж снисходительно-доверительных глаз вокзального карманника, внешне похожий на Дуремара из сказки о Буратино. Рядом с ним постоянно отирались, исполняя руководящие прихоти по глумлению над Законом, его верный ученик — прокурор Винниченко, да постоянно полупьяный помощник городского прокурора Осипкин.

Эти чиновники в мундирах давно объелись плодов вседозволенности и безнаказанности, поэтому азартно, наперегонки стремились погубить любого попавшего им в лапы человека, как звери, вкусившие людской крови.

Ю.Шутов не очень удивился, когда они попытались обвинить его в самых громких убийствах тех лет, как, например, расстреле литовских пограничников в Медининкае; организации покушения на тогдашнего президента Азербайджана Эльчибея; поджоге гостиницы «Ленинград»; разных разбоях и прочей жути.

Следствие тянулось два года. После полутора лет изнуряющих допросов городской судья Н.К. Шилов своим решением распахнул двери тюремной камеры и выпустил Ю.Шутова на свободу. Тем самым, по сути, признав незаконным содержание писателя под стражей.

Спустя несколько лет, весной 1996 года, такой же вывод сделал председатель суда Выборгского района Санкт-Петербурга А.Я. Штурнев, который, тщательно разобравшись, вынес окончательный приговор, оправдавший Ю.Шутова по всем пунктам выдвинутого обвинения и тем самым доказавший абсолютную надуманность и лживость уголовного дела, состряпанного подонками в погонах.

В 1993 году, выйдя до суда на свободу, Ю.Шутов, невзирая на готовящуюся расправу, тут же издал законченную им в тюрьме вторую книгу про Собчака . Ознакомившись и с этим произведением автора, любому читателю станет ясно: в условиях современной «демократии» сам факт выхода в свет книги подобного содержания сводит на нет шансы писателя даже просто остаться в живых. Следует особо подчеркнуть: эти свои книги Ю.Шутов писал в 1991–1992 гг. Сейчас же, читая их, прежде всего поражаешься удивительной точности совпадений прогнозов автора с реальным ходом последующих «демократических» преобразований и «реформ», полностью разрушивших экономику и наше государство.

С 1996 года автор бессменно возглавлял региональную Комиссию Госдумы по анализу в Санкт-Петербурге и Ленинградской области итогов приватизации и ответственности должностных лиц за ее негативные результаты. Ю.Шутову удалось собрать обширный фактический материал, убедительно доказывающий грабительскую суть произведенного приватизацией разгрома страны.

В 1998 году Ю. Шутов стал готовить к выпуску еще одну свою новую книгу из сериала «Ворье». В ней описана т. н. «приватизация», поименно названы ее организаторы и наиболее «удачливые» участники-исполнители, которые, узнав о грядущем выходе такой книги под названием «Как закалялась шваль», тут же пригрозили автору убийством либо очередным

арестом. Кроме них жаждали расправиться с Ю.Шутовым те, кому не удалась фабрикация ложного обвинения в 1991 году и кого автор все последующие годы пытался привлечь к уголовной ответственности за совершенные ими преступления. Но тщетно.

Ибо слишком высок уровень коррумпированных и корпоративных связей между городской прокуратурой, ГУВД, РУБОПом и криминальным миром.

Поэтому, невзирая даже на прямое личное опознание Ю.Шутовым старших офицеров РУБОПа, пытавшихся писателя убить, они все равно остались на своих постах и вдобавок росли чинами. Сотрудник же горпрокуратуры С.Капитонов, расследовавший дело о нападении руоповцев на Шутова, как-то, отведя глаза в сторону, прямо сказал, что привлечь их к ответственности все равно не удастся, чего бы они ни натворили. Однако Ю.Шутов не смирился и в декабре 1998 года, будучи избран депутатом питерского Законодательного собрания, опять потребовал наказать бандитов и фабрикаторов, прекрасно сознавая, что уверенные в своей безнаказанности чиновники в милицейских и прокурорских мундирах крайне опасны для людей и общества.

Видя бескомпромиссную решимость автора добиться правосудия, высокопоставленные заказчики решили вновь сфабриковать еще одно ложное обвинение, причем теми же силами горпрокуратуры и РУБОПа, что и было поручено уже упомянутому прокурору Винниченко и ставшему за это время начальником 4-го отдела РУБОПа С. Цуцуряку с его опербоевкой. На сей раз им велели представить Ю.Шутова «организатором» всех громких убийств в Санкт-Петербурге, а также «руководителем» какой-нибудь банды.

16 февраля 1999 года Ю.Шутова спешно арестовывают и запрятывают аж в новгородскую тюрьму, подальше от посторонних глаз. Одновременно подручные Винниченко стали вовсю куражиться по телевидению и в газетах, всячески черня и поганя свою жертву. Саму же фабрикацию ложного обвинения поручили тогдашней замначальника отдела горпрокуратуры Н.Литвиновой. Она тут же обнародовала свои фантазии о якобы причастности Ю.Шутова ко всем громким городским преступлениям вообще, что на самом деле являлось результатом лишь обычного для весны обострения ее хронической паранойи.

Организаторы очередного ложного обвинения прекрасно понимали: до воистину праведного суда их фабрикацию доводить никак нельзя, иначе получится то же самое, что произошло 16 ноября 1999 года, когда спустя 9 месяцев после ареста Ю.Шутова настоящая судья Н.Петренко признала незаконность содержания его под стражей и тут же выпустила писателя на свободу. Однако в судебный зал сразу же ворвались автоматчики в масках, разбросали присутствовавших, переколотили всю судейскую мебель, избили только что освобожденного депутата городского Законодательного собрания Ю.Шутова и, сломав ему позвоночник, уволокли обратно в тюрьму. Телерепортаж об этом, по сути, вооруженном захвате суда многажды транслировали по всему миру. Дабы впредь по окончании следствия не допустить правосудия, специально отобрали нужного исполнителя, на роль которого заказчикам ликвидации писателя сгодился городской судья А.Иванов. Ему и поручили вынести уже давно предрешенный приговор…

Одновременно заказали умертвить депутата прямо в тюрьме посредством лишения столь необходимой тяжело больному писателю медпомощи, а то и просто при перевозке, инсценировав, к примеру, «попытку бегства». Эту перспективу злорадно обрисовал Ю.Шутову прямо в день ареста все тот же рубоповец Цуцуряк, известив автора книг, что он уже, собственно, умер, а задержка похорон — чистая формальность. Арестованный писатель все же умудрился о спланированном убийстве поставить в известность тогдашнего горпрокурора И.Сыдорука, хотя прекрасно понимал, что тот даже не откликнется. Но ни шантажом, ни тюрьмой, ни судебной расправой, а также вероятностью убийства настоящего человека не сломить.

21 ноября 2006 года Юрий Шутов приговорен судом к высшей мере наказания, т. е. пожизненному лишению свободы…

Глава 1

Начало. 1990 год

Все живут в Ленинграде и пока еще в СССР, а страна уже клокочет пеной, как повсюду уверяют, «самых демократических» выборов в Советы народных депутатов разных уровней. Растерянность властей чувствуется во всем.

Уже появились, надо полагать, впервые с незапамятных революционных времен, не заполненные вакансии в ОК и ГК КПСС в Смольном, а тех, кто продолжает там служить, также вновинку, постоянно травят в общественном мнении.

Уже не хватает калибра у исполкома Ленгорсовета для поражения противников на социально-бытовом фронте.

Уже не только на предвыборных собраниях, где кандидаты дружно состязаются в любви к народу, а всюду и открыто забавляются язвительной критикой правительства СССР как в целом, так и поименно.

Уже Сашу Богданова, к его огромному сожалению, никто не арестовывает за «хулиганство» при продаже-раздаче своей газетки «Антисоветская правда», а созданный им самопальный образ «борца с коммунизмом» быстро тускнеет и линяет в связи с отсутствием противников.

Уже отважный Невзоров рискнул первым обвинить в покупке по дешевке подержанного «Мерседеса» только что спроваженного в отставку главу Ленинградского ОК КПСС Ю.Соловьева, с которым еще совсем недавно, будучи в Ленинграде, взасос целовался генсек Горбачев, прерывавший это достойное занятие лишь беседами со случайно подвернувшимися прохожими. После невзоровской телепередачи бывшего первого секретаря обкома тут же лихорадочно исключил из партии им же вскормленный преемник, в недавнем прошлом ленинградский «главхимик» Б. Гидаспов, который чуть позже вдруг обнаружил, что любая цена покупки машины никоим образом не вяжется с приверженностью идеалам партии и уж тем более не может противоречить требованиям Устава КПСС.

Уже воздух официальных коридоров и кабинетов директивных органов пропитался беспокойной страстью к новым ощущениям, к авантюрам, к политическим переодеваниям. Страх за будущее у всех притупился, а развал устоев не огорчал, а веселил.

Это было время начала того хаоса, который предыдущие несколько лет, умело лавируя, маскируясь и обманывая всех и вся, скрупулезно подготавливали, по камешкам разрушая геополитическую структуру, трое, вероятно, хорошо оплаченных агентов «всемирного правительства»: Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе. Они сеяли кругом ненависть ко всему прошлому и взаимные подозрения современников. Но конспирация их была настолько профессиональна, а разработанный в загранцентре сценарий операции по уничтожению нашей страны настолько безупречен, что во всеобщем стремлении к преобразованиям об этом никто не догадывался.

Я решил выставить по месту жительства свою кандидатуру в городской Совет от коллектива 48-го грузового парка, прославившегося впоследствии автоманифестацией на площади у Мариинского дворца в поддержку борьбы Собчака с депутатами и первым городским мэром Щелкановым.

В клуб Балтийского завода, что на Васильевском острове, я забрел не то чтобы случайно, но при этом без особой нужды. Там была встреча избирателей территориального округа с кандидатами в депутаты Верховного Совета Союза.

Среди претендентов, выставившихся на обозрение публике, мое внимание привлек высокий человек с иксообразными ногами и горьковской, ходульной, размашистой походкой пожилой цапли, а также цепким, я бы сказал, каким-то вороватым взглядом странно посаженных глаз. Он постоянно улыбался, делая вид, что разглядывает зал, но было заметно напряженное внутреннее сосредоточение. Я не мог вспомнить его фамилию, хотя видел, как он беседовал с Б. Курковой по телевидению в «Пятом колесе». А однажды, зачем-то попав к Василеостровскому метро, даже отметил среди снующих людей этого типа с мегафоном в руках. Там он, подхихикивая и шмыгая красным на ветру носом, убеждал всех активно включиться и помочь ему одолеть в предвыборной схватке противных кандидатов. Подобная форма агитации за самого себя была сногсшибательной новацией, однако особого энтузиазма в среде озабоченных своими проблемами людей явно не вызвала.

После довольно утомительной череды кандидатов, клявшихся с клубной сцены в любви к присутствующему народу, дошла очередь и до него.

Он довольно быстро и толково поведал уже осоловевшей публике, что является профессором, а не рабочим, как перед ним выступавший. Далее сообщил, что добился в жизни чего хотел: заведует кафедрой в университете, вполне счастлив и благополучен. И вот теперь поставил пред собой задачу сделать всех такими же счастливыми, как и сам. Это, по его словам, явилось единственной причиной, заставившей выставить свою кандидатуру в парламент (название тогда еще непривычное и создававшее впечатление, будто речь шла об Англии). Все это кандидат говорил с лекторским, академическим, неспешно искренним превосходством, поэтому, если бы аудитория состояла сплошь из студентов, то для получения зачета в дальнейшем была просто обязана ему поверить. Правда, тогда еще никто не читал его книгу «Хождение во власть», написанную значительно позже, где в качестве основного и, вероятно, действительно правдивого мотива, толкнувшего профессора в депутаты, им была названа недорогая бутылка коньяка, на которую сам, мол, поспорил со случайно встреченным в университетском коридоре партфункционером.

После своего информационного выступления этот кандидат поведал о личных, сокровенных мечтах, которые собирается непременно реализовать, сделав безмерно счастливыми тех, кто его изберет.

Нужно отметить: такая непринужденная, а главное, «непривычно» стандартная манера погрезить со сцены, безусловно, выделила этого «мечтателя» из довольно безликой массы остальных кандидатур. Фамилия его была Собчак.

Впоследствии я много раз видел его использующим полученный им депутатский мандат как право поговорить с любой трибуны. Однако это, самое первое слышанное мною выступление запомнилось больше всех, возможно, просительностью интонаций и еще полным отсутствием презрения к слушателям.

На встречу в гостиницу «Ленинград» Собчак приехал как-то под вечер в шапке из меха то ли беспородной рыжей собаки, то ли подкрашенного волка, вкупе со старомодным драповым пальто с накладным карманом и женой.

Вместо обычно полагавшихся полупустых ознакомительных разговоров он сразу предложил мне, чем вызвал мою симпатию, переговорить о возможном сотрудничестве в дальнейшем. Ибо, как он выразился, много обо мне слышал.

Ко времени нашего знакомства Собчак уже стал депутатом Верховного Совета СССР, а те лидеры, портреты которых мы носили на демонстрациях, дерзко обзывались им с парламентской трибуны «якутами», «адыгейцами» и разными «наперсточниками».

Его личный приезд и внимание, безусловно, мне польстили, но представить себе сферу взаимных интересов я затруднялся.

В гостинице «Ленинград» на десятом этаже до пожара был очень уютный ресторанчик «Петровский», где прекрасно готовили одни и те же блюда, которые, как правило, съедали одни и те же люди, и поэтому ошибиться в выборе еды было нельзя. Зал представлял собой укромное место с русопятым ложечно-балалаечным оркестриком и постоянными барышнями, которых хмель из бутылок приручал, а не раскручивал. В общем, для обстоятельного, но не делового разговора лучшего уголка в ближайшей округе было не сыскать.

Мы поднялись наверх и заняли вдали от окружения уютный столик с прекрасным видом на Неву, залитый огнями город и крейсер «Аврору». Я заказал все, чем славилась местная маленькая кухня. Причем, пока мы подымались в ресторан, мой помощник позвонил и столик успели уже накрыть. Это, как я заметил краем глаза, было весьма высоко оценено Собчаком, видимо, раньше посещавшим рестораны крайне редко, в основном с целью что-нибудь отметить.

Собчак немного выпил, но все съел. Его жена, Людмила Борисовна Нарусова, как-то странно манерничала, явно еле сдерживая провинциально-местечковую суетливость, когда пыталась использовать для взятия хлеба только большой и указательный пальцы обеих рук, все остальные сильно растопыривая в разные стороны. При этом беспричинно улыбалась, если замечала, что кто-нибудь смотрит в наш угол. То было время, когда у нее в гардеробе еще не висело сразу несколько дубленок, этого символа классических понятий бескрайних периферийных российских просторов о «роскошной» городской жизни.

Закончили мы первый ужин довольно поздно. Чтобы исключить обычную в таких случаях неловкость, я заранее рассчитался с официантом.

Проходя через уже готовившийся к полному расходу зал, по которому слонялись погрязшие в ресторанной ревности и блуде барышни, Людмила Борисовна, ловя взгляды окружающих, нервно покусывала свой газовый шарфик.

Домой ехали на моей машине. Оказалось, что мы живем на одной улице. Дома наши стояли рядом, и оба — малоудобные «корабли». Я засунул в автомобильный магнитофон кассету с записью Баха в современной аранжировке и сильным, чистым звучанием. Время пути было раздавлено космической музыкой. До самого дома мы молчали.

Лишь изредка Собчак косился на меня, сидящего за рулем. У парадной, не выходя из машины, Анатолий Александрович напрямую заявил, что пытается собрать команду единомышленников, пока, правда, неизвестно для чего, но если я соглашусь, то он предлагает мне в нее войти. Поблагодарив за доверие к малознакомому человеку, я выразил желание в дальнейшем уточнить задачи и определиться с кругом своих предполагаемых обязанностей. Путеводная звезда этого профессора уже была видна невооруженным глазом. Зовется эта звезда властью.

Через несколько дней мы встретились вновь. Он опять приехал ко мне. На этот раз один. Снова решили поужинать, но сегодня говорил Собчак. Я жевал и слушал.

Многие сидящие в зале уже с почтением признали в моем собеседнике пламенного солиста нового союзного парламента опереточного созыва. Он тоже с удовлетворением взирал на зеленую поросль молодых побегов своей завтрашней бешеной популярности, еще не будучи пренебрежителен к пришедшей в дальнейшем славе.

Нашу беседу прервал какой-то армянин в кожаной черной куртке и галстуке «бабочка-регат» расцветкой под американский флаг, что явно не гармонировало с общепринятой нормой поведения в этом ресторанчике нарочито русского стиля. Он подскочил и, поставив на наш стол бутылку коньяка, обратился в зал с пылкими словами благодарности к скромно сидящему Собчаку, который, по словам армянина, прямо на сессии Верховного Совета чуть было не подарил свой депутатский мандат, «это единственное бесценное сокровище, какое у него имеется», земляку владельца коньяка, в знак солидарности с борьбой армянского народа против азербайджанского засилья в Степанакерте, откуда ресторанный гуляка оказался родом. При этом армянин, отвернувшись, махал в нашу сторону руками, а так как Собчак сидел спиной к залу, то все уставились почему-то на

меня. Несмотря на то что выходка владельца «бабочки-регата», похоже, пришлась Собчаку по душе, я все же шепнул метрдотелю, чтобы он впредь исключил сервировку нашего стола чужим коньяком, а также воспрепятствовал организации межнациональной драки в случае нахождения в ресторане азербайджанцев.

Из обстоятельного застольного рассказа Собчака выходило, что мой собеседник родился в 1937 году в Чите, а вырос где-то под Ташкентом, и в Узбекистане у него целый полк всяких саранчеподобных родственников, которые, если он по-настоящему встанет на ноги, смогут задушить его своим провинциальным вниманием.

Следует отметить, он не ошибся. В дальнейшем мне не раз пришлось по команде «патрона» вводить в заблуждение его родственников, которые после избрания Собчака председателем Ленсовета тут же примчались привиться на ленинградскую землю, требуя себе квартиры, работу и еще черт знает что.

В Ленинград Собчак, оказалось, приехал на заре своей узбекской юности и, как ни странно было для него самого, с ходу поступил в наш университет.

Быстро пронеслись годы учебы, и его в качестве адвоката распределили в Ставрополье.

Тут можно подчеркнуть: я от Собчака никогда не слыхивал широко разрекламированную «демократической» прессой трогательную, полную сугубо партийных красок историю функционерной дружбы двух, в будущем знаменитых, покорителей ставропольского Скрижимента: Горбачева, тогдашнего комсомольского вожака края, и юриста Собчака, который, как уверяли демгазеты, тоже был комсомольским функционером, но только якобы районного пошиба.

Полагаю, и не без оснований: об этом «подлинном факте» своей биографии Собчак сам узнал из газет. Мне же он рассказывал, что в первый раз ему удалось приблизиться к главе партии и государства Горбачеву на неохраняемую, но строго контролируемую дистанцию лишь в Москве, и уже после Первого съезда Верховного Совета СССР. Тогда Горбачев, к волнительному ознобу Собчака, обратил свое высочайшее внимание на депутата от Ленинграда, одного из семидесяти двух областных центров РСФСР, любившего выступать против членов советского правительства с компроматом личного характера. При этом Собчак говорил без бумажки и законченными по смыслу фразами, что самому Горбачеву не всегда удавалось. На первых порах генсеку полюбился этот депутат, и он даже предложил Собчаку место в своей свите для поездки в Китай. Вероятно, предполагая там его показать как «образец нового мышления».

После отчаянной адвокатской борьбы за «максимальное использование» ставропольского клиента в своекорыстных целях, Собчака неудержимо потянуло назад, в Ленинград, ставший уже близким в студенческие годы. Закончив аспирантуру, он так и прослужил в университете до последнего времени, постоянно сражаясь за выживание, а также перебиваясь случайными заработками за читку лекций в школе милиции и разных ленинградских ПТУ.

Тут мы с ним вспомнили моего знакомого и, как оказалось, его учителя Иоффе, который уже давненько откатился вместе с эмиграционной волной в Америку, где, по рассказам Собчака, преуспевал. Помню, когда уже во время совместной службы Собчак первый раз съездил в Америку и нашел там своего наставника Иоффе, «преуспевающего» на 150 ООО долларов в год за несколько лекций в неделю, то ученику потребовались огромные усилия и личное мужество, чтобы заставить себя возвратиться назад в СССР, настолько он был заворожен продемонстрированной учителем перспективой.

Когда же Собчак мне поведал, что в КПСС ему удалось вступить лишь в 1988 году, всего за год с небольшим до нашей встречи, то стало ясно: служба в университете тоже не была для него такой уж безоблачной, как он уверял избирателей в своих выступлениях. В общем, в его ресторанном повествовании улавливались нотки неудовлетворенности жизнью и могучее желание теперь все наверстать за счет нерастраченного запаса повелевать, ранее сдерживаемого необходимостью пресмыкаться.

Было видно: Собчака уже неудержимо втянуло в водоворот борьбы за власть. Находясь пока еще у самого края этой воронки, не имея знаний и опыта, а также самого понятия, что делать с властью и как ее удержать, он все равно, полагаясь лишь на собственную интуицию, безрассудно смело лез к ней в опочивальню. Думаю, Собчак не до конца отдавал себе отчет в том, что власть эта деликатна и хрупка. Ее нужно держать, как птицу, крепко и осторожно, иначе либо раздавишь, либо улетит. Мир жесток. Даже проработав всю жизнь в одном лишь университете, он наверняка понимал: выжить можно, лишь карабкаясь наверх. Остановишься либо споткнешься — сразу затопчут. И в этой борьбе каждому нужны надежные помощники. А чтобы помощник не предал и был на все готов ради победы, желательно его подобрать в пыли, в самом низу. Тогда, если потеряет все «патрон», то одновременно всего лишится и помощник, став никому не нужным. Подобный способ подбора помощника стар, как мир: ведь только так можно обеспечить гарантию его преданности.

Судя по теплым интонациям голоса при рассуждениях о нашей будущей совместной деятельности, Собчак рассчитывал на нее всерьез. Когда мы уже подъезжали к его дому, я сам завел разговор о том, что созрел для принятия решения, но прежде хотел бы поставить три условия, причем независимо от будущей должности, которая, в принципе, была мне безразлична, поскольку почти весь номенклатурный набор был мною изведан в возрасте, когда Собчак еще штурмовал аспирантуру.

— Какие условия? — насторожился Собчак, заметно нехорошо покосясь на меня.

— Первое, — сказал я, не обращая внимания на его реакцию, — за мной будет бесспорное право говорить вам то, что думаю и знаю, а не то, что бы вы хотели услышать. Второе: вы также будете обязаны выкладывать мне всю информацию, известную вам про меня, какой бы нелепой и ужасной она ни показалась. При этом сразу требовать моих объяснений, не давая развиться интриге. Ибо даже в известных истинах есть место недомолвкам.

Видя его вопросительный взгляд, пришлось пояснить: «Вы зовете меня вступить в борьбу, где правила декларируются только для видимости, а также обмана и расслабления противника. Поэтому наиболее надежных и сильных помощников будут сразу же пытаться выбить из игры, а затем дискредитировать самыми немыслимыми средствами и способами. Если мы не станем абсолютно доверять друг другу, то последствия таких отношений на достаточно высоком уровне непредсказуемы, а вред неопределим. Лучше уж тогда не начинать дело… И третье: я хочу всегда быть уверен в вашей поддержке. Так как в самых критических, острых ситуациях я должен буду, образно говоря, прикрыть вас своей грудью, но если при этом вы откроете мою спину, то одним помощником у вас сразу станет меньше».

Остановились у дома. Сидели в машине и молчали. Под ногами редких прохожих похрустывала весенняя корочка ночного заморозка. На лобовом стекле заварилась ледяная накипь из тончайшей пыли. У помойки стоял желтый бульдозер диких размеров, вокруг него тыкался какой-то мужик, влекомый позывами мочевого пузыря. Он сквернословил и кому-то грозил.

Собчак в попытке сформировать решение уперся сосредоточенным, немигающим взглядом в кожаные спины парней, вразвалку шедших вдоль дома, как стая молодых медведей.

Я же сидел, охваченный предчувствием будущей значимости своего пассажира, еще не окунувшегося в липкое облако небывалой известности.

— Вот, — первым заговорил Собчак, — такие, — он показал глазами в сторону парней, — и убивают. Подобные преступники — большая для общества опасность, — ни с того ни с сего изрек он, продолжая сосредоточенно думать о чем-то другом.

— Ну, во-первых, кто сказал, что они преступники, — вскинулся я, — для общества же, если говорить о нем, страшна не подобная публика. Даже самый гнусный изувер может угробить только несколько десятков человеческих жизней. Миллионами же убивают, как правило, те, кто кормит белочек с рук, кто добропорядочен, непьющ и не изменяет жене. Гильотину, как известно, выдумали не преступники, а гуманисты, полагающие, что кладбище на то и существует, чтобы туда постоянно поставлять мертвых. На основании сконцентрированного опыта многих поколений известно: именно эти люди со скипетром власти в руке страшнее всех людоедов и бытовых преступников, вместе взятых.

— Ну а как вы, Юрий Титович, относитесь к смерти? — Собчак демонстрировал мне свою беззащитную и так идущую ему улыбку, ставшую потом плакатной.

— Надеюсь, интервью уже подходит к концу? — поддержал я шутливый тон. — Что же касается смерти, то общеизвестно: из жизни, даже несмотря на богатство и заслуги, не удалось еще никому вырваться живым, поэтому бояться смерти, полагаю, не следует. Главное — не скончаться от безделья. А раз обойти смерть нельзя, то любить ее попросту невозможно. Смерть как кафтан. Когда он одет на другого, то это не очень впечатляет. В тот момент человек забывает, что этому кафтану износа нет. В общем, если будут убивать, то я предпочту не скулить. Этого не простят даже мертвому. Чтобы умереть человеком, надо даже палачу улыбаться…

Скажу по совести: даже чувствуя за Собчаком большое будущее, меня бы в тот момент вполне устроило непринятие им моих условий, ибо в свое время, уже пройдя почти всеми деловыми коридорам нашего города, я прекрасно сознавал: его согласие враз лишит меня приобретенной свободы, независимости и права делать чего захочу при наличии достаточного кругозора, а также умении зарабатывать на жизнь себе и другим в современных условиях.

Ведь в случае его согласия придется впрячься коренным рысаком в чужую телегу, вступить в борьбу за неведомое будущее и в войну с собственным прошлым.

Я терпеливо ждал, пока Собчак водил пальцем по лакированной панели «Мерседеса». Наконец он широко улыбнулся и, протянув мне руку, сказал: «Идет! Условия принимаются».

Стало ясно, что капризная фортуна опять пытается затащить меня под свет новой рампы. После раннего взлета моей судьбы, а затем падения ниже уровня городской канализации, с завтрашнего дня нужно будет вновь кардинально менять свои жизненные интересы. Ибо плохо работать я не умел.

Скорее вежливое, чем необходимое предложение Собчака подняться к нему в квартиру и попить чайку встретило мой отказ, и разговор перешел на деловой, инструктирующий тон предстоящих задач.

Расставаясь, договорились, что наш союз обойдется пока без рекламы. Будущее светало и звало.

Глава 2

Финал Советской власти

«Скажу всем как профессор советского права…»

Довольно быстро я составил для себя представление о расстановке в городе основных новых политических сил с неслыханными доселе названиями: разношерстные «фронты», «фронды», «зеленые», «мемориалы» и т. п. После этого отправился на первый слет свежеизбранных городских депутатов, которые сразу же окрестили себя «народными избранниками». Народ еще даже не подозревал, как с ним рассчитаются за доверие.

Почти заурядный снаружи Мариинский дворец подле Синего моста, самого широкого в Ленинграде, был построен в эпоху Николая I тогдашним казенным архитектором Штакеншнейдером и принадлежал любимой дочери царя, красавице, если судить по портретам, Марии Николаевне, жене герцога Лейхтенбергского. До революции тут помещался Комитет министров и Государственный Совет — высший законодательный орган империи. Внутри дворец блистал великолепной отделкой, лепными расписными потолками, роскошными инкрустированными дверьми с замечательными ручками и изобилием настенных зеркал, помнивших отражение многих поколений российских государственных деятелей, среди которых были воспеваемые нынешними «демократами» Витте и Столыпин.

В бытность своей работы одним из руководителей Ленинградского областного и городского статуправления, я бывал в этом дворце почти ежедневно, поэтому прекрасно ориентировался не только в парадных, но и во внутренних, довольно запутанных деловых коридорах с многочисленными, достроенными уже в наше время переходами к другим рядом стоящим зданиям, объединенным одним названием: «Ленгорсовет» или пресловутый «Ленгорисполком».

Зайдя через левый подъезд и раздевшись в небольшом гардеробчике, я прошел около уже не требовавшего никаких документов милицейского поста; мимо беломраморной лестницы, ведущей на второй этаж к кабинету, много лет занимаемому отцом моего друга Олега Филонова; миновал коридор первого этажа и поднялся хорошо знакомой узкой служебной лестницей прямо в приемную к тогдашнему главе Ленгорисполкома В. Ходыреву, под началом которого когда-то работал в Смольнинском РК КПСС. Я всегда питал уважение к этому малорослому, матерщинистому человеку с перманентной «плойкой» густых седоватых волос.

В приемной никого, кроме двух помощников Ходырева, не было. Один из них, В. Кручинин, мне тут же рассказал, как они добились у жителей пригородного Павловска избрания Ходырева своим депутатом. При этом оба как-то подавленно и нервно посмеивались и переглядывались.

Так, болтая, стоя за конторкой дежурного помощника, мы не заметили, как в приемную вихрем ворвалась, судя по бровям, перекрашенная в противоположный цвет женщина осеннего возраста и почему-то, несмотря на раннюю весну, в сарафане, из которого всем демонстрировались голые плечи, защищенные своей непривлекательностью. Окинув нас презрительным взглядом трудолюбивой проститутки, она молча рванулась в кабинет к Ходыреву.

— Куда? Зачем? Позвольте узнать, — преградил ей путь Кручинин.

Тут она, ни с того ни с сего, повела себя, как перегружаемый лопатами при факелах порох. По крайней мере, Кручинин с трудом понял из ее сбивчивого визга, когда и за что он будет уволен без выходного пособия и компенсации за отпуск.

Видя, как от непонятного нам волнения и разнофазных движений сарафан на ней начал проседать, я поспешил вмешаться, спросив, кто она будет и чем недовольна.

— Я народный избранник! — гордо взвизгнула она, нарекая себя еще только входившим обозначением депутата-«демократа».

— Правильнее, наверное, избранница, — поправил Кручинин, — но Ходырев, я думаю, сейчас занят. Он готовится к сессии.

— Если он меня немедленно не примет, мы его сразу же переизберем, — опять закричала депутатка.

На шум в приемную вышел сам Ходырев, кивнув мне, спросил, в чем дело.

— Вы, Ходырев, должны немедленно отправить правительственную телеграмму в Литву, в Вильнюс, с изъявлениями нашей поддержки литовского народа и «Саюдиса» в их справедливой борьбе за независимость, — выпалила одним духом сарафанная дама.

Даже привыкший ко всему Ходырев довольно обалдело воззрился на защитницу «Саюдиса»:

— Позвольте узнать. Независимость от кого?

— От русских!

— А вы, надо полагать, литовка?

— Нет! Я «демократка»! И разделяю их борьбу!

— Ну, так сами и отправьте телеграмму, — закончил Ходырев, как-то несолидно юркнув в кабинет и заставив нас продолжить разговор лишь глазами.

Тогда все еще только начиналось. Порой нелепо и смешно. В массовом порыве все кругом немедленно преобразовать и переиначить, причем на всеобщее благо, еще никто не усматривал близкую трагедию каждого в отдельности и страны в целом. Никому еще в голову не приходило, что, скажем, традиционные места отдыха на Черном и Балтийском морях вдруг окажутся за границей. Что «демократы» скоро разорвут в клочья великую страну и кровоточащими кусками, окрашенными в национальные цвета, станут подбрасывать другим государствам, желающим их сожрать. Что будут вынуждены сниматься с родных, но, как внезапно окажется, не «исторически-национальных» мест целые деревни и станицы, простоявшие сотню и более лет, сыгравшие тысячи свадеб под кронами посаженных садов, родившие и схоронившие в этой земле несколько своих поколений.

Пройдет немного времени, и все будет безжалостно оторвано от корней и могил, а на границах, за сотни лет щедро усыпанных костьми русских пехотинцев, будут нести службу уже не наши пограничники, как и сами эти границы уже будут разделять чужие страны.

Первая сессия нового созыва должна была вот-вот начаться. Через приемную еще действующего секретаря исполкома Шитикова я вышел в ротонду — круглый зал, окаймленный прекрасной белой колоннадой и расписными стенами под стеклянным куполом крыши. Вход из этой ротонды вел в зал заседаний с великолепными потолочными фресками.

Ротонда гудела, как улей. Вокруг сновали и толкались почти поголовно небритые люди в странных для здешних мест одеяниях, с большими заплечными сумками наперевес, почему-то почти у всех одинакового черного цвета. Обладатели этих сумок, присланные сюда волей своих избирателей, бурно похлопывая себя и соседей по разным частям тела и восклицая, представлялись друг другу. Заметно было, что многие уже знакомы, судя по обрывкам их разговоров об участии в каких-то «фронтах». Некоторые непринужденно курили в кулак, поэтому дым шел через вязку растянутых на локтях, сильно заношенных пуловеров и свитеров. Казалось, не хватает только красных бантов, бескозырок, пулеметных лент, и можно немедленно начинать съемку небрежно одетой, без учета эпохи, массовки фильма о революции.

Выносного буфета, который обычно в период сессий работал возле зала заседаний, на этот раз не было, возможно, по причине бескомпромиссной борьбы с привилегиями, объявленной предвыборными программами. Поэтому депутаты пили воду из-под кранов в туалете, точнее лакали без стакана.

Я поднялся на балкон ротонды. Сверху этот растревоженный улей выглядел еще более живописно. Какой-то депутат в ермолке, не обращая ни на кого внимания, но прикрывшись сумкой, вероятно, от конкурентов, пытался свернуть большой бронзовый набалдашник с великолепной старинной дверной ручки. В этой толпе вместе с бородатым подручным Гдляна передвигалась зигзагами, интригуя на ходу, владелица «Пятого колеса» в белой «обольстительной» кофточке с большим вырезом на несвежей, но сильно припудренной груди.

Работники исполкома, хорошо заметные на этом фоне, пытались по старинке заниматься регистрацией прибывших. Надо сказать, что ко времени созыва первой сессии новых избранников среди штатных работников оставались лишь те, кто обладал повышенной выживаемостью, независимо от политического режима.

После нескольких звонков, затаптывая «хабарики» прямо на блестящих лаковых паркетах, толпа потянулась в зал заседаний для рассадки.

Место президиума, согласно традициям и протоколу, занял еще не переизбранный Ходырев, чем сразу вызвал бурную реакцию зала, хором потребовавшего, чтобы он нашел себе стул в общих рядах партера. Затравленный Председатель исполкома, ни на кого не глядя, под одобрительный гул народных депутатов сошел вниз и сел в первых рядах. Вокруг него кресел на пять сразу же образовалась пустота. Даже самые «надежные» его подчиненные постарались смешаться с толпой. В глазах Ходырева осела усталость от разочарования в людях. Подле последнего советского мэра только один помощник лебезил из последних сил.

Одним из первых на трибуну поднялся человек с хорошим лицом и пегой, стриженной под старорусского купца, хрестоматийно-лопатообразной бородой. Это был Петр Филиппов, избранный депутатом одновременно городского и республиканского советов. В тот период, кроме двух мандатов, он еще являлся владельцем довольно тускловатой биографии, что высоко ценилось его сподвижниками, а также имел какой-то кооператив типа «Металло-фурнитуры» вкупе с личными парниками. Этот мандатовладелец был пытлив, умен и кое в чем сведущ.

Филиппов пописывал статейки в журнал «Эко»; когда-то работал механиком в гараже и даже умудрился быть отчисленным из очной аспирантуры за «профессиональную непригодность», что, бесспорно, свидетельствовало о его потрясающих способностях, ибо кто знает наши очные аспирантуры, да еще экономического профиля, тот поймет всю уникальность подобного мотива отчисления.

В дальнейшем Петр Филиппов выдвинулся в Верховный Совет, где стал одним из «выдающихся» теоретиков развала экономики страны на переходе к «рынку» и автором ряда программ экономических преобразований для ускорения крушения социализма. По пути он заделался совладельцем газеты типа «Невское время» и нескольких «приватизированных» им предприятий. Внешне, даже среди этой публики, он умудрялся выделяться всегда не глаженными брюками, потертым воротом рубашки и грузно набухшим, под стать купеческой бороде, животом.

Филиппов у меня всегда чем-то вызывал неуловимую симпатию. Прекрасно видя поставленные им личные алчные цели по

овладению чужой собственностью и неистребимое желание стать за счет обворовывания других очень богатым человеком, я всегда с искренним изумлением следил за его демагогическими парламентскими ходами, искусно камуфлирующими основную стратегическую линию захудалого хищника. Браво, Петр!

В первый раз выйдя на трибуну в Мариинском дворце, Филиппов поведал о больших заслугах Народного фронта, который он здесь собрался представлять. Своим заявление Петр тут же обнажил трещину в отношениях между собой и другим видным пожилым народнофронтовцем, Мариной Салье. Эта трещина затем превратилась в пропасть, что нами позднее было использовано для становления и укрепления Собчака. После своего сольного номера Петр Филиппов довольно толково повел эту «вольнодумную» сессию-слет.

Был избран президиум, разумеется, без окончательно подавленного Ходырева, и предложено немедленно создать много разных, но абсолютно «независимых» депутатских комиссий. Слово «независимость» в разных вариантах очень часто употреблялось в тот день. У меня создалось впечатление, что независимыми называют себя все те, кто не знает и не желает знать, от кого зависят.

После небольшого перерыва трибуна стала местом паломничества всех, кто хотел перед телекамерой посостязаться с другими в любви к народу. Словесная накипь бушевала много часов кряду. Все пускали радужные пузыри, уверяя о наконец наступившем с их приходом «светлом будущем». В общем, крутили одно и то же яйцо, демонстрируя его со всех сторон, но обещая, что обязательно найдут новую форму. Трибуна изнывала от неистовства обещавших. Были призывы одним махом покончить с «бесплатным» социализмом, так как бесплатной, как уверяли выступавшие, может быть только радость, и при том почему-то неискренняя.

Один депутат с не поддающейся классификации черной, смоляной, асимметричной бородой под роговыми очками предложил путь к полной независимости разбить на два последовательных этапа, с использованием первого как возможности обретения сначала всеобщей душевной независимости через исповедуемую им лично, а посему сугубо индивидуальную религию.

К пузырю микрофона прикладывались все новые и новые люди. Ходырев и подсевший к нему, вероятно, самый храбрый или просто отчаянно-порядочный его заместитель дико озирались.

Молодые, но уже «гениальные» депутаты предлагали тут же начать творить новые законы, ибо старые обязаны, по их мнению, умереть вместе с прежними законодателями. При этом они уверяли, что всякое начало должно иметь скорое продолжение, иначе никто не заметит самого начала. Их всех мучила жажда силою новых законов сразу сделать народ счастливым.

Затем вырвался на трибуну Валера Добриков, которого я знал много лет как неплохого парня. Он был смел, дерзок, неопрятен в помыслах и любил играть с опасностью, что могло привести к естественному финалу. Смысл его выступления сводился только к стремлению быть замеченным. Это лишний раз убеждало: чем сильнее гласность, тем слабее слышимость.

Тридцатисемилетний очный аспирант Саша Беляев, избранный после Собчака председателем Ленсовета, как-то спокойно выступил и, в отличие от многих, без истерики дал всем понять: главное в идее — ее провозгласить, а что же касается реализации, то это дело второстепенное. При этом Саша всем намекал на необходимость повышения собственного достоинства обязательно прямо пропорционально увеличению личной собственности. В заключение он заявил, что наша «демократия» самая «демократичная». И даже пытался прогнозировать, но как-то однообразно, типа «чем дольше падение, тем позднее будет удар, и поэтому разуму лучше уступить силе». Лишь тогда, по мнению Беляева, можно будет победить силу. О какой и чьей силе шла речь, я не понял. Вообще-то, в самом Беляеве просматривалась какая-то скрытая гипнотическая сила, замешанная на зачатках сумасшедшей мании величия. Выступая, он делал слишком длинные паузы, будучи уверен, что многоголовая аудитория безголовых чего-то хочет от него услышать. Но большинство собравшихся отрицало все, включая Президента страны.

В этой компании плебеем считался любой, кто признавал, что есть патриции. А врагом объявлялся каждый пользующийся закрытым буфетом. Наличие же общих врагов, как показал дальнейший опыт, сразу объединяло все депутатские фракции и группировки, а отсутствие противника сеяло между ними раздоры с неприязнью. Поэтому я понял: враг просто нужен. Без него им невыносимо жить.

К самому концу огласили призывы создавать кроме комиссий всяческие движения и печатные органы. Рекомендовалось также разрушать и искажать все, что может быть разрушено и искажено. Разные глупости тут же передавались по телевидению со скоростью света.

Под занавес этой сессии был определен «единственно верный курс» в абсолютно неизвестном направлении, и, кажется, закончился этот шабаш избранием комиссии по приемке-передаче дел от старого состава исполкома. Возглавил комиссию, по-моему, депутат Гапанович (Гапанович это фамилия).

Подавленный «грандиозностью» виденного, я долго сидел в машине с работающим мотором около дворца, пока ко мне не подошел Саша Беспалов из организационного отдела Ленсовета и спросил, какие у меня проблемы. Проблема была одна: я не мог очухаться. Несчастная Родина-мать! Я сознаю свое ничтожество, но и мне ясно, что ты, похоже, тяжело заболела. Может, тебя поразила злокачественная любовь к «демократии»? Или у тебя шизофрения, раз ты хочешь свой народ пустить по миру? Ведь изменение образа его жизни — это, как замена религии, возможно лишь насилием. Мирный же путь исключен. Дальнейшее существование всего, что удалось создать за 70 с лишним советских лет, сохранить и приумножить было поставлено сегодня под угрозу и сомнение. Похоже, ты проиграла в умной борьбе с другими странами за обладание душой

собственного народа. Чем я могу помочь тебе? Я не знал.

Когда мне пришлось поделиться с Собчаком впечатлениями об этом слете и слетевшимся на него, он, к моему удивлению, долго и странно удовлетворенно смеялся.

В последнее время Собчак почти безвылазно находился в Москве, гарцуя на заседаниях Верховного Совета, но, главное, пробивая себе квартиру, при этом ссылаясь на то, что жить в гостинице вместе с постоянно пьяными коллегами-депутатами он, малопьющий, не в состоянии.

Глава 3

Выбор идола

Москва! Как много в этом звуке для сердца…

Если бы в то время кто-нибудь сказал, что скоро для гулянки по случаю еврейского национального праздника будет арендован Кремлевский Дворец съездов, название которого даже в газетах писалось с больших букв, то, надо полагать, этот «предсказатель» мог бы получить по политическому сусалу за разжигание антисемитских настроений.

Тогда еще никто не интересовался «девичьей» фамилией лидера столичных «демократов», московского «грека» Гавриилы Попова.

Еще никто не обращал пристального внимания на изменившиеся повадки Горбачева, который вдруг перестал интересоваться ходом строительства своей летней резиденции на берегу живописной бухты в абхазской Пицунде.

С окончанием этой стройки он все время лично торопил, и вдруг.» Его также перестала интересовать внутрипалубная отделка черноморской яхты на манер императорской «Полярной звезды». Уже и Раиса Максимовна перестала выезжать для демонстрации своего шубного гардероба перед изумленно-восторженными обитателями нашей глубинки, еще сбегавшимися на этот праздник моды.

Эта чета, одна из немногих в Москве, была прекрасно осведомлена о скором наступлении развязки в этой, поставленной западными режиссерами, национально-государственной трагедии, где в качестве сцены использовали территорию нашей, тогда еще огромной страны с ее трехсотмиллионным населением. Горбачев и его малочисленная группа, в простонародии названная шайкой, обеспечила полный аншлаг, а доход от этого геополитического спектакля уже осел на личных счетах, открытых в зарубежных банках. «Заработанных» таким образом денег главному организатору теперь с лихвой хватит на покупку вместо Пицунды десятков резиденций на побережьях любых морей.

То было время, когда еще никто не сомневался в незыблемости нашей врожденной уверенности в своем завтрашнем дне, будущем своих детей и своей страны.

Еще не омывались окраины России приливами крови.

Еще никто не настаивал на переименовании наших городов. А Великую Державу не называли «бывшей страной СССР», лишив ее имени, гимна, флага и растоптав герб.

В ту пору еще все возмущались угрозой рыжковского Кабинета министров СССР поднять цены на 5–7 %. И никому в голову не могла прийти мысль смиренно пережить скачок стоимости в сотни раз.

Еще не расползлись по остаткам СССР бог весть кем придуманные, но с сильным привкусом перевода с английского, так называемые «реформы», облепляя жиром и обволакивая взятками новую популяцию уже не советской бюрократии. И еще не начались широкомасштабные истребительные эксперименты над многонациональным народом, которые потом почему-то назовут «экономическими опытами молодого гайдаровского правительства», правда, опустят слова «над крысами», частенько употребляемые в слышанных разговорах между самими «экспериментаторами».

Еще никто не подозревал о существовании гениального плана, добротно сработанного на суперкомпьютерах Запада, по мгновенному и окончательному разгрому СССР с помощью имитации государственного переворота. Гениальность этого плана заключалась в том, что одновременно с уничтожением без единого выстрела огромного государства как мировой единицы в целом внутри него одним махом полностью ликвидировалась оппозиция. Попутно подымался дух народа. Укреплялось собственное положение победителей, и остатки страны с разных сторон поджигались разноцветными огнями межнациональных конфликтов. Единственный риск заключался в том, чтобы эта имитация не переросла в подлинный переворот, потому что, «если бы путч закончился удачей, тогда б назвали все его иначе».

Нужна была драка на сцене, но не в зале. А для этого необходимо было ювелирно подобрать время, совместив его с периодом традиционных отпусков и невозможностью быстрого сбора союзного парламента. Но тогда еще никто не знал, что это будет именно август 91-го. А победителей, к сожалению, не судят.

В то время, о котором идет речь, КПСС еще опиралась на шестую статью Конституции и не подозревала о скорейшей своей ликвидации, как и ликвидации самой Конституции СССР в целом.

Еще не улюлюкали весело «демократы» при виде уползающего с исторической сцены своего классового врага рабочего, который ими будет растоптан, обворован, обманут и ввергнут в голод.

Тогда коммунисты еще только готовились к своему последнему съезду, и никто из них не подозревал, что он будет завершающим, а потому аккордным.

Судя по моему разговору с секретарем Ленинградского обкома КПСС Владимиром Золкиным, наши городские делегаты собирались вновь избрать генсеком Горбачева, предварительно мягко, по-партийному пожурив его за «странный» ход этой

«перестройки». Когда же я посоветовал Золкину выступить на съезде с предложением вообще исключить Горбачева из партии, он взглянул на меня уставшими глазами психиатра, уже закончившего прием больных.

Весь нейтральный мир поглядывал на нас с еще тщательно скрываемым гастрономическим интересом, и никто не пытался требовать пересмотра итогов минувшей войны или тихой сапой, по живому, отхватить от туши раненого гиганта какие-нибудь острова на востоке, горы на юге, либо обширные территории на западе, где братские могилы наших русских солдат преобладают на кладбищах аборигенов.

Радость новизны телепарламентских шоу овладела массами. Собчак получил в Москве роскошную квартиру и, судя по редким визитам в Ленинград, занимался бурной столичной деятельностью, выстраивая определенную перспективу своего возможного переезда поближе к парламенту, где он тогда ваял свой политический образ, наполняя его не только внутренним, но и внешним содержанием, как, например, отработкой улыбок от льстивой и мстительной до физиологической, а также репетировал «демократические» жесты правой рукой. Для оживления этого образа и взлета своей политической карьеры он в качестве донорской использовал кровь, пролитую в Тбилиси в апреле 89-го. Когда же там позднее потекут кровавые реки, это уже вообще никого не будет интересовать.

Для демонстрации широты кругозора и экономической грамотности любовно сконструированного им самообраза Собчак с трибуны Верховного Совета громил правительство Союза за мизерную по тем временам «эмиссию» денежной массы, используя это малопонятное людям слово чуть ли не как синоним обвинения в государственной измене и предательстве жизненно важных интересов народа. Тогда еще никто не догадывался, что скоро эта самая «эмиссия», то есть печатание самих денег, будет едва ли не единственной в стране сферой производства с растущим объемом выпуска. Все остальное, включая космическую отрасль, чем так всегда гордились, придет в неимоверный упадок. Слова Собчака растают в воздухе, а его обещания уйдут в песок.

Из обрывочных разговоров той поры я понял, что в своих мечтах ленинградский профессор в случае перебазировки в Москву видит себя в одном из трех кресел: председателя парламентского комитета; министра юстиции СССР либо, на худой конец, Генерального прокурора страны. Правда, в последнее кресло его почему-то не очень тянуло.

Для Минюста же тогдашнему спикеру парламента А. Лукьянову приглянулся Сергей Лущиков с хорошими озорными глазами, не заносчивый, по-человечески простой юрист из глубинных недр России. Что касалось парламентского кресла, то и тут что-то застопорилось, после чего Собчак потерял всякий интерес не только к самому Верховному Совету, но и сохранению СССР в целом.

Надо отдать должное Собчаку, он довольно быстро разобрался в иерархическом строении столичного айсберга, и все внимание переключил на изучение его подводной части, активно собирая компроматы относительно всех лиц из высшего эшелона власти. В дальнейшем, при случае, довольно ловко интригуя и шантажируя всех. Если ему удавалось отколоть существенный кусок от подводной части, то он тут же давал об этом знать всем заинтересованным лицам. Его персонально направленных выступлений на Верховном Совете стали побаиваться. Сама борьба под кремлевскими коврами сильно увлекала Собчака. К примеру, Рыжков, по известным только ему причинам, связываться с Собчаком не желал и шел просьбам последнего почти всегда навстречу, чем мы неоднократно пользовались в начале нашей работы в Ленсовете. Собчак же это свое «влияние» при каждом удобном случае неоднократно с гордостью подчеркивал, особенно когда что-то требовалось получить от правительства СССР.

Жена Собчака, тогда еще не потерявшая интереса к работе в своем институте культуры, навещала его в Москве относительно редко, экономно используя для наездов, как правило, только выходные дни. При этом она постоянно сокрушалась вынужденным огорчительно-расточительным расходам на поездные билеты. Поэтому вечерами он в одиночку мотался по разным иностранным представительствам и частным квартирам, знакомясь на всякий случай со всеми без разбора, этим составляя бесконечный сериал хаотичных связей, которые невозможно было систематизировать даже ему самому. В этих «броуновских» знакомствах могли одновременно соседствовать какой-нибудь давно перешагнувший за черту средней продолжительности жизни грек-миллионер с совсем молодым и бедным выпускником американского колледжа или, скажем, Геннадием Хазановым, приятельством с которым Собчак тогда очень гордился, словно провинциал, приехавший погостить в столицу и угодивший в один ресторан, например, с Софи Лорен, где их столики случайно оказались рядом. Обычно такой факт из своей биографии «счастливчик» многие годы пересказывал всем подряд, причем обязательно пренебрежительным тоном.

В Ленсовете усиленными темпами шла примерка должностей и кабинетов, но желающих их занять оказалось намного больше. Поэтому тут же завязывалась борьба, обострение которой зависело, главным образом, не так от самой должности, как от красоты и благоустроенности присовокупляемого к ней кабинета.

Ходырев на работу больше не ходил. Город, как большой корабль, даже потерявший управление, еще долго мог, не рыская, идти вперед инерционным курсом.

В коридорах Ленсовета царила восторженная суета, было необыкновенно весело, как в староиндийских фильмах, когда случайно заблудившиеся в джунглях бродяги вдруг натыкались на заброшенный дворец, полный сокровищ. Приняв находки за свое счастье, они не понимали, что главное для них поиск дороги к людям, которую смогут одолеть лишь идущие, не отягощенные прихваченным чужим золотом. Но блеск возможностей, свалившихся в виде несметных сокровищ, начисто лишал этих «туристов» рассудка. Нечто подобное можно было наблюдать и на этом «демократическом» нерестилище свежеиспеченных «народных избранников», где посторонний созерцатель становился невольным свидетелем невероятно быстрой изменчивости политических портретов и морали.

Пройдет немного времени, и политический стриптиз охватит почти всех. Появятся даже свои солисты. Поэтому на валяющееся повсюду политтряпье уже переодевшихся никто не станет обращать внимания. А «демократическая печать», которая быстро переживет период полового созревания и оплодотворит «гласность», вскоре сама превратится в исполинский механизм организованной клеветы и оболванивания народа.

С бесконечно деловыми лицами, охваченные всеобщей озабоченностью, депутаты слонялись по закоулкам доставшегося им дворца, выискивая привилегии, в беспорядке разбросанные бежавшими «аппаратчиками», как тогда их стали именовать. Несмотря на злобную критику этих самых «привилегий» в период своей предвыборной борьбы, депутаты не только быстро с ними смирились, но вскоре изобрели новые, до которых додуматься их предшественникам не давала охаянная всеми прокоммунистическая мораль. Старых привилегий новой власти попросту не хватало. Удивляться тут было нечему. Раньше, скажем, персональными машинами пользовалось ограниченное жестким регламентом меньшинство, а теперь, с учетом «равенства и братства» всего депутатского корпуса, автобаза Ленсовета сразу задохнулась от количества заявок всех разом представителей новой популяции, желающих прокатиться в избранных ими направлениях.

Разбившись по никому не ведомым признакам на комиссии, народные депутаты (для краткости нардепы) тут же стали делить ранее неделимое. Я имею в виду не только право пользоваться автотранспортом, но и всякие денежные фонды, дачи, резиденции, подведомственные организации, сувениры и, конечно же, поездки за границу, причем неважно куда и даже безразлично в каком качестве, но почему-то обязательно в стоптанных кроссовках.

Справедливости ради можно отметить: и эти дележи дальше ожесточенных споров также не пошли. Просто никто не знал, как это делается.

Естественно, кроме пылких предложений всяких невероятных планов, типа «сплошной кооператизации окружающего пространства», дело не двигалось. Никто ничем путным не занимался. Да в такой толчее это было попросту невозможно. Как и в любой стае, тут нужен был вожак.

В своей среде, подстрекаемой к его рождению, он вылупиться, как оказалось, не мог. Такая кандидатура должна была удовлетворить вкусы основных депутатских формирований-фракций, взаимная неприязнь которых не только космополитическая, но какая-то патологическая, уже была очевидна. Так, из примерно 370 активных депутатских «сабель» Ленсовета около сотни были за Петра Филиппова и столько же за М. Салье. Однако непримиримая междусобойная вражда самих лидеров исключала депутатский альянс в их совместной атаке, и поэтому становилось маловероятным избрание вожаком представителя одной из фракций.

Во всех этих историях с отбором и избранием на разные должности было много просто нелепого. Все занимались не поиском достойных и способных, а взаимной борьбой против выдвиженцев отдельных депутатских кланов, особенно если речь шла о занятии ключевых постов, в коих, надо отдать нардепам должное, они быстро разобрались. Отсюда, каждый протаскиваемый кандидат был, как правило, без учета его личных данных, продуктом взаимных уступок депутатских стай, каждая из которых считала именно свои клыки священными. Пошли бесконечные компромиссы, разумеется, в ущерб делу, во главу которого кого-нибудь избирали. Кандидаты образованные, умные, опытные, смелые имели, безусловно, ярко выраженную собственную точку зрения, что при голосовании, бесспорно, не могло понравиться представителям разных лагерей. Вот так был введен в употребление номенклатурный слой «грибов», годных одновременно «и на жарку, и на варку». Это явилось одной из многих причин последующих катаклизмов во всех властных структурах.

Среди спешно избранных чем-нибудь поруководить частенько попадались не только откровенные «поганки», но, как показала практика, даже в принципе не понимающие, что требуется от них, кроме ежедневного прихода на работу. При этом они были вооружены болезненной самоуверенностью в способности справиться с любым, абсолютно незнакомым им делом, на освоение которого даже у более достойных уходят многие годы жизни. В основной массе избранных руководителей оказались люди, выхваченные судьбой из толпы, планида которых, неожиданно для них самих, резко и круто взмыла ввысь, реализуя честолюбие только за счет бешеной активности, но при полном отсутствии прочего необходимого. Поэтому в итоге и получился праздник безликой посредственности с отрицательным очарованием.

Мне еще тогда было не ясно, какие высокие цели могут быть достигнуты людьми, невежество которых вполне очевидно. Да и как можно было ставить перед ними эти цели? Все они сильно смахивали на ворвавшихся в оркестровую яму зрителей, которые прогнали музыкантов, расхватали инструменты, но дальше критики сбежавших исполнителей дело пойти не могло, ибо каждый впервые в жизни держал инструмент в руках. Поэтому задуманный и объявленный концерт состояться не мог даже при огромном желании его исполнить. Тут и дирижер будет ни при чем, а тем более зрители, собравшиеся послушать музыку.

Когда Собчак по приезде в Ленинград сообщил, что группа городских депутатов нашла его и уговаривала стать предводителем Ленсовета, я вовсе не удивился. К этому времени его звезда на центральном московском небосклоне уже прошла свой апогей и закатилась. Похоже, Собчака там разглядели невооруженным глазом, несмотря на первоначальную аккуратность политических перелицовок, которые впоследствии он исполнял уже без счета и оглядки. В Москве Собчак стяжал себе славу автора стилистических выходок, нескромных и рискованных по смыслу, а порой и мерзких по содержанию, но привлекавших внимание своей художественной образностью во время его выступлений в Верховном Совете СССР. Главным его оружием стало ошеломить слушателей лихой эскападой, порой заимствуя приемы из блатного жаргона.

Московские слушатели понемногу стали уже изнемогать от пустых словопрений поглощенного страстной игрой амбиций Собчака, поэтому сломать систему и вырваться вперед с большим отрывом на московском номенклатурном полигоне ему стало

невозможно. Единомышленников в столице, бескорыстной помощью которых он мог бы располагать, у него практически не было. Все, кого он вовлекал в свою орбиту или пытался это сделать, на поверку не уступали ему в пустозвонстве, поэтому, тщательно все взвесив, Собчак дал согласие на использование своей персоны в Ленинграде. Роль простого «пламенного» парламентского трибуна его уже не устраивала.

Оценивая по фракционным признакам делегацию, посетившую Собчака, стало ясно: депутаты, наконец-то, дружно пришли к выводу о невозможности занять кресло председателя Ленсовета одному из них и поэтому согласились на поиск варяга. Кандидатура Собчака, как они посчитали, была не из худших. При этом я понимал, что должность председателя исполкома Ленсовета, то есть главы исполнительной власти в городе, каковым сегодня является мэр, они постараются всучить кому-нибудь из антиподов Собчака, чтобы подобным «равновесием» парализовать необходимую гибкость всей конструкции и тем самым сделать ее в итоге неработающей. В своих предположениях я не ошибся. Навстречу Собчаку из политических джунглей вышел его коллега по Верховному Совету Союза, бывший военмор, а на пенсии магазинный грузчик Александр Щелканов.

Это были абсолютно разные люди, чем и объяснялась в дальнейшем их непримиримая, обоюдоострая вражда.

Их путь на городской Олимп был также различен. Собчаку, чтобы занять пост главы Совета, нужно было предварительно получить мандат городского депутата, а Щелканову для того, чтобы стать мэром, по новому закону этого не требовалось. Мэра избирали сами депутаты на любой из своих сессий.

В дальнейшем их борцовский дуэт принесет городу много вреда главным образом тем, что на бесцельные схватки этих лидеров будет угроблено драгоценное и уже ничем не восполнимое время.

А пока депутаты стали быстро готовиться к выборам Собчака в городской Совет по свободному 52-му избирательному округу, который находился как раз в том районе, где он жил. Они действовали настолько активно и разумно, что мне по просьбе Собчака оставалось только наблюдать, не вмешиваясь и не поправляя.

Энтузиазм избирателей к описываемому времени уже заметно осел, как утренний туман, и стали проступать тревожные очертания грядущих бедствий. Этому способствовали постоянные телерепортажи без купюр со всяких сессий и депутатских сборищ. Правда, народ пока еще без ужаса смотрел на своих избранников.

Надежды не успели угаснуть. До злобного презрения было еще далеко. Наступало апатичное время освобождения людей от любви и ненависти. Общество на длительный период погружалось в равнодушие, поэтому нужно было торопиться, чтобы успеть заставить избирателей заодно довериться еще и Собчаку.

К депутатам, организовавшим выборы, Собчак тогда относился как к родным, а В.Скойбеду как-то попытался даже приобнять.

День выборов начинался чистым и солнечным, аккуратно помытым утром. Это было неплохим признаком успеха. Тогдашняя популярность Собчака делала его, бесспорно, недосягаемым для других кандидатов, поэтому проблема виделась не в том, за кого проголосует пришедший к урне избиратель, а в желании людей вообще идти голосовать. К одиннадцати часам вечера сложилась критическая обстановка. Жиденький ручеек голосующих совсем обмелел, а до 50 % от общего числа зарегистрированных избирателей плюс один голос не хватало около сотни человек. Проигрывать было нельзя: это явилось бы для Собчака полным крушением его дальнейшей политической карьеры. Он, безусловно, понимал это отчетливее других, поэтому успокоительные слова были не нужны. Депутаты за него боролись молча и яростно, разбежавшись со списками по близлежащим общежитиям, где кто как мог уговаривал людей сходить на ночь глядя проголосовать. В ход шло все возможное, включая деньги, но платили не за голосование в пользу Собчака, а только за приход на избирательный участок. Мы все были убеждены: подавляющее число проголосовавших отдали предпочтение именно ему.

Далеко за полночь произошла разрядка. Нардепы победили избирателей. Собчак прошел. Впереди была сессия городского Совета, депутатом которого он стремительно стал.

Каждая группировка втайне надеялась, что противоборствующая депутатская фракция не сможет взять под свой контроль Собчака, поэтому его выдвижение в председатели Ленсовета было дружно поддержано большинством нардепов. Кстати, они не ошиблись в своих расчетах. В дальнейшем Собчак действительно не подпал под влияние ни одной из депутатских «тусовок», заранее убедив себя в том, что имеет дело с категорией лиц, в целом по своему уровню находящихся на низшей ступени биологического развития, и поэтому контактировать с ними он попросту брезговал. Особенно это касалось тех депутатов, которые организовали его выборы. О своем презрении к ним он неоднократно высказывался, несмотря на мою психотерапию для смягчения его непримиримой агрессивности, сильно вредившей делу.

На состоявшейся вскоре сессии по избранию главы Ленсовета не обошлось без курьезов. Там, среди прочих, свою кандидатуру на пост председателя Совета, так сказать, альтернативную Собчаку, выдвинул дрожащим от собственной отваги голосом депутат Аникин, небольшого росточка, с бородой, тронутой декадансом, субтильный, но склонный к округлению форм тела, ведущему с возрастом к полноте. Слушая и глядя на него, я постоянно ловил себя на мысли, что фамилия Аникин — это псевдоним. Настолько пародийно он походил на героя русского эпоса с аналогичным именем. Вообще же, я обязательно найду время и сделаю сериал литературных портретов тех депутатов, наброски которых у меня имеются с той поры. Это по-своему незабываемые люди.

После гротесковых заверений Аникина в его грядущей полезности каждому, кто не будет против завладения им кресла председателя, на роскошную двухъярусную трибуну колонного зала заседаний Мариинского дворца решительным шагом цапли,

узревшей лягушку, поднялся Собчак. Он окинул многоголовую аудиторию взглядом учителя средней школы перед вручением аттестатов зрелости и сделал одну из трех отработанных в Москве улыбок. Затем ее убрал и в свойственной ему широко известной своим великолепием манере стал делиться обещаниями о том, что под его гениальным предводительством «демократический» свод крыши над внимавшими ему нардепами станет совершенно непромокаемым. Что же касается неизбежных протечек «демократии», то он поведет с ними решительную и беспощадную борьбу вместе с сидящими в зале. Потом он рассказал о туманных, но успешно проведенных им поисках адекватнонового пути создания «надстройки над перестройкой» и способов борьбы за выживание. Зал был умилен.

Кроме этого, он предложил проект моментального вывода города в зону процветания, сославшись почему-то на опыт слаборазвитых стран, чем перещеголял безумие многих слушателей, сидящих в партере. Судя по внимавшим лицам депутатов, его предвыборное шоу, несмотря на плотную вуаль, воспринялось не так уж плохо. Собчак, чувствуя это, был горд, напорист и страстен. Правда, старая закваска иногда прорывалась через прорехи нового мышления, а потому его тянуло ошарашить зал своей образованностью методом возведения надолбов догматизма с цитатщиной о «бесспорных ценностях социализма», видимо, почерпнутых из своих же диссертаций. Обычно, завладев вниманием зала, он сразу начинал просвещать всех, вовсе не жаждущих этого нравоучительного просвещения. От пророчеств Собчак уклонялся, зная, что пророков бьют камнями, но упорно пытался приобщиться к откровениям уже давно побитых и замахивался опровергнуть один целые мировоззрения, намекая о своем обладании истиной вкупе с желанием теперь причастить к ней всех, если они изберут его председателем Ленсовета.

Я сидел на балконе. Кое-что из выступления «патрона» отмечал в блокнотике, а также наблюдал за реакцией не только всей аудитории, но и отдельных помеченных мною субъектов. Следует сказать: одним из ряда выдающихся достоинств Собчака было его умение выступать без заранее написанного текста, так сказать, экспромтом перед любой публикой и с любой темой. Правда, впоследствии это породило жуткую непоследовательность и чисто случайные политические перелицовки, ибо при следующих выступлениях на ранее уже озвученные темы он подзабывал, за что агитировал в прошлый раз, а посему порой испытывал трудности с развитием мысли, не помня, о чем говорил накануне. Но разовые выступления Собчак выстреливал с блеском. Вот и сейчас ему аплодировали, а он передыхал с блуждающей улыбочкой, какая бывает у нетрезвого, сильно близорукого человека, к тому же потерявшего очки, который по слабости зрения никого не замечает, но выражает готовность тут же поздороваться за руку с любым его толкнувшим.

Трибуна под Собчаком, как породистая лошадь, излучала свет надежды и уверенность в победе на скачках. После всех этих плоских, но обновленных риторическим напильником штампов, выданных Собчаком за оригинальные идеи, он перешел к злобе дня, сообщив партеру, что наше общество состоит только из хапуг и воров, что наши недра поистрепались, а кадры подразболтались. Однако если у Ленсовета будет власть, то сразу появятся деньги и всевозможные блага ему внимающим. Свою речь он закончил призывом к несокрушимому единству вокруг кресла избираемого председателя. Затем Собчак развернулся выгодным полуфасом к боковой телекамере и отдался на откуп всей наличной всенародной любви, зная, что если он сейчас станет главой города, то его имя, пусть хоть непродолжительно, будут произносить с верой и надеждой.

В то время еще никто не догадывался: изображаемые всеми на телеэкранах златые горы в итоге окажутся лишь обычным кукишем.

По реакции зала, активно воркующего под балконом, мне стало ясно, что «дело в шляпе» Собчак будет избран, а Аникин потерпит сокрушительное поражение своего дворового честолюбия. Я не стал дожидаться результатов голосования, отправился искать жену «патрона» и организовывать его отлет в Москву, до которого оставался час с небольшим.

В коридоре ко мне подскочил хорошо говоривший по-русски молодой репортер греческой газеты, аккредитованной в Москве, которого я встретить тут совсем не ожидал. Неделю назад по заданию Собчака мне пришлось посвятить ему почти целый день, рассматривая различные коммерческие предложения его покровителя, греческого миллионера, с которым Собчак, как я понял, познакомился на каком-то столичном приеме, и тот сразу обаял «патрона» своим приглашением приехать отдохнуть вместе с женой в Грецию на роскошной островной вилле, находящейся где-то в Эгейском море. Все эти «коммерческие» предложения, пересказанные мне репортером, хитро-радушный грек-миллионер сводил, по сути, к одной цели: возместить свои расходы в случае, если Собчак таки надумает его навестить, и иметь одностороннюю выгоду в будущем. Сейчас же посыльный миллионера, догоняя меня, просил посодействовать взять у Собчака интервью, в связи с его возможным избранием главой города, и получить ответ на один вопрос.

— Какой? — походя заинтересовался я.

— О его отношениях с членом Межрегиональной группы, вероятно, будущим Председателем Верховного Совета РСФСР.

Я понял: речь шла о Ельцине. Однако, извинившись, сообщил греку об отсутствии у Собчака для интервью даже минуты, ибо ему спешно нужно лететь в Москву и есть опасение, что он может опоздать на самолет. Поэтому будет, наверно, лучше, ежели грек найдет «патрона» в Москве по известному домашнему телефону. Репортер поблагодарил меня и был тут же смыт коридорной толчеей, а я отметил про себя странный интерес забалканской газеты.

Приблизительно в это время через наш город автобусом «Икарус» проследовал до Приозерска и обратно тогда еще «никакой» Борис Ельцин. Перед этим событием самолет, на котором он летел, совершил где-то в Испании неудачную посадку. Ельцин вроде повредил спину, и все «демократы» взахлеб рассказывали о «преступных происках агентов КГБ», которые ради его ликвидации, разумеется, по заданию Горбачева, готовы были угробить безвинных иностранных пассажиров. Я специально заехал в телецентр, куда Ельцина на обратном пути из Приозерска обещала затащить рулевая «Пятого колеса» Бэлла Куркова для

интервью, и увидел там этот «объект происков КГБ», вокруг которого довольно по-приятельски хлопотал Сергей Дегтярев. Выглядел Б. Ельцин действительно неважно. Вероятно, авария самолета все же была. Накануне Собчак при мне обсуждал политические перспективы Ельцина и варианты сотрудничества с ним. Я не буду уподобляться ни авторам, ни разносчикам сплетен, но если оценка личности и отношение к самому Ельцину, высказанная Собчаком, была искренней, то как он смог в скором времени изменить ее на прямо противоположную, ума не приложу. Такие перелицовки без повреждений собственной чести, у кого она, разумеется, есть, не проходят. Надо думать, уж очень было нужно!

Если бы Собчак мог тогда заподозрить, что Ельцин станет Президентом, то уверен: истинное свое отношение к его персоне он вслух вообще бы не высказал.

Жену «патрона» я обнаружил почему-то в бывшей приемной Ходырева, хотя даже сам Собчак, в случае избрания, еще не мог так спешно определиться с местоположением своего кабинета. Она стояла там вместе с десятилетней дочкой, нервно покусывая губы, шелушащиеся от волнения последних дней. Вид у нее был растерянно-опущенный.

Еще не наступило то время, когда она будет безумно увлекаться обогащением и скупкой всякой недвижимости, а ее «изысканный» вкус сделается «украшением» города, и «слава» о ней полетит впереди мужа. Вероятно, внезапное богатство, неверие в будущее и зыбкость настоящего породит у нее неодолимое желание разодеться в пух и прах на пару с супругом и прогреметь по всему белому свету «куртуазностью» манер при демонстрации тюрбана-чалмы с газовыми шальварами. Хотя нетрудно было себе уяснить: подобные «претенциозные» наряды, прежде всего, являются приметой мелких, тщеславных, провинциальных обывателей. Причем такая вычурность супругов очень невыгодно контрастировала с быстро окружившей почти всех бедностью и жуткой действительностью.

Ее переживания в ходыревской приемной выглядели настолько искренними, что мне пришлось поделиться своей полной уверенностью относительно результатов голосования, затем вывести их с дочкой на площадь, усадить в машину, после чего вернуться за Собчаком.

Объявили результат. Я не ошибся. Новый глава города сразу попал в окружение журналистов без возможности успеть на самолет. Я с Валерием Павловым решительно врезался в толпу для прокладки коридора. На эту нашу энергичную работу «патрон» взирал, как заяц на Мазая, зато из дворца мы выскочили уже без преследователей. От машины через совершенно пустую площадь с криком «Папка!» бежала, раскинув ручонки, в белом плащике, меньшая дочка Собчака. Потом ее даже в школу будут возить на машине и с личной охраной, этим враз перещеголяв всех предыдущих госбаронесс. Я пожалел, что не было фотоаппарата.

По Московскому проспекту к аэропорту мы неслись, изумляя скоростью инспекторов ГАИ, еще не знавших, что едет новый Хозяин. На самолет мы успели, так как рейс был для него уже задержан…

Глава 4

Конец «Рулевого»

После многолетнего стояния в интеллигентской очереди и заискивающего поскребывания в дверь университетского парткома, в 1988 году Собчаку, возраст которого уже перевалил за пятьдесят, наконец-то удалось протиснуться кандидатом в члены КПСС.

К моменту проведения предсмертного съезда КПСС зреловозрастный Собчак имел уже годичный партстаж, что, как известно из Устава партии, исключало даже возможность давать рекомендации вступающим в КПСС, но зато ему было доверено, как делегату съезда, решить судьбу самой партии. Механизм попадания в число делегатов «годовалых» членов КПСС мне до сих пор непонятен. Думаю, это было сознательным, злонамеренным комплектованием делегатской похоронной команды по выкапыванию волчьей ямы для партии и государства в целом.

Собираясь тогда на финальный съезд КПСС, Собчак с гордостью рассказал мне, как сам Горбачев, углядев в «патроне» пламенного трибунного интригана, со свойственной генсеку манерой предложил-попросил-посоветовал Собчаку выступить с призывом к делегатам не избирать Лигачева в руководящие органы партии. То, что Горбачев начал интригу против этого, невзирая на возраст, очень активного, домоткано-пахотно-дремучего функционера, давало все основания полагать: Лигачев одним из первых сообразил, с кем мы в лице Горбачева и его шайки имеем дело.

Я же тогда высказал Собчаку сомнения в целесообразности выступления против Лигачева. По моим оценкам, он бы и так не смог набрать более пятой части голосов делегатов, одурманенных семидесятилетней уставной дисциплиной. Полагаю, именно на это в основном и рассчитывал Горбачев, но все равно подстрекал Собчака принародно подергать политический труп за нос. Возможно, для дискредитации его же самого в будущем. Однако желание Собчака блеснуть за партию псевдорадением ее годовалого «членика» взяло верх, и он, как тетерев на току, ничему не внимая, выпорхнул на трибуну съезда, с которой сильно драматизировал персону Егора Лигачева, приписав ему качества и черты, о коих сам Лигачев до этого даже не подозревал. Впоследствии Собчак у каждого встречного выспрашивал оценку своего сольного номера на партийном съезде, бессмысленность которого была очевидна.

В то время восходила звезда еще одного нежданно-неистового партийца-новобранца, также ленинградского профессора, только из ученой плеяды Политехнического института, А. Денисова, вдруг ставшего на возрастной финишной прямой членом бюро обкома партии, председателем Комиссии по этике Верховного Совета Союза и почти приближенным Генерального секретаря ЦК КПСС. Несмотря на набор такой головокружительной иерархической высоты, он оставался простым, светлым, а главное — честным человеком, сильно пропахшим своей любимой домашней длинношерстной кошкой. Этот Денисов так и не научился носить галстук и не помышлял о замене квартиры, продолжая жить в старой на улице Рубинштейна. Не глядя на внезапно извергнувшийся перед ним водопад перспектив и возможностей, он, видимо, прекрасно понимал, что занимается не свойственным ему делом, тосковал по прежней работе, к которой, как я слышал, потом возвратился, ничего не украв и не «прихватизировав» по дороге.

Прибыв в Ленинград после съезда, Собчак, возбужденный участием в этом историческом событии, не удержался и прямо в аэропорту, где я его встречал, с ходу поинтересовался моим мнением об основных ошибках партии. «Патрон» свой вопрос задал с гримасой экзаменатора начальных классов, когда знания ученика ничтожны по сравнению с учителем. Пришлось уже по дороге в машине повести длинный разговор о целях, принципах и задачах создания таких идеологических надстроек, какой является однопартийная модель. Ибо, не представляя себе цели партийного строительства, невозможно вообще судить о ее ошибках, иначе само понятие ошибки становится продуктом лишь субъективного мышления оценивающего. Это так же верно, как, скажем, не зная, для чего построен завод, глупо судить о недостатках производимых изделий по дыму и гари из заводской трубы.

В довольно продолжительном разговоре я обнаружил, что делегат прошедшего съезда часто ошибается даже в хорошо известном. Это говорило о слабой подготовке Собчака вести разговор на эту тему. Мы с большим трудом пришли к выводу, что основной смысл существования партии и ее бесспорная заслуга заключается в способности и умении сосредотачивать всю силу и мощь государства на главном направлении нужного удара, невзирая на любые трудности и пересечения каких угодно интересов, а также противоречий межотраслевого, национального, территориального и иного порядка.

На мой взгляд, недооценка немцами этого фактора явилась одной из главных причин поражения Германии в минувшей войне. К примеру, оперативно разгромив промышленные центры Европейской части СССР, враги не могли даже предположить, что после выброски с железнодорожных платформ прямо в заснеженное поле под Челябинском спасенных от бомбежки в Ленинграде остатков демонтированного оборудования, уже буквально через месяц этот новый завод без крыши даст фронту первые танки. Об этом мне поведал легендарный еврей Зальцман, руководивший эвакуацией Кировского завода и возглавивший его возрождение в заснеженном Приуралье. После войны он угодил в зубья трансмиссии сталинских репрессий. Был исключен отовсюду и разжалован из генерал-полковников. Потом доведен до уровня лагерной канализации, но все равно остался убежденным в могучей организационной силе партии, без которой не могло быть победы. Я думаю, ему можно верить.

Впоследствии, с годами, цели и смысл, ради которых партия появилась на свет, сильно потускнели и облупились, как и осыпались когда-то неприступные идеологические брустверы несокрушимого единства. Партия со временем расслоилась, как бекон, и превратилась в государственную службу для тысяч функционеров, которые, словно в армии, отслужив положенный срок, возвращались в штатскую жизнь, но на командные посты. При этом имея довольно слабую подготовку, зато хорошую

«общепартийную», стандартизированную калибровку. Занимая эти посты, они подбирали себе в заместители только тех, кто не мог конкуририровать с ними, уступая во всех показателях личности. Те же, со временем сами становясь начальниками, также подбирали себе замов по такому же принципу. Именно таким образом неуклонно ползла общая деградация. Кто же высовывался над этим ровным рядом, не скрывая свой творческий рост, превосходство и профессиональные достоинства, того безжалостно укорачивали, как правило, за счет их шеи. Я сам, пройдя через эту партийную систему отбора и подготовки кадров, лишь за противление калибровке враз угодил в тюрьму. Такое усреднение и укорачивание с годами свело почти к нулю показатель интеллекта и профессиональной годности всего руководящего эшелона страны.

В этом мне видится основная ошибка партии. Все остальное ее производные и метастазы уже экономического порядка.

— Это понятно, — перебил Собчак, — сейчас многие, указывая на ошибки партии, в основном кивают на могильники тридцатых годов и призывают к разгрому аппарата НКВД-КГБ, проводившего тогда эти репрессии, хотя и так ясно: целью партии уничтожение людей не являлось. Это стало скорее косвенным продуктом достижения самой цели. Для того чтобы заставить перманентно и оперативно совершенствоваться саму систему, необходимо было публично уничтожать вредящих этому процессу субъектов. Бесспорно, жаль безвинно пострадавших, но обвинять в неправильности избранного направления НКВД-КГБ абсурдно, так как эта организация, по сути обыкновенная государственная конструкция, и нелепость нападок на нее очевидна. Это как колотить палкой по капоту машины за то, что она, управляемая шофером, сползла в кювет.

Я с интересом покосился на «патрона». Нет, вроде не шутит и не «прокачивает» меня на реакцию. Для самообраза декларированного им пламенного «демократа» высказанная мысль, мягко говоря, была странноватой и резко не гармонировала с его публичной политической окраской. Поэтому для памяти я ее почти дословно поместил в блокноте.

С трибуны Верховного Совета СССР он излагал совершенно противоположное.

Глава 5

Триколорщики

С первого же дня народ ждал от новой власти обещанных свершений. Поэтому для начала, чтобы растянуть лимит доверия, нужны были захватывающие идеи, понятные своей реальностью и светом в конце уже сгущающегося в сумерках жизненного тоннеля. Того же, кто их озвучит, эти идеи сразу сделали бы надеждой и символом в глазах миллионов. Тем самым дав ему нечто вроде персональной беговой дорожки при общем старте, дабы уже никто не путался у него под ногами. Это сразу бы обеспечило прочное лидерство со всеми вытекающими преимуществами. То есть «бочка с бензином и почести» будут гарантированы, ежели судить по известному автопробегу под руководством бессмертного «товарища Бендера».

Последующему грандиозному обману народа предшествовал не менее ослепительный, порой искренний самообман тех, кто его готовил; разумеется, исключая организаторов этой широкомасштабной аферы.

Депутаты, демонстрируя сохранение предвыборной активности, занялись отловом этих самых идей ошеломляющей новизны. Ну, а за дела, воистину нужные городу немедленной отдачей, они не брались, ибо никто положительного результата достигать не умел. С мертвого петуха даже в целях саморекламы, как известно, много не нащипать. А посему все кинулись насиловать грандиозность будущего, но, похоже, очень далекого, в связи с быстрым отставанием предлагаемых идей от повседневно разрушающейся практики жизни. Поэтому вместо постановки реальных задач вскоре был озвучен лозунг о том, что все депутатские планы являются абсолютно недостижимой целью.

После одного из череды бестолковых дней я стоял в кабинете Собчака у окна, выходящего на красавицу площадь, где остывал от дневного солнца великолепный Исаакиевский собор, и перебирал на широком подоконнике требующие знакомства «патрона» бумаги. Собчак за моей спиной, не выказывая презрения к самому себе, но все же украдкой, загружал в кошелку для дома разные коробочки с заморским печеньем. Это были образцы, принесенные очередной хозяйкой «эпохальной» программы обеспечения города, только на сей раз кондитерскими изделиями.

Чтобы не подталкивать «патрона» к «задушевно-исповедальному» объяснению про любовь его жены к импортному печенью, пришлось вспомнить недавний собчаковский монолог в полемически-назидательном тоне о необходимости срочного пересмотра всех множественных и якобы противоречивых советских законов. Именно они, с его точки зрения, сделали наше государство неправовым.

Скрадывая неловкость сцены мелочной кражи Собчаком полюбившегося жене печенья, я показал в окно на памятник Николаю I, воздвигнутый посреди площади, и сказал, что в период правления этого монарха в России уже были предприняты попытки правового реформирования с целью укрепления власти и приспособления действующей системы управления страной к зарождавшимся новым буржуазным отношениям, сходным с рыночными в сегодняшнем толковании этого понятия. Что из этого получилось давно известно. Ошибки, которые были допущены, также очевидны. Может быть, есть резон воспользоваться уроками реформаторов прошлого, один из которых изображен на горельефе этого памятника, где запечатлено важнейшее событие из почти тридцатилетнего правления монарха — вручение ордена Андрея Первозванного (типа Героя Советского Союза) М. М. Сперанскому за реформаторство. Причем орден, как потом многажды повторяли разные жалкие плагиаторы, царь Николай I снял прямо с себя.

Собчак с интересом выслушал и, видимо, запомнил. Потому что впоследствии для повышения уже моего культурно-образовательного уровня эту байку слово в слово пересказала его жена — дипломированный историк. Спасибо ей.

Кстати, М. Сперанскому удалось-таки, минуя уродливые формы, осуществить переход от старой, медлительной и громоздкой, к более гибкой и оперативной системе управления. Именно к этому с почти кликушеской пылкостью потом стал призывать и «патрон» в каждом своем выступлении.

Определяющая идея реформ Николая I состояла в строгом разграничении законодательной, исполнительной и судебной властей. Точно такого же разграничения стал требовать и Собчак, неистово изнывая на трибуне Верховного Совета в припадках законотворчества. Правда, как решить это организационно-практически, «патрон» представлял себе лишь чисто теоретически, и то довольно туманно, но зато мог говорить на эту тему бесконечно долго. После чего бойкость его теоретических построений переходила в обиды и удивление на непроходимую глупость требовавших конкретики.

Способность Собчака наживать недругов была воистину универсальна, их число с каждым днем, суд я по всему, удваивалось. И утром я еще не ведал, кто будет на меня враждебно коситься вечером. Требовалось устранить причину подобного скоротечного размежевания, иначе борьба за «демократические преобразования» грозила быстро переродиться в возню между собой, что, в общем-то, и произошло. Ибо не удалось изменить концепцию Собчака на тему: «Я и Совет», где Совету он отводил роль безропотно подвластной ему кучки, наподобие продукта пищеварения, невзначай выпавшего из-под хвоста дворняги. Вероятно, в итоге так и будет. Однако сейчас, когда прошлое быстро удалялось, а будущее не наступало, такая позиция была явно недальновидной и ощутимо вредила делу. Зато привлекала «патрона» блеском граней склочного новаторства.

Собчак так и не смог подавить в себе выработанную годами этакую профессорскую брезгливость к умственной нерадивости своих студентов, поэтому, выступая с разных трибун, заведомо презирал даже собственных почитателей. Это порой вызывало беспричинный внутренний протест слушателей. Они, к удивлению «патрона», почему-то не радовались его приходу освободить их, чтобы затем сделать своими рабами.

Пылко убеждая всех в необходимости скорейшего создания «правового социума», Собчак не предусматривал в нем никому никаких прав, одновременно не желая понимать, что механизм новой власти за несколько месяцев не создать, а тем более не заменить собственной талантливостью. Он упорно заставлял всех смекнуть, что именно по нему изголодалась История, при этом сам мистически уверовав в свою безграничную значимость. Один хотел учить всех. Но в его бессистемных построениях бывали очевидные провалы, которые грубо искажали и так отсутствующий смысл. А то, что им упорно декларировалось, было ему явно не по силам. Выступая перед депутатами, Собчак оставался профессором, излагавшим, как он считал, единственно верную точку зрения, которой, к собственному нескрываемому сожалению, вынужден был делиться со всяким присутствующим тут сбродом, по своей нерадивости не понимающим, что Собчак для них истина в первой и последней инстанциях. Ведомый в своих публичных разглагольствованиях, как правило, больше интуицией, «патрон» часто обнаруживал полное бессилие там, где требовался минимальный запас знаний по обсуждаемой им с апломбом теме. Но это все равно не мешало ему неуклюже вламываться в области деятельности даже осведомленных слушателей и пытаться водить их вокруг своего пальца в направлении собственных желаний.

На заре «демократии» многих журналистов города пошатывало от где-то подхваченного бредового вируса, помутившего сознание идеей собственной независимости и значимости. Поэтому первое время бывало, что газеты давали кой-какие отрицательные оценки деятельности «патрона» без умильно-слезливой демонстрации верноподданнических чувств.

Однажды газета «Смена» резковато пожурила Собчака, насмехаясь над его очередным ораторским «па» в сторону уже ничему не удивлявшихся депутатов, когда «патрон», выступая с миной человека, съевшего изрядную дозу стрихнина, участливо пожалел их с трибуны за несвежесть нардеповских мозгов. Прочтя это, Собчак разбушевался изрядно и в запальчивости потребовал почему-то у меня принять надлежащие меры к ликвидации этой, как он выразился, «газетки с не выветренным подкомсомольским запахом», сделав и мне упрек (!) в «попустительстве и расхлябанности».

Когда же он остыл, я вкрадчиво попытался уговорить его не нападать на «Смену». Рассудил, что делать этого не следует, так как в эпоху «грандиозного передела» все из страха сами пытаются сбиться в какие-то кучи, желая стать частицей единого целого, дабы не встречать «розу ветров» в одиночку. Поэтому будет совсем неплохо постепенно превратить эту газету, как раньше писали, в «орган», и на радость, к примеру, быстрорастущему отряду городских проституток со всеми характерными чертами, присущими королевам упругих ягодиц. В общем-то, так и вышло. И даже не постепенно, а довольно быстро. «Смена», испытав только первые организованные трудности с бумагой и другими канцпринадлежностями, тут же оптом предложила перья своих журналистов «патрону» в услужение.

Некоторое время спустя, видимо, вдоволь наглядевшись на публичную демонстрацию «Сменой» разных поз из арсенала древнейшей профессии, многие другие корреспонденты стали в творческой истоме торопиться наперебой продавать по дешевке свою писучесть. Таким образом, от скоротечного поветрия «независимости» основной состав кадровых ленинградских газет исцелился довольно быстро.

…Идея замены советского флага на триколор, мне кажется, бессовестно украдена у депутата Скойбеды, который первым в России украсил спинку переднего кресла в зале заседаний Ленсовета флажком этой расцветки. Каково же было изумление Собчака, когда на одной из сессий он увидел свесившийся с балкона огромный трехцветный скойбедовский дубликат. Его в руках держал «антисоветчик» Саша Богданов, пламенный певец агрессивной оппозиции к любой власти, к тому же, как поговаривали, гомосексуалист.

«Патрон», мгновенно очухавшись, вцепился руками в микрофон и потребовал у Богданова убраться вместе с флагом восвояси. Многие депутаты, которые, видимо, знали о приготовлениях к этому показательному выступлению, стали сильно кричать, что ни флаг, ни знаменосец не мешают им работать. Тогда Собчак произнес эмоционально прекрасный спич о запрете развешивать в зале Ленсовета символику, не установленную официальным регламентом, иначе, мол, можно быстро докатиться и до фашистского флага. При этом «патрон» прозрачно намекнул: последний раз в нашей истории стяг подобной расцветки, что держал в руках Богданов, был использован армией генерала Власова предателя, сражавшегося, как известно, на стороне гитлеровцев.

В зале поднялся невообразимый шум. Телекамеры забыли отключить, и оператор Боря Кипнис, вскоре после этого эмигрировавший на свою историческую родину, с удовольствием транслировал на всю нашу страну детали этой постановки. Запахло скандалом. Зрители, надо думать, по-настоящему заинтересованно припали к экранам своих телевизоров. «Патрон» потребовал у милиции очистить от флага балкон. Туда спешно двинулись сержанты, обленившиеся охранять вход в депутатскую столовую.

Телекамеры уставились на Богданова. Такого триумфа он не ожидал. Пробил его звездный час. Активист клуба сексменьшинств глуповато сиял, похоже, не отрепетировав серьезность революционно-баррикадного момента. Сержанты, войдя в телекадр, вступили с Богдановым в схватку, при этом сильно расшатывая ограждавшие балкон хилые перильца из дореволюционных кольев. На стороне «знаменосца» отважно сражался скандальный Скойбеда. Не трудно было предположить, что еще немного — и вся эта массовка вместе с сержантами может бухнуться в партер на головы восхищенных сражением «демократов», после гибели которых на глазах миллионов телезрителей, надо полагать, эту «лавочку» пришлось бы закрыть, а Собчаку искать какой-нибудь более спокойный чинишко.

Поняв это, я рванулся к совершенно обескураженному «патрону», по дороге попытавшись отвернуть от балкона телекамеры. Пробравшись к подножию за трибуной, попросил Собчака остановить раунд и продолжить сессию. Затем помчался на балкон и, подойдя вплотную к освободившемуся от милицейских наседателей Богданову, шепотом на ухо предложил ему небольшой, но

вдохновенный план: пока у него руки заняты трехцветным знаменем, я разрежу сзади его светлые, красивые летние брюки от пояса до промежности хорошей старой опасной бритвой «Золинген», которой в приемной затачивали карандаши. Видимо, перспектива ходить по дворцу без штанов, но с большим полосатым флагом ему не очень приглянулась, а может, что-то иное, в общем, «знаменосец», к удовлетворению «патрона», тут же снял осаду балкона и перебрался буянить в вестибюль, тем самым лишний раз подтвердив известный постулат: сила — решающий фактор в любом, даже самом мирном, конфликте.

Как попала в руки депутатов ксерокопия собственноручного заявления Собчака о приеме в партию, остается лишь гадать. Это мог сделать кто-то из его бывших коллег, имевший доступ к архиву университетского парткома.

В этом своем заявлении от 1988 года Собчак, как тогда требовалось, пылко клялся в преданности идеалам партии, если только его туда примут. Собчачье рукописное признание в любви к КПСС было тут же зачитано на вялотекущей сессии Ленсовета и сильно взбодрило присутствующих, дружно потребовавших объяснить, почему «патрон» предал эти самые идеалы всего лишь полтора года спустя, если они, разумеется, были. Собчак попал в двусмысленное положение и мучительно подыскивал удобную форму выхода из этого «аутодафе» для мотивации столь дискредитирующего именно сейчас поступка. Независимо от отношения к КПСС сидящих в зале, все понимали: предавать так быстро нехорошо и подло. Ведь чуть больше годика для полной политической перелицовки маловато человеку, не желавшему подчеркивать присущие ему черты и демонстрировать свое истинное внутреннее содержание. Задача была непростая. Прослыть негодяем никто не хотел.

После перебора уймы вариантов, мне пришла в голову простейшая мысль связать вступление в партию с каким-нибудь значимым событием, которое бы достойно украсило очередное предательство Собчака и вполне удовлетворило общественное мнение. Такая связь была вскоре найдена — начало вывода наших войск из Афганистана. Правда, сама дата вступления «патрона» в партию была намного раньше начала войсковой операции, но кому придет в голову их стыковать, решили мы. Вот тогда из уст Собчака, с пафосом посрамляя глупцов, пытавшихся его обвинить, и пошла гулять по свету легенда о том, что «патрон» предложил себя в услужение КПСС, потому как сильно зауважал партию после принятия ею исторического решения об окончании войны в Афганистане. Кстати, по-моему, он эту ложь увековечил в своей книге «Хождение во власть».

Причину же выхода из партии Собчак придумал сам, распустив слух, что якобы дал честное слово Ельцину поддержать его в аналогичном порыве. На самом же деле все оказалось обыденней и проще: когда надо ехать, сел в поезд, доехал до нужного места и сошел. И не было у «патрона» никаких запутанных, терзаемых сомнениями отношений с партией. Он просто попользовался ее могучими возможностями, пока она ему была крайне нужна и не ослабела окончательно. Тут он осмелел сам и поэтому, объясняя на сессии причины брака и развода с КПСС, уже непочтительно утирался бородой Маркса, а также, к непомерной радости всех собравшихся, сильно веселился над «придурками» из Политбюро.

История с вытаскиванием из парткома заявления о приеме в КПСС очень насторожила Собчака и заставила перебрать в памяти места, где он мог еще наследить. «Патрона» почему-то неудержимо тянуло в тогда еще наглухо закрытый архив КГБ. Это вообще был дружный порыв многих известных «демократов», довольно прозрачно намекавших непонятливым и растерявшимся чекистам, что желательно бы скопом уничтожить все комитетские архивы. Причем обязательно вместе с папками под единым названием «Рабочее дело агента» и другими следами многолетнего сотрудничества с КГБ самих намекавших. Иначе необъяснимо странно для победивших уничтожать архивы побежденных, где, наоборот, можно было найти много интересного.

Кроме КГБ, Собчака также влекло в архив суда, который рассматривал заявление «патрона» о разводе с первой женой. Я не мог понять всю его серьезность и озабоченность этим, пока сам не прочел ту часть судебного протокола, где на абсолютно формальный вопрос судьи о причине развода Собчак вдруг сослался на свою брезгливость, вызванную внешним физическим недостатком жены, образовавшимся после операции молочной железы. Это само по себе было крайне безнравственно. Ведь речь шла даже не об инвалиде. И хотя реакция жены в протоколе отражена не была, но можно себе представить, что испытала женщина, услышав подобное от близкого много лет человека, отца ее дочери, истинное лицо которого она смогла разглядеть, возможно, лишь только в суде.

После этого я тоже стал смотреть на Собчака уже другими глазами, но мое снисходительное отношение пока еще не переросло в резко отрицательное. Мне тогда казалось, что если Собчак пытается скрыть свое прошлое, то понимает, как могут оценить его другие, и сам сожалеет о совершенном. Я также полагал: Собчак теперешний может разительно отличаться от тогдашнего не только внешне, а главное — своими помыслами и содержанием. Хотя шкала нравственных оценок подлости и не меняется, но ведь сам подлец вполне может измениться. Именно на это, как правило, все надеются, даже понимая, что возможность реконструкции внутреннего содержания самого субъекта абсурдна. От взглядов и убеждений, если они есть, отречься нельзя. Это нелепость беременных лицемерием.

Запоздалое прозрение всегда выглядит подозрительным, но озарению в нужный момент вечно мешают сущие пустяки жизни.

Кривая уважения к Собчаку резко поползла вниз…

Глава 6

Божественная литургия

Молиться можешь ты свободно,Но так, чтоб слышал Бог один…

Несколько депутатов, голосованием перетянувших чашу весов в пользу Б. Ельцина при избрании его Председателем Верховного Совета РСФСР, несомненно, могли стать личными врагами Собчака. «Патрон» после этого неделю не мог унять эмоциональный всплеск от их, как он выразился, «неразборчивости». Не берусь судить, была ли это свойственная Собчаку, прямо-таки какая-то бабья ревность к чужому успеху или уже устоявшееся и пока еще не скрываемое презрительное отношение к самому Ельцину, но из колеи выбит был он надолго. Видимо, ему пришлось заниматься фундаментальной перестройкой собственного поведения в сторону необходимого теперь угодничества. При этом пытаясь притупить видимую грань перехода от равнодушного пренебрежения к безысходному, а потому болезненному, холуяжному заискиванию.

О внезапном приезде Ельцина в наш город, да еще на богослужение, я узнал, когда мы с Собчаком проезжали по улице Желябова, только что отобедав на «шведском» столе в гостинице «Ленинград». «Патрон» находился в благодушном состоянии, но все равно сообщил об этом сквозь зубы и с каким-то отрицательным энтузиазмом, поручив мне организовать, как он сказал, «все необходимое» для встречи. Я хотел, было, уточнить, что следует понимать под «всем необходимым», но внимание Собчака привлекли крупные фотографии обнаженных барышень, развешенные на стене около входа в городской шахматный клуб. Судя по разнообразию позировавших, Собчак высказал смелое предположение об использовании какой-нибудь бандой сутенеров помещений гроссмейстерского клуба не только для шахматных нужд. Припарковавшись, мне пришлось пойти уточнять. К разочарованию «патрона», это оказалась обыкновенная для Запада и, возможно, популярная даже в средней Африке, но первая в нашем городе выставка эротического фото из отечественного материала. «Патрон» тут же выразил желание лицезреть сей любопытный вернисаж.

Мы с полчаса болтались по залу, уставленному стендами и фильмоскопами. Тут же, как нам сообщили организаторы, дежурили авторы самих фото, предлагавшие посетителям за небольшую входную плату оценить прелести, вероятно, всех своих приятельниц. Собчак, склонив по-эстетски голову набок, внимательно рассматривал рекламируемые фотомодели. Потом подолгу припадал к окулярам фильмоскопов, шевеля при этом губами, будто пытался среди голых найти своих знакомых. Люди таращились на него.

Исаакиевский собор, как и Александрийская колонна, обессмертившие имя обрусевшего француза А. Монферрана, заплатившего за творение рук своих всей без остатка жизнью зодчего, давно утвердились на визитных карточках нашего города. Собор, названный так в честь какого-то византийского монаха, канонизирование которого, вероятно, совпало с днем рождения Петра Великого, заслонил своим купольно-колоннадным великолепием Мариинский дворец, отражаясь на лаковых полах старинных паркетов помещений, выходящих окнами на площадь.

В моей памяти с юных лет он запечатлен грандиозным снаружи и гулко пустынным изнутри. При резких оттепелях зимой громадный собор всего за несколько часов становился совсем седым, покрываясь толстенным слоем инея, дивно искрящегося в лучах холодного солнца. Заходя внутрь, все дети часами завороженно ждали очередного падения спичечного коробка, сбиваемого длинной иглой маятника Фуко, подвешенного к самому куполу на 120-метровом тросике, который в этом Божьем храме должен был, по мнению атеистов, наглядно демонстрировать незыблемость теории Джордано Бруно и других еретиков, спаленных на кострах инквизиции.

Директор этого собора Георгий Петрович Бутиков, ведя бесконечные наружные и внутренние ремонты, заботился также и о том, чтобы под собственным исполинским весом здание не ушло в болотистую почву «Северной Венеции». Подобные опасения имели достаточно веские основания. На протяжении многих лет выдвигались всяческие нервозно-дерзновенные планы по спасению собора, конкурировавшие, разве что, с борьбой за сохранение известной башни в Пизе. Не знаю, как в действительности обстояло дело с проседанием каменного колосса, но постоянная возня интеллектуалов вокруг этого вопроса все время привлекала к Исаакию внимание не только исключительной красотой его уникальных конструкций, но и возможностью быть свидетелями редчайшей катастрофы.

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II решил провести божественную литургию именно в этом храме, остывшем от дыхания паствы за много лет демонстрации там маятника Фуко. Планируемому событию предшествовали довольно основательные, как и все, что делала церковь, приготовления.

Богослужение было объявлено на завтра в первой половине дня, и у меня, после посещения Собчаком выставки эротического фото, оставались считаные часы. Не получив никаких конкретных указаний от «патрона», я быстро набросал план мероприятий, который он сразу одобрил, даже не взглянув. Затем позвонил директору гостиницы «Ленинград» Г. Тимощенко. Забронировал, не указывая фамилию, номер «люкс», сказав, что скоро заеду с уточнениями. После чего связался в Москве с Л. Сухановым, помощником Ельцина, и выяснил все необходимые детали встречи. Еще нужно было заказать машины в аэропорт, завтрак с цветами в номер и провести массу чисто аппаратных операций, в том числе договориться с «патроном» о времени и месте вступления его самого в сценарий посещения Б.Ельциным нашего города.

Утро выдалось солнечным, ветреным и прохладным. Я поеживался, стоя у входа в гостиницу «Ленинград». Машины в рассчитанное время подошли к очищенной от посторонних площадке. Ельцин первым резво вышел из автомобиля и,

поздоровавшись, легко взбежал по ступенькам ко входу. За ним, тяжело ступая, с хмурым лицом, едва кивнув, проследовал Собчак. Таким расстроенным я его еще не видел. Мне показалось, что за время, прошедшее с поездки в Приозерск, Ельцин как-то постройнел, что ли. В дверях к нему кинулись Маша и Карина, обе пантерной красоты, с огромными букетами разноцветных роз. Ельцин, от неожиданности отпрянув, опешил, а затем разулыбался. «Патрон» помрачнел еще больше. Вместе с Ельциным были два охранника и помощник. Все направились к ожидавшему их лифту. Но стоило зайти в него Ельцину с Собчаком, как лифт, к ужасу директора гостиницы, тут же отключился. «Патрон» уставился на директора, всем своим видом тут же требуя объяснений по части неполадок, а Ельцин, махнув рукой, спросил меня, на каком этаже номер, и, не раздумывая, быстрым шагом высокорослого человека стал подыматься пешком по боковой лестнице. За ним вприпрыжку еле поспевала свита. Встречные с удивлением жались к стенам.

В номере ожидал завтрак, и появилась возможность Собчаку с Ельциным неторопливо побеседовать перед богослужением. Это была их первая встреча в Ленинграде — двух в прошлом равных членов Союзного парламента, а ныне Председателя республиканского Верховного Совета и главы городских депутатов одного из 72 областных центров РСФСР. Правда, Ленинград тогда еще шел отдельной строкой в народно-хозяйственном плане СССР, и Собчак повсюду подчеркивал благоволение Горбачева, а также ни в чем не отказывавшего Рыжкова, сломленного личными нападками «патрона» с трибуны Союзного парламента. В то время Собчак не сомневался в полной декоративности российского руководства, поэтому своего презрительного отношения к республиканской системе управления даже не скрывал. Нелишне отметить: перелицованные, как, впрочем, и вновь созданные, структуры республиканской исполнительной власти в ту пору демонстрировали потрясающие усилия только при выяснении у представителей аналогичных союзных структур ответа на традиционный вопрос: «А ты сам кто такой?» Все же остальные поставленные перед ними народно-хозяйственные задачи они воспринимали за личную обиду и происки конкурентов из Центра.

Собчак вместо беседы принялся сосредоточенно завтракать, похоже, улучив для этого не самый подходящий момент, а Ельцин стал оглядывать в широкое окно крейсер «Аврору», красавицу Неву и великолепие набережных построек под загустевшим с утра над крышами серым навесом городских дымов, пронизываемых лучами уже высокого солнца, в которых искрился Летний сад. Непринужденный разговор не клеился. «Патрон» никак не мог перебороть свой аппетит и взять верный тон, с наивным упорством обиженного ребенка не желая признавать нынешнее иерархическое превосходство своего недавнего коллеги из Межрегиональной парламентской группы. Ельцин же, вероятно, чувствуя терзания завистливой души, всем своим видом давал понять, что он в Ленинграде просто гость, а не хозяин.

Времени до начала божественной литургии оставалось еще достаточно. «Патрон» в набросанный мною планчик по общегородским проблемам даже не взглянул. Плотно позавтракал и в свойственной ему назидательной манере попытался было причастить высокого собеседника к истине, заговорив о неизбежности майских расцветов и безусловных победах «демократических преобразований» в развивающихся странах или о чем-то еще в таком роде. При этом Ельцин, явно щадя самолюбие «патрона», не перебивая, улыбался, кивал, вероятно, давая Собчаку время и шанс перестроиться самому, тем самым избежать возможного унижения в дальнейшем.

Я, приученный смотреть и запоминать, молча провел рядом целый день, пытаясь составить собственное представление о Ельцине, но так и не сумел. Хотя, судя по репликам, поведению, манере держаться, разговору и прочему, от него прямо-таки разило остропахнущей психологией сильной команды. Он был явно не одинок, в отличие от Собчака. Думаю, это объяснялось, прежде всего, нежеланием и неспособностью «патрона» отстаивать чьи-либо интересы, кроме своих собственных. Ельцин же, как я понял, был в этом смысле тогда еще полной ему противоположностью, о чем можно судить даже по небольшому эпизоду, рассказанному его охраной.

Моя неплохая память на лица подсказала, что сопровождавших Ельцина двух охранников, фамилия одного из которых была А.Коржаков, я видел рядом с ним еще в бытность его кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Действительно, я не ошибся. Эти ребята когда-то были офицерами девятого управления КГБ СССР. И после известного Пленума ЦК КПСС, превратившего Ельцина из главы Московской городской партийной организации в руководителя Госстроя без портфеля, как-то приехали поздравить свой бывший «объект охраны» с днем рождения. После этого тут же сами остались без работы и наганов и чем только не перебивались по разным кооперативам, пока Ельцин, став Председателем Верховного Совета республики, не взял их вновь работать к себе. Это говорило о многом. Ведь тот, кто умеет ценить верность, без преданных не останется, чего в течение всей жизни никак не мог взять в толк Собчак. Людям с сильным характером лидера требуется вера, все остальные обходятся доверчивостью. Теперь же в историческом зеркале предстояло единение этих двух совершенно разных людей: один непредсказуемый и, с учетом возможной борьбы внутри его команды, крайне противоречивый, но для своих пока еще верный и надежный. Другой же, как показало дальнейшее, был начисто лишен любой добродетели и имел только одну, причем не до конца просчитанную, программу своего личного обогащения, чтобы хоть после пятидесяти лет его жизнь стала безбедной, широкой и сытой, полной радости путешествий по всем континентам, насыщенной знакомствами со всемирно известными людьми и не ограниченной бытовыми условностями, партией, религией либо другими декларируемыми им принципами. Поэтому развал всех государственных устоев Собчака не огорчал, а, наоборот, вселял надежду в достижение своекорыстных целей.

Однако чувство неудовлетворенности «патрона» все равно не покидало. Ведь прошла почти вся жизнь, пока он наконец не проник на должность с правом пользоваться закрытым буфетом и безнаказанно хапать все, что подвернется под руку. Мог ли он когда-нибудь предполагать о наступлении такого золотого времени? Мог ли он мечтать, наконец, выбраться из глубоко им презираемой русской реальности с песнями о «тополином пухе»? Из этой, как любил говаривать «патрон» даже по телевидению, «страны дураков», в гремящую счастливым безумием западной музыки Европу или Америку?

К сожалению, возможности и желания, как правило, не сочетаются с возрастом. До пятидесяти лет у Собчака было полно желаний, но не было достаточных возможностей. Теперь же ничего не подозревающие избиратели предоставили ему неограниченные возможности. И тут он сам с ужасом обнаружил: его желания стали притупляться, а посему нужно было спешить. Правда, некоторое время он был сильно увлечен пришедшей к нему славой. Однако тяга пожить сладкой жизнью крупного собственника обострялась с каждым днем. И хотя о наступлении страшного времени тогда еще никто не помышлял, Собчак уже интуитивно ощущал в низах общества, которое его избрало своим лидером, содрогание зверя и предполагал: внутри России почва в любой момент могла ускользнуть из-под ног с ужасающей скоростью, поэтому надобно не медля всех призывать и агитировать за скорый раздел государственной, читай народной, собственности. Она должна достаться тем, кто ее будет делить, считая справедливым только поделенное в свою пользу. Правда, впоследствии у него высветится другой план, чтобы не было страшно на случай, если вдруг неблагодарное стадо решится на бунт. Вот тогда личный счет в любом городском банке на берегу известного озера в Швейцарии будет намного надежнее, чем награбленная недвижимость в России.

Несмотря на ученую степень, Собчак имел довольно смутное представление о Западе вообще и об их «демократии» в частности. Постоянно скандаля и злобясь на депутатов, разъездившихся по заграницам за казенный счет, он сам еще не успел рассмотреть Запад даже из окон отелей. Хотя уже питал кое-какие международные иллюзии, походя уверяя всех в существовании ласковых и добрых стран, которые только и ждут того момента, когда Собчак, приехав к ним, расскажет об отощавшей лахудре-дворняге — нашей державе (слово, всегда произносимое им с презрительным смешком), и те, дружно всплакнув, кинутся нас заваливать всяческими деликатесами. Нам же останется лишь правильно распределять их на радость потребителей и кушать с учетом указанной калорийности. При этом «патрон», похоже, искренне не понимал, что любая ослабевшая страна для сильной и богатой партнером быть в принципе не может, автоматически становясь просто очередной жертвой окончательного разграбления. Поэтому Собчак первое время очень удивлялся, постоянно спрашивая меня, почему бесконечные переговоры с роящимися вокруг него иностранцами никакой реальной помощи городу не приносят.

По мере же продвижения к вершине Олимпа, постепенно к нему приходило осмысление, и его глаза становились пустыми, отчужденно-холодными и бесстрастными. Он ударился в бесконечные зарубежные вояжи, занимаясь там только своими делами и камуфлируя это довольно прозрачной вуалью заботы о городе, владельцем которого стал. Все остальное, что не способствовало реализации личных целей, его вообще перестало интересовать, поэтому, оказываясь дома в перерывах своих зарубежных гастролей, «патрон», дабы избежать критики, стал, убивая время, заниматься лишь имитацией бурной деятельности, вызывая своей визуальной потливостью приступы умиления у тех, кто ему еще верил. Сам же Собчак со временем перестал скрывать свою враждебность и отвращение к нашей стране, ее традициям и народу, все более расширяя круг слушателей своих откровений. В нем постепенно заговорило похабное удовольствие от разрушения нашего общего дома и желание, обескровив город, связать всю дальнейшую нашу жизнь с Западом.

Собчак в итоге перестал быть мне соотечественником. Поэтому любой его помощник сам становился соучастником его преступлений против нашего народа. Но сознание этого, как и окончательный вывод, созрело лишь через девять месяцев нашей совместной работы.

Подошло время ехать в собор. На этот раз лифт работал. По дороге помощник протянул мне командировочное удостоверение Ельцина, чтобы его отметить. Не мудрствуя, я поставил у портье штамп гостиницы «Ленинград».

Исаакий внутри, как и площадь перед ним, был запружен народом. Старая, отработанная десятилетиями система «Все не для всех» была уже разрушена «демократами», а новая еще не создана, поэтому ограждения смели, и пришлось пробиваться в собор буквально через частокол восторженных, тянущихся к Ельцину рук. «Патрона» же в первый раз за все время его взлета просто не замечали. Он посерел окончательно. И было от чего. Хотя, возвысившись, Собчак презирал людей все больше и больше, но к такой внезапной репетиции роли человека, уже пережившего свою славу, он был явно не готов.

Несмотря ни на что, в собор мы попали до начала божественной литургии и заняли у алтаря достойное, определенное церковным старостой место.

Ельцин сразу посерьезнел и, перестав улыбаться, приготовился к реанимации светлой идеи православия в храме, переставшем быть музеем. «Патрон», сложа перед собой руки ладошками внутрь, озирался вокруг, пытаясь неведомо чего рассмотреть, пока ему не стал что-то нашептывать Игорь Выщепан, внешне похожий на главного героя детского спектакля «Кот в сапогах». Он был в ту пору уполномоченным Совета по делам религий при СМ СССР. Этот Совет потом благополучно почил в бозе, а бывший его уполномоченный переквалифицировался в трудящегося вице-президента компании под названием «Невская перспектива», созданной Георгием Хижой для материального обеспечения собственного тыла.

Я искоса наблюдал за Собчаком, утолявшим свой теологический голод при помощи Выщепана. Уверен: «патрон» был в такой же мере религиозен, как и предан идеалам КПСС. Надо думать, он всегда оставался самим собой, не изменяя себе ни в чем, давая дуть ветерку модных перемен в свои паруса только на сквознячках, видимых окружающим.

Не имея на сей счет никаких указаний, я все же пытался не оставлять одну в толпе жену «патрона». Первое время, будучи на людях, он явно демонстративно не хотел ее замечать, чем удивлял меня, но вовсе не обескураживал саму супругу. Я не пытался выяснять причину столь пренебрежительного отношения, даже несмотря на возникновение некоторых трудностей. Ведь, когда того требовал протокол, никто не знал, понравится «патрону» или нет, если жена окажется рядом с ним.

Вот и в Исаакии Собчак сторонился супруги довольно заметно. Это ее чуточку раздражало. Правда, она была еще не та, впоследствии всемирно известная дама в «тюрбане», «изысканный вкус» которой сделался мишенью для насмешек не только в

нашем городе. Слава о ней еще не летела впереди мужа, а разносторонняя «образованность» пока не наносила Собчаку ощутимого вреда. Она в ту пору еще не гастролировала по Америке с коммерческими лекциями по истории и культуре России, а также с собственными вариантами и способами «улучшения» нашей жизни. Да и сама «лекторша» еще не увлекалась безумно строительством и приобретением загородных особняков, еще не рядилась с редкой откровенностью на всеобщее обозрение во всякие драгоценности, ибо их попросту не было. Она была еще пугливой, скорой на слезу обыкновенной неленинградкой рядом с Собчаком, около него и вокруг него. Однако, видно, всю жизнь глубоко скрываемые семена собственной «необыкновенности» впервые и сразу дали дружные всходы. Уже на третий день после избрания Собчака главой Ленсовета она категорически отказалась занять очередь в перенасыщенном хвосте толкующих, воркующих и волнующихся бедолаг, стремящихся попасть в универсам «Суздальский», что рядом с ее домом. Снизойдя до их полной одурелости, Нарусова громко всем объявила, что является женой того самого Собчака и по этой причине очень торопится, после чего даже вслух удивилась, почему народ не пал ниц и не расступился. Выглядело все это дико еще и потому, что «патрон» только принародно слыл ярым сторонником мужского шовинизма и презирал эмансипацию, а дома он имел честь быть под ее каблуком. Может, за это и платил жене демонстративным невниманием на людях.

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II начал богослужение, отражающееся своим великолепием в малахитовой отделке колонн. Паства застыла. Надо отдать должное Святейшему, он, невзирая на свой возраст, скованный тяжелым одеянием, несколько часов кряду священнодействовал без устали. Литургия благочинно тянулась, а неверующие явно томились.

После нескольких часов стояния Собчак дал мне понять, что гостю нужно передохнуть. Я протиснулся за кулисы в поисках церковного старосты. Через некоторое время с трудом вывели из окружения за алтарь Ельцина с Собчаком. За ними потянулся невесть откуда взявшийся хвост теле-, радио-, фото- и просто журналистов. Туда же направилась в очередной раз не замеченная «патроном» его жена. Однако путь ей без объяснений преградил церковный служащий. Она ему принялась что-то резко выговаривать.

Ельцин с Собчаком устроились в кабинете директора музея, находящемся как раз за алтарем, и стали поджидать заканчивающего богослужение Патриарха. Вокруг лежали рясы уже начавших переодевание монахов.

По окончании богослужения намечалась трапеза в большом ресторанном зале гостиницы «Прибалтийская». Поэтому, почувствовав неладное, я отправился вновь под соборные своды разыскивать жену «патрона». Она с омерзительно красными пятнами на лице стояла в дальнем углу храма, притулясь к неубранным строительным лесам. Завидев меня, Нарусова тут же громко поведала, что из себя представляет каждый из нас в отдельности и скопом, а также само богослужение в целом. Я, не перебивая, дал ей выговориться, а затем спокойно объяснил, что, согласно правилам и церковному этикету, женщинам за алтарем находиться нельзя, а потому обижаться не следует. Исключений, насколько мне известно, не делается, ибо со своим уставом в чужой монастырь не ходят.

Убедившись, что это не чьи-то козни, она стала понемногу успокаиваться. Оставлять ее опять одну в таком состоянии было бы неразумно, поэтому пришлось рассказать ей еще несколько баек на теологические темы. В частности, походя разукрасить причину запрета нахождения в церкви женщин с непокрытой головой, пояснив, что распущенные волосы могут случайно вспыхнуть от открытого огня множества свечей, после чего храм, где произошло это возгорание, согласно церковным канонам, должен быть закрыт навсегда.

Поэтому, закончил я, чем рисковать храмом, лучше прикрыть волосы платком.

Спустя время она эту байку в непринужденно-блистательной светской беседе, войдя в ученый раж дипломированного историка, пересказала за обедом британскому послу в СССР, «безбожнику» Родерику Брейтвейну, который, неплохо говоря по-русски, восхитился ее всесторонней образованностью и попросил свою помощницу все записать на память.

В кабинете директора музея Ельцин, приняв приглашение участвовать в трапезе, беседовал с Патриархом о церковных и мирских делах, а Собчак давал интервью. Когда все вновь вышли под своды храма, жена встретила «патрона» уже улыбаясь, с обвязанной газовым шарфиком головой.

Прием в гостинице «Прибалтийская» прошел довольно быстро. Приглашенных было очень много. За центральным столом-президиумом восседал Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, по правую руку от которого было место для Ельцина, а по левую Гидаспова, последнего первого секретаря Ленинградского обкома КПСС. Что и говорить, сочетание, которое больше уже не суждено увидеть. Возможно, именно этим данный прием мог навсегда вписаться в скрижали Истории.

Провожая Ельцина, Собчак впервые за день улыбнулся и «честно» ему признался, что попал под его обаяние. Можно было с облегчением вздохнуть: перелицовка и на этот раз прошла, как говорят в армии, без замечаний.

После этого самого первого знакомства с православным обрядом Собчак уже старался не пропускать крупных духовных праздников, особенно с участием Патриарха. Правда, не вникая, как обычно, в суть и оставаясь человеком глубоко неверующим, «патрон» мог отважно и без разбору принародно облобызать скопом предложенные символы разных религий, как и любую другую подвернувшуюся церковную утварь. Позже, вовсе не желая сознательно рушить сложившееся равновесие международных религиозных отношений, а просто не понимая, о чем идет речь, Собчак много сил отдал становлению в Ленинграде Русской зарубежной церкви и американской религиозной секты «Свидетели Иеговы», которая считает Православную церковь сатанинской, а наших священников слугами дьявола. Я убежден: не было у него тогда никакого злого умысла, направленного на духовное разложение городской паствы и создание противоборствующих религиозных очагов, как,

надо полагать, мог заподозрить Святейший Синод. На самом же деле это явилось еще одним доказательством его полной безграмотности и своекорыстности. Ведь не понимая глубинных причин невозможно предугадать внешние и дальнейшие последствия.

Из примеров обыкновенного шалопайства можно привести незначительный факт приглашения посетить наш город великому князю В. К. Романову, в письме к которому в Париж Собчак назвал его Императорским Величеством. Достаточно сдуть архивную пыль с любого толкового словаря, дабы выяснить: так обращаются только к коронованным, царствующим особам. Конечно, можно было отнестись к эпистолярной придворной этике, как и к самому великому князю, по-балаганному, но ведь этого не знал старик Романов, который подобную бездумную ошибку мог принять за предложение Собчака занять Российский престол, т. е. за коронацию без его согласия. Монархическим волнением могли сильно укоротить жизнь старика. В общем, очередной конфуз. Это, как и многое другое, лишний раз убеждает, что не меняются со временем к лучшему давно созревшие.

Кстати, Ельцин в аналогичном послании титул парижского наследника Российского престола не попутал.

На празднование юбилейной даты канонизированного князя А. Невского, прах которого покоится в лавре, Собчак попал почти случайно, буквально свернув от спланированного им заранее маршрута, поэтому у Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры нас никто не встретил. Поплутав среди растянутых для ограждения веревок, я нашел одного из церковных организаторов, в миру Ивана Судесу, который провел «патрона» на площадь перед лаврой, где на специально подготовленном большом помосте уже священнодействовал Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II со своей свитой.

Внезапно заморосил дождь, и резко похолодало, но Собчак, с лиловым носом и в белом пиджаке с алым значком союзного депутата на груди, отстоял по левую руку от Святейшего Патриарха все положенное время. Затем богослужение было продолжено в соборе, а согревание в трапезной палате храма, где после каждого тоста под мощное пение монахов «Долгие лета…» «патрон» перезнакомился почти со всей братией, среди которой был даже священник Русской православной церкви из Иерусалима. Ни Патриарх, ни Собчак практически ничего не пили, но компания за столами, несмотря на высокий ранг, была доброжелательной и шумной, что, как я заметил, очень импонировало «патрону». Святейший Патриарх, не снимая величественного головного убора, царственно провел весь вечер. Провожая, он подарил Собчаку свой большой фотопортрет с дарственной надписью, а «патрон» ответным жестом вдруг преподнес для церковных нужд чужой дом, расположенный почти на территории лавры и принадлежавший в ту пору Главленавтотрансу.

Глава 7

«Лесные братья»

Стоило раскрыться дверям лифта, как мимо с душераздирающим воплем в разные стороны метнулись два черных кота. Ландсбергис вздрогнул и остановился с уже занесенной к выходу ногой. Жена припала к его руке, а двое сопровождавших представителей зубодробильной профессии вытянулись лицом. Невзирая на суеверную преграду, воздвигнутую безответственными котами, Собчак первым смело ступил навстречу судьбе в вестибюль ресторана «Петровский» под крышей гостиницы «Ленинград», где мною был заказан обед.

Глава Литвы прибыл на какой-то очередной слет разрушителей панциря советской системы, проводимый в нашем городе, и «патрон», томимый авторским честолюбием, как один из организаторов этого шабаша, решил по-приятельски отобедать с прибалтийским «демократом».

В то самое время в Литве еще только шел шум диких споров о форме суверенитета, разжигаемый воинственно-националистической пропагандой «Саюдиса». На политическом небосклоне восходила черная звезда Ландсбергиса, уже прошедшего «славный» и бурный путь от копошения в искусстве (если мне не изменяет память, он был ученым искусствоведом) до главы этого еще не отделившегося от СССР, но уже очень враждебно настроенного «государства».

Пока они рассаживались за столом у окна с захватывающим дух видом на серебрящийся внизу разлив Невы, я не без интереса разглядывал человека, чье имя успело обрасти легендами. Он являл собой социально проверенный продукт новой формации и держался со значением наездника, оседлавшего козла, просидев весь обед с прямой спиной и немигающим за тусклыми стеклами очков болезненно-утомленным взором. Был хмур, вял, как примороженная трава, наполнив матовое выражение лица античеловеческой волей. С безжалостной сухостью акцентно-суконного чужого языка он рассказал «патрону», как в Литве все сокрушает на своем пути, тем самым демонстрируя миру готовность к делам более серьезным. Говоря такое, Ландсбергис все время подчеркивал независимость своего аристократического духа. По мнению этого «искусствоведа» выходило, что «демократия» и «рынок» должны характеризоваться, прежде всего, топками крематориев, открытыми для всех.

О безусловности брутального распада СССР он говорил с великодушием палача, но расплывчато, при этом сильно задымливая общеизвестные исторические истины. Предлагаемая им модель построения будущего своей республики напоминала унылое, не ассимилируемое другими нациями размножение. Собчак, жуя, поддакивал. В итоге эти два ярких «гуманиста» в застольном разговоре сошлись на том, что путь в «демократию» пролегает через укрепление тюрем и создание самых «справедливых» судов для своих врагов, наподобие недоброй памяти «троек» ОСО. Как я понял, их обоих чрезвычайно заботило собственное выживание. Мне представляется, что Ландсбергис, как и Собчак, очень сильно ненавидел нашу страну. Это их делало единомышленниками, соратниками и сподвижниками.

После обеда, сверив политический курс с Собчаком, «демократ» нового типа вместе с охраной и женой вновь отбыл в президиум слета разрушителей, а мы с «патроном» поехали в Мариинский дворец.

Отсутствие памяти на злое — самое слабое место русских.

Около Кировского моста творилось что-то невообразимое. Возбужденные многодневным отсутствием бензина на АЗС, расположенной напротив входа в Петропавловскую крепость, и еще не привыкшие к подобному водители машин забаррикадировали своей автособственностью пересечение сразу трех оживленных улиц кряду. Вместе с пассажирами столпившегося со всех направлений общественного транспорта они устроили форменный митинг, полагаю, небывалый по численности после исторического выступления Ленина с балкончика особняка балерины Кшесинской, находящегося вблизи. «Патрон», не разобравшись, тут же взлетел на какой-то подвернувшийся помост и стал угрожать, что оштрафует каждого, если они немедленно не разъедутся. Обстановка после пламенно-коммерческой угрозы Собчака стала резко накаляться. Было очевидно, что два сержанта милиции, оказавшиеся рядом, в случае перехода от диспута к потасовке положение не спасут, поэтому пришлось принять все меры, чтобы уберечь «патрона» от реального оплевывания. Уже отъехав на значительное расстояние, я заметил вслух, что, вероятно, не нужно было публично сулить кару, не предусмотренную законом. Собчак зло глянул на меня и образным языком старорежимного лагерного сапожника высказал доселе не слышанное мною, свое сугубо личное отношение к законодательству вообще и к законам в частности.

В приемной, как на вокзале, толкались энтузиасты разных антикварных дел, всякие махинаторы с куртуазными манерами и еще невесть кто. При появлении «патрона» к нему кинулись двое стройных прыщавых юношей и отдаленно напоминавший женщину субъект, назвавшийся Русланом Линьковым. Сотрясая пачкой каких-то бумаг, они, мешая ему пройти, стали настойчиво уговаривать немедленно подписать воззвание об отмене статьи Уголовного кодекса, карающей за мужеложство. Это были члены организованного ими же «Клуба сексуальных меньшинств имени композитора Чайковского», постоянно прорывавшиеся в последние дни к Собчаку. Их настырность в достижении цели была столь активна, будто они хотели заполучить «патрона» в свои пассивные ряды.

Преодолев заслон активистов сексуального, но пока еще меньшинства, Собчак юркнул за дверь кабинета, а на меня навалился непомерно толстый, коротконогий, одинаковый в ширину и в высоту, в расписной рубахе с открытым воротом гражданин, начисто лишенный шеи. Он назвался совершенно не похожей на его облик фамилией и громко сообщил, что, будучи представителем «очень крупного бельгийского капитала», уже несколько дней вынужден терять свое дорогое время прямо тут, в

приемной, пытаясь пробиться к Собчаку. Бизнесмен говорил по-русски, но с наигранным акцентом, отдавливая меня животом от двери кабинета и требуя передать «патрону», что, если тот и сегодня его не примет, то это будет не обычным просчетом, а «политической ошибкой» Собчака.

Поглядывая на разбушевавшегося делегата «бельгийского капитала», я вспомнил схожий повадками, тоном и обликом экземпляр многолетней давности, при наложении которого на карикатурно-толстого бизнесмена всплыла в мозгу его «девичья» фамилия Гофман. Чтобы не ошибиться, я, смело взяв кандидата в «благодетели» за рукав широченного пиджака, отвел к окну. Да, это был Иосиф Гофман, а фамилия, которой он в настоящий момент пользовался, носила чисто бутафорскую функцию. Много лет назад, учась в институте, я иногда подрабатывал в такси либо по ночам развозил на грузовиках хлеб по булочным. А Гофман, молодой и энергичный сын музыканта из знаменитого в ту пору оркестра Эдди Рознера, возглавлял шулерскую «тройку нападения» в беспроигрышной для Оси карточной игре типа «секи». Днями и ночами он со своей бригадой катал ловил «лохов» мотаясь по аэропорту, и поэтому многие таксисты его хорошо знали, ибо «коммерческий» успех гофмановской «творческой» команды напрямую связывался с первоначальным предложением подбросить без очереди до города на такси приглянувшегося им клиента, обычно прилетевшего в отпуск с крайнего Севера. А уже затем по дороге при помощи «безобидных» картишек «сравнительно честно» отнять у трудяги припасенные им для отдыха деньги.

После этого карточно-катального блуда Ося вместе с семьей эмигрировал на историческую родину, и след его растаял в миру. Намучившись и перебрав за годы своих скитаний все мыслимые и немыслимые способы заработать на жизнь (карточная «олимпиада» в такси на Западе не проходила), Гофман с первыми всполохами «демократии» рванулся на наше экономическое пепелище и сразу сильно преуспел. Преподнеся в дар знакомому высокопоставленному взяточнику недорогой видеомагнитофон, Ося за такой плевый презент умудрился с его помощью продать какому-то заводу на Урале комплект деревообрабатывающего оборудования, получив 12 миллионов долларов, хотя в Бельгии этот комплектик стоил лишь 9 миллионов. Вот на эту разницу Ося и причислял себя к «представителям крупного бельгийского капитала». Будучи уверен в успешном повторении уральского варианта с «патроном», натуру которого он достаточно пристально изучил по телевидению, Гофман с букетом «захватывающих» предложений явился к Собчаку на прием и, в связи с трудностью пробиться, сильно негодовал.

Ося так увлекся воспоминаниями, что его покрытый бисером пота лоб превратился в безопасный плацдарм для деятельности сразу нескольких мух.

В честности «патрона» я тогда еще не сомневался, поэтому Гофман ушел из приемной тихо и даже без обиды на бюрократов. Больше его тут никто не видел. Правда, недавно я случайно узнал, что после моего увольнения ему все же удалось встретиться с Собчаком, и Осины дела в городе стали обширными и благополучными.

«Неисповедимы пути Твои, Господи!»

Было время, когда Собчак не очень проникновенно интересовался предпринимательством и бизнесменами, но я помню его оживление при просмотре документов одного совместного предприятия (СП), тихо подкравшегося на опасно близкое расстояние к запасникам ленинградского Эрмитажа. Это СП с аналогичным Эрмитажу названием было создано ныне «выдающимся американским бизнесменом», а в прошлом грузчиком этого нашего всемирно известного музея. Имея почти во всем схожую с Гофманом биографию, он до разгрома СССР вынужден был долгие годы прозябать в другой части света, Америке. Сразу вслед за первыми «победами» местных «демократов» их экс-земляк, аки гриф, увековеченный на многих художественных полотнах Зимнего дворца, прилетел сюда, влекомый, как и та мифологическая птица, пикантным запахом разложения страны и манящими воспоминаниями юного грузчика о сокровищах дворцовых подвалов.

СП «Эрмитаж», так широко теперь рекламируемое, было организовано на базе скромного музейного буфета для сотрудников с целью обеспечения их горячей и калорийной пищей, но с указанной невзначай в уставе неприметной строчкой о том, что-де это СП, в случае «крайней» необходимости, готово даже взять на себя многотрудные хлопоты по организации выставок и экспозиций эрмитажного имущества, т. е. народного достояния, повсюду в мире. При этом в документах СП обязательность возврата сокровищ и ответственность за их сохранность как бы случайно оговорена не была. «Патрон» хоть какой, но все ж юрист, и поэтому, когда я ему показал копию устава СП, занесенную в приемную из Комиссии по культуре, он тут же сообразил в чем дело и даже вскрикнул от зависти к чужим возможностям выколупывать алмазы из старинных эфесов и сабельных ножен.

Как-то утром в приемную упругим шагом дорогих ботинок вошел гладко-лысый, упитанный человек в кризовом двубортном пиджаке со значком республиканского депутата на длинном, отвисшем под его тяжестью лацкане и пренебрежительно-вызывающим взором недобрых глаз. Это был Артем Тарасов, потрясший всех на заре кооператизации страны своими стотысячными партвзносами. Согласия на его арест безуспешно, но настырно добивался у республиканского парламента Горбачев. Быстро сориентировавшись в дверях и ни на кого не глядя, он направил свои стопы прямо в кабинет к «патрону». Дежурный помощник преградил вход и вежливо задал полагающиеся в этом случае вопросы. Тарасов глянул на него, как редко трезвый столовский повар из города Иваново на вдруг заговоривший по-немецки шипящий примус, и попытался рукой отодвинуть в сторону.

Презрев назначенных к приему толпящихся у дверей посетителей, Собчак более часа проговорил с желанным гостем. Тарасов, будучи хозяином фирмы «Исток», приехал предложить «патрону» «нефтяной бизнес», У Артема, как одного из создателей «Российского торгового дома», была на руках генеральная лицензия на все виды сырьевого экспорта. Удивляться не следует, так как в учредителях этого хитрого «дома» были еще Минфин и МВЭС республики, а также глава АНТа Ряшинцев, известный по громкому скандалу с попыткой экспорта советских танков за границу. Такой лицензии Собчак долгое время безуспешно пытался добиться для Ленинграда в целом.

В наш город Тарасова занесло жгучее желание под видом отходов мазута и дизтоплива купить у Киришского нефтеперерабатывающего комбината качественный товар и судами Балтийского либо Северо-Западного речного пароходства доставить своему покупателю на Запад. При этом московский делец 80 % чистой прибыли готов был отдать Ленинграду, если, конечно, «патрон» поможет ему уговорить производителей дешево продать, а портовиков и транспортников незадорого отвезти товар в Европу. Собчак, внимательно выслушав знаменитого афериста, необыкновенно оживился. Появилась, как ему показалось, потрясающая возможность личным примером эффектно продемонстрировать свою способность зарабатывать валюту.

— Вот видишь, — говорил он мне, — все только болтают, а Артем очень конкретный человек, толковый и знающий!

— Все, возможно, и так, только у меня вопрос, — сказал я. — Кто будет определять расходную часть этой сделки и продажную цену за границей, да еще с учетом того, что вместо отходов это будет сортовой товар?

— Как кто? — сбился Собчак. — Тарасов, я думаю.

— Вот то-то и оно. Следовательно, прибыль от этой сделки, вполне вероятно, станет равна нулю, а 80 % от нуля будут стоить все ваши хлопоты по реализации артемовских «маклей» во благо нашего города минус затраты на хорошее рекламное обеспечение. Подобными операциями, Анатолий Александрович, имеет смысл заниматься только мошеннику, который с Тарасовым на Западе будет делить прибыль от разницы между официально объявленной здесь и фактической ценой продажи за границей, — закончил я.

Больше мы к этому делу не возвращались, но, как я слышал, афера состоялась, и цифра украденных 30 миллионов долларов надолго вошла в скандально-криминальную хронику газетных полос.

Балтийское морское пароходство — это, пожалуй, единственное предприятие в Ленинграде, дружба с руководством которого была нужна практически всем «отцам» города. Мало того, что пароходство наряду с «Интуристом» являлось основной валютной кузницей, дававшей возможность городу не только закупать, но и доставлять из-за границы все необходимое; оно было еще кладезем удовлетворения самых разнообразных личных, семейных нужд городского начальства, начиная от бесплатной доставки любых заказанных товаров до подарочно-бестаможенных круизов по всему белому свету. Использовать эти, как всем казалось, безграничные возможности пароходства стремились многие, поэтому главный судовой начальник всегда был на виду у партийной и советской властей и во все времена, как правило, занимал пост председателя депутатской комиссии Ленсовета.

Какова же была досада главы пароходства в этот раз проиграть депутатские выборы в Верховный Совет СССР грузчику из подсобки валютного магазина Щелканову.

Если бы вновь потребовалось иллюстрировать сказку «О колобке», то можно смело, в разухабистом варианте использовать внешние данные начальника пароходства Виктора Харченко.

Этот непревзойденный пропагандист идей процветания людей и кораблей, имея более полувека от роду, был глубоким пессимистом в душе, полным надежд и веры в прогресс только на словах. Однако это ему вовсе не мешало даже в клетке с тиграми рассчитывать на успех. В нем было много крестьянского ума, мудрости, лисьей хитрости наряду с простодушием, а также гордыни и гонора вместе с простосердечием. Он часто прикидывался то филаретом (другом добродетели), то филоматом (покровителем науки), но чаще вел себя как обыкновенный человек, что совершенно не гармонировало с его высокой должностью, тем самым вызывало искреннее уважение большинства окружающих.

Пароходство, с учетом заграничных благ работающих, было миром всегда рабски согнутых спин и торжествующего чинопочитания. Вот почему, проиграв выборы грузчику, Харченко был уязвлен и подавлен необыкновенно. Так и не сумел равнодушием омыть лицо и вынуть из общественного мнения политическое жало своего унизительного поражения. При одном лишь воспоминании о победившем подсобнике из магазина у него всегда подрагивали губы. Харченко успокоился только со временем, когда все нардепы не нарочито стали крайне непопулярны. Но первое время у морехода был вид человека, подорвавшегося на легкой пехотной мине… Харченко резко полинял, вмиг облетели все его ритуальные перья. Опрометчиво называя врагами всех, кто победил советскую власть, он считал, что для них самое гуманное расстрел.

Спору нет, организатор и хозяйственник Харченко не стандартный. Видя далеко вперед, он, однако, как оказалось, не совсем вовремя затеял создание у себя «независимого пароходства», что не могло понравиться тогдашнему министру морского флота СССР Вольмеру, который тут же, с учетом падающей популярности самого начальника пароходства и попросту никакой значимости новой городской власти, прислал Харченко «теплую», лаконичную телеграмму об увольнении.

Прежние времена теснейшего приятельства с сильными мира сего быстро проседали и исчезали, как жухлый мартовский снег. Настроения в обществе менялись. Многие друзья проворно перекинулись в стан врагов. В Совмине СССР, как и на море, систематически возникали приливы и отливы, а Харченко, несмотря на богатейший опыт, никак не мог изловить волну. Он нашел меня, когда веник прошлых своих деловых связей был им уже изломан по прутику, а возрастающая неприязнь внутри пароходства становилась невыносимой. Положение обострялось и усугублялось намеренно.

Мы долго проговорили в комнате, как тогда называли, «отдыха», пристроенной к его кабинету, где над пучками вымпелов и флажков разных стран висел стенд с фотографиями всех, возглавлявших Балтийское морское пароходство с самой революции. Под многими портретами, включая родственника Троцкого, рядом с фамилией было написано «репрессирован». Я не удержался и своей шкодливой рукой чиркнул карандашом под пустой стендовой рамочкой, явно приготовленной для фотографии самого

Харченко, «расстрелян». Он неожиданно очень обиделся, шутку явно не приняв, но вида не подал.

На следующий день я Собчаку рассказал все, что знал о достоинствах Харченко и прелестях пароходства, напирая на обоюдно непримиримую вражду Харченко со Щелкановым. Это, похоже, особенно сильно воодушевило «патрона», и он, испытывая непомерный административный зуд, тут же спросил, как можно спасти бравого мореплавателя. Я молча набрал по ВЧ приготовленный заранее номер телефона министра Вольмера и протянул Собчаку трубку. Разговор между ними был краток и поразил меня своей непросчитанной эффективностью. «Патрон» довольно дерзко выразил министру СССР протест по поводу разгона ленинградских кадров без его, Собчака, согласия и сказал, что в случае повторения устроит самому Вольмеру скандальное «шоу» на Верховном Совете. Вольмер выслушал и вдруг без всяких возражений обещал Харченко больше не трогать.

Признательность Харченко «патрону» была безгранична. Из благодарности он первое время готов был задушить Собчака в могучих объятиях морехода. Победив с помощью «патрона» своего министра в такое смутное, но воистину золотое время захапывания народного добра, Харченко враз огрознел к своим врагам. Собчак же, для которого широчайший спектр манящих соблазнов, таящихся в недрах пароходства, был, вне всяких сомнений, радостной новацией, вскоре использовал на свою потребу весь их разнообразный лот: от круизов, морских прогулок и частного прибыльного бизнеса до бесплатных, обильно сервированных хрусталем и серебром судовых ресторанных обедов вместе с валютным потрошением палубных игровых автоматов. Что же до естественной каждому честному человеку совестливой брезгливости, то натурам, подобным Собчаку, это вообще несвойственно.

Глава 8

Сподвижники

Практически с первых же дней работы из-за несвойственной и абсолютно чуждой «патрону» сферы новой деятельности его неудержимо влекло куда-нибудь съездить, хотя бы безмолвно попредставительствовать. Вначале он постоянно мотался в Москву с имитацией каких-то дел, хотя вершить там было совершенно нечего, тем более на фоне сгущающегося от бездеятельности и развала положения в Ленинграде. Роль гоголевского Хлестакова плюс вынужденные контакты с противными ему депутатами и рвущимися на прием отвратительными ходоками, а также ежедневная нужда разбирать конкретные городские проблемы при полном отсутствии необходимых знаний и кругозора — все это, вместе взятое, сильно тяготило, утомляло и раздражало Собчака. Поэтому он использовал малейшую оказию покинуть рабочее место и опостылевший город хотя бы на пару дней, чтобы преспокойно заняться своими делишками.

Сперва это удавалось с трудом. «Патрон» пока еще побаивался общественного мнения. Однако со временем, укрепившись и разбогатев, вообще перестал с кем-либо считаться и, обзаведясь необходимой паутиной связей на Западе, большую часть года стал проводить за границей, перенеся туда весь свой предпринимательский пыл.

Объективности ради стоит заметить: кроме Собчака в бизнес ударились многие представители университетской профессуры, причем разной профессиональной ориентации. Среди них были по-настоящему выдающиеся в этом смысле личности. Не берусь судить, какие именно условия и питательная среда позволили вырастить и воспитать в нашем университете «замечательную» плеяду ученых с четко выпирающими жульническими способностями. Большинство из них раньше в своих публичных выступлениях с жаром искреннего гражданского негодования уличали и клеймили позором наличие сходных качеств у представителей партгосноменклатуры. После же снятия гнета совести советской власти эти же самые ученые деятели, подобно «патрону», прытко развернули свой действительно настоящий, но задавленный коммунистами, а посему до поры дремавший талант.

Деятельность одного из них, как говорят, потомственного мыслителя (папа тоже был профессором), может служить образцом ортодоксального, безответственно-дерзкого мошенничества. Он на самом старте перехода страны к «рынку» провернул гениальную по простоте и исполнению многомиллионную аферу с банковским кредитом.

Этот профессор умудрился «надуть» эстонских банкиров, недальновидно причисливших себя почти к европейцам и поэтому высокомерно презревших способности «недоразвитого азиата». Ошибка стоила им нескольких миллионов, но уже не рублей, а долларов, благонадежно осевших за границей на корреспондентском счету нашего скромного университетского наставника студенческой молодежи. Эту акцию возмездия невостребованный социализмом задрипанный интеллектуал-индивидуалист совершил через махонький кооперативчик, зарегистрированный им в стенах бывших петровских коллегий, ставших Ленгосуниверситетом. Прибалты попросили Собчака защитить от академического грабителя эстонский банк в тогда еще едином государстве. «Патрон», разобравшись, был в легком шоке от удачливости «университетского коллеги». После чего в приступе завистливой мимикрии с трудом подавил сознание своего бесспорного, как он считал, превосходства над всеми учеными вообще и быстро приблизил мошенника к себе, назначив на должность с обязанностью консультировать и правом поденно грабить, но уже в государственном масштабе.

Вскоре по внешнеэкономическим делам мне предстояла поездка в Нью-Йорк. Среди прочего, нужно было посетить штаб-квартиру Мирового Торгового Центра, который тогда возглавлял мистер Тацолли. Этот Центр объединял примерно 230 крупнейших городов, расположенных в разных частях света, и имел общий банк коммерческих и иных данных по всем показателям, определяющим состояние рынка. Вхождение Ленинграда во всемирную единую компьютерную информационную сеть было крайне необходимо, если мы хотели всерьез и на равных заниматься самостоятельно внешней торговлей. После чего дурить городскую власть всяким гофманам будет практически невозможно, ибо, к примеру, мировые закупочные цены на какой-либо требуемый городу товар высвечивались бы на экране ленинградского монитора уже через несколько секунд. И это не единственное преимущество и возможности городов, объединенных Мировым Торговым Центром. В мою же задачу входило выяснить условия регистрации нашего мегаполиса.

Мистер Тацолли принял меня в своем рабочем кабинете под крышей огромного небоскреба Нью-Йорк-сити и, неотрывно следя за тонкой дымной струйкой, кружившейся над предложенной мне чашечкой кофе, бесстрастно сообщил, что лицензия в Ленинграде уже давно оформлена на имя очень понравившегося ему господина Шлепкова, к тому же профессора. Произнеся это, мистер Тацолли резко оторвался от созерцания кофейного Везувия и вопросительно сфокусировал на мне сквозь толстенные стекла очков свой довольно тяжелый, немигающий взгляд. При этом он блаженно улыбался.

Мое искреннее изумление было настолько сильным, что потребовалось значительное усилие, прежде чем продолжить разговор. Лихорадочно соображая, пришлось, скрадывая время, безотрывно пить обычно не употребляемый мною, к тому же несладкий, кофе. Чтобы не удивить уже самого мистера Тацолли, мне, как представителю официального Ленинграда, спешно требовалось найти объяснение столь странного незнания сообщенного мне факта. Сам поиск объяснения явно смахивал на возникшие трудности при братании незнакомых «детей лейтенанта Шмидта», описанные Ильфом и Петровым, поэтому пришлось вкрадчиво наплести главе Центра, что мне это, якобы, достаточно хорошо известно, но наше руководство хотело бы теперь зарегистрировать вторую лицензию, уже на имя самого городского Совета. Мистер Тацолли, смыв с лица улыбку блаженного, вежливо сообщил мне, что дважды лицензия в одном и том же городе зарегистрирована быть не может. Его всемирно известной и уважаемой организации совершенно безразлично, на кого оформлена единственно возможная лицензия — на частное или

юридическое лицо. Проинформировав, он резко поднялся из глубокого кожаного кресла, которое облегченно вздохнуло. Затем, машинально проведя рукой вдоль застегнутых пуговиц пиджака и брюк, дал мне понять, что его, к сожалению, уже где-то ждут. Пришлось откланяться и убраться вон.

Минут двадцать я слонялся в нижнем огромном холле этого небоскреба и пытался вникать в смысл каких-то вывесок, пока не заметил вышедшего из лифта «гостеприимного» Тацолли. Удостоверившись, что он уехал, я вновь поднялся к нему в офис, где уже знакомой секретарше посокрушался о поспешном отъезде ее шефа, не дождавшегося моего возвращения. Затем, подарив матрешечный сувенир из России, попросил, разумеется, для экономии времени шефа, показать регистрационный материал моего родного города. То ли матрешка ей понравилась, то ли сама моя просьба показалась секретарше естественно-безобидной, в общем, она, не переставая улыбаться, быстро нашла тоненькую аккуратную папочку с надписью «Ленинград», которую я не только смог внимательно просмотреть, но и сделал ксерокопии нужных мне документов. В этой папке было много любопытного. Расстались мы с секретаршей очень довольные друг другом.

Из скопированных документов следовало, что скромно оплачиваемый профессор Шлепков из ленинградского Политехнического института им. Калинина всего за каких-то жалких 90 тысяч долларов оформил на свое собственное имя лицензию о регистрации в нашем городе филиала Международного Торгового Центра. Среди прочих документов имелось ходатайство на бланке ленинградского городского Совета народных депутатов с просьбой к мистеру Тацолли оформить эту регистрацию на частное лицо. Это ходатайство было подписано тогда уже не работавшим заместителем бывшего председателя исполкома. А 90 тысяч долларов за Шлепкова, как явствовало из копии банковского поручения, внесла некая немецкая фирма, зарегистрированная в городе Эссене, ФРГ.

Мне в свое время довелось недолго жить в этом западногерманском городе, столице Круппа. Там у меня остались приятели. Однако по моей телефонной просьбе найти эту фирму они так и не смогли.

Возвратившись домой, в отчете о командировке я подробно описал Собчаку портрет первого городского «монополиста», получившего «эксклюзивное» право на источник нужной Ленинграду всемирной коммерческой информации. Без ее знания любому проходимцу предоставлялась широчайшая возможность обворовывать жителей буквально при каждой закупке товаров и продовольствия за границей. Причем независимо от того, кто ее оплачивал. «Патрон» долго не мог понять механизма грабежа, а когда дошло, тут же распорядился найти и пригласить «профессора-монополиста».

Прибывший через несколько дней ученый-«политехник» довольно равнодушно выслушал грозное требование «патрона» отдать свою лицензию городу и, вместо этого, тихим голосом профессионального картежника предложил интересующий Собчака документ выкупить «всего» за один миллион долларов(!). «Патрон» как-то даже опешил. В таком состоянии он выпроводил «информационного монополиста», сообщив мне, что «подобные типы среди ученых не редкость».

Я не выказал Собчаку никакой реакции. К тому времени я уже неплохо представлял себе, с кем имею дело.

На этом эпизоде я остановился так подробно, дабы показать: в ряду ленинградских профессоров, получавших доходы, так сказать, не облагаемые налогом, Собчак был далеко не одинок и тем более не самый выдающийся. С остальными он разнится лишь суммой банковского счета. Ведь «патрон» приторговывал, как правило, возможностями своего кресла. Общеизвестно: большого ума не надо, чтобы за личное вознаграждение и самые что ни на есть вульгарные взятки предоставлять иностранцам и прочей публике невидимые для непосвященных режимы наибольшего благоприятствования, порой вместе с продажей по дешевке городской недвижимости. На путь коррупции с ее замысловатым каучуковым определением Собчак вступил задолго до избрания его депутатом. Но пусть об этом напишут воспоминания его коллеги по университету, «ученики» и взяткодатели, если, конечно, найдутся среди них смелые.

Справедливости ради нужно напомнить: первым, публично сказавшим о Собчаке правду, был адмирал Томко, предупредивший всех, что под благопристойной маской университетского ученого-юриста скрывается мелочная душонка обыкновенного жулика. Собчак с помощью своего давнего подручного адвоката Шмидта (не сын лейтенанта) тут же бросился судиться с ясновидящим и, естественно, победил, так как смелый адмирал, обладая уникальной проницательностью, тогда еще не располагал практически никакой фактурой. И к тому же ошибся, ибо Собчак не «обыкновенный» жулик, а «выдающийся». Кстати, «патрон» с трудом и большими потерями личного времени выиграл этот «судебный процесс века». Потом он сильно сокрушался относительно неповоротливости и неуправляемости судей и шутя дал мне слово, что как только возьмет в свои руки власть по-настоящему, то первых, кого «патрон» сделает «карманными», лишив даже права совещательного голоса, — это суд и прокуратуру, дабы впредь, как он выразился, «не теряя ни минуты, уничтожать всяких там томко прямо в зародыше».

Предполагаю, что впоследствии с судом и прокуратурой он свое слово сдержит. Хотя до ухода на пенсию городского прокурора Д. Веревкина ему эта затея не очень удавалась. Но люди есть люди, и понять их можно: остаться без работы в это жуткое своим обнищанием время, да еще имея, скажем, семью, охотники вряд ли найдутся. Поэтому речь о правосудии среди большинства служителей Фемиды и не идет, выжить бы.

Правда, позже судиться Собчак не любил. Иначе пришлось бы принародно объяснять совершенно необъяснимое. Например, как и, главное, почем Собчак отдал французскому банку «Креди Лионэ» за пустяковую для городской казны, почти призрачную цену огромный, роскошный дом на Невском проспекте под номером 12.

Причем, задняя стена этого дома почти на всем своем протяжении примыкает к оперативным помещениям штаба Ленинградского военного округа. Подобное соседство с иностранной компанией исключено в любой стране мира. Знал это и

Собчак. Как знал и то, что, набрав в рот воды, стыдливо отвернется от этого факта приобретенная им оптом «независимая» пресса и даже не пикнет бывшая государственной служба безопасности. Вот поэтому он смог спокойно презреть жизненно важные интересы нашей несчастной страны. Ибо защита интересов России была для него ничем, по сравнению с внутренним состоянием уже пожилого человека, проходившего всю жизнь в стоптанных ботинках и единственном, блестящем на сгибах, костюме, а теперь нежно баюкающим своим натруженным взором нарастающий цифровой ряд учетной карточки в надежном заграничном банке.

Глава 9

Цель жизни

В самом начале нашей работы «патрон» выказал просьбу срочно помочь поменять входную дверь в его квартире, которую действительно можно было вышибить ударом ноги. Дверь я тут же заказал, но по причине нарастающей занятости забрать не смог, хотя Собчак неоднократно напоминал. Когда же ее привез сам столяр, то интерес к этой затее у «патрона» уже пропал. Оказалось, что к нему в гости незадолго до этого наведалась знакомая жены «маклерша» и, как он выразился, была изумлена жилищной непритязательностью главы города. Тут же предложила массу небескорыстных вариантов улучшения. Собчак и перед встречей с «маклершей» заговаривал о смене своего жилья.

Конечно, все прекрасно понимали: ни о каком «простом» обмене не могло быть и речи. Хотя у Собчака имелась довольно просторная трехкомнатная квартира, но с учетом малоудобного дома-«корабля» городской окраины и пока еще отсутствия собственных денег на доплату обмена в центр города, было абсолютно нереально обойтись без скандала при исследовании «доброхотами» будущего скользкого, нечистоплотного пути. Не трудно предугадать: без жульничества и грязи воплотить в реальность грезы жены о шикарной квартире в районе царских дворцов не удастся. Поэтому «обычный обмен» мог в итоге стать крупным козырем в руках противников Собчака, чего, естественно, не хотелось. Однако устремление супруги в сторону центра города оказалось сильнее не только благоразумия, но даже боязни повредить политической карьере мужа, и «патрон» смело шагнул навстречу скандалу. Когда я узнал, что он затеял вместе с «маклершей», то просто ахнул, но изменить что-либо было уже нельзя. Переезд надвигался неумолимо. Собчак, кроме квартиры, ничем вообще не занимался и, ощущая мое негативное отношение, больше со мной не советовался.

В самом центре города, на пересечении Зимней канавки с рекой Мойкой, у Певческого моста и Дворцовой площади, напротив дома, где когда-то жил и помер Пушкин, «маклерша» выбрала большую коммунальную квартиру, какую тогда еще было несложно найти. В ней ютились три семьи, горевшие многолетним желанием получить отдельное жилье в любом районе города.

После осмотра женой «патрона» этой питерской коммуналки со свежим запахом вечно потеющих водопроводных труб, тут же решили пойти навстречу жертвам жилищного кризиса, что и было почти мгновенно организовано. Правда, с учетом имеющейся у Собчака только одной собственной квартиры, пришлось парочку других, в результате не очень сложной махинации, прихватить из городского жилого фонда за счет бесконечной очереди рождавшихся и умиравших поколений ленинградцев, обалдевших от беспросветных прелестей коммунального бытия. В общем, аферка была сама по себе неплоха, но только не для нового главы города, чистота «демократических» помыслов которого обещалась быть стерильной.

Нельзя сказать, что возможные неприятности Собчака в тот период не смущали, но решение жены было бесповоротным и более важным, чем все остальное. Она его моментально убедила презреть любую опасность, ибо что бы с ним ни стряслось, а «клок шерсти» в виде квартиры все равно семье останется. Ну что ж, аргументация была выдержана в духе «рыночных» отношений, которые сам «патрон» повсюду декларировал. Когда уже почти все оформили, Собчак неожиданно натолкнулся на сопротивление строптивого депутата Ленсовета Кулагина, который, трудясь в жилищной комиссии, встал насмерть против махинации «патрона» с квартирами. Собчак очень возмутился и по горячке высказал вслух желание его «убрать»!

— Как? — опешил я.

«Искушенный политик», пристально взглянув, вдруг рассмеялся и шутя пояснил, что до тех пор, пока нет послушного его воле прокурора города, придется самим заниматься подобным делом.

— Каким? — не очень искренне продемонстрировал я свое непонимание. Собчак это почувствовал, поэтому начал издалека. Рассказал, что все люди не без греха, а уж такой, как Кулагин, связанный с распределением жилья, тем более… И враги у него есть…

Я все понял, обещал подумать, но вовсе не о том, о чем просил Собчак. В общем, задуматься действительно было о чем — высвечивались абсолютно новые грани личности «неистового парламентария».

В конечном счете «патрон» моральные преграды преодолел, все квартирные «обмены», к искренней радости обитателей этой «вороньей слободки», совершил. После чего, переехав в бесплатную ведомственную гостиницу, затеял силами прихлебателей грандиозный околодворцовый ремонт «выменянного» жилья. Супруга Собчака постоянно теребила зависимых ремонтников неслыханными претензиями по качеству и недостаточному размаху дармовых строительных работ.

Проблема с престижным жильем была успешно решена. Теперь на повестку дня выдвигалось скорейшее приобретение роскошной дачи, машины и прочее.

Что же касается Кулагина, то депутаты за проявленную им смелость и принципиальность выдвинули его начальником управления учета и распределения жилья. Это полностью ломало схему Собчака в дальнейшей раздаче квартир сообразно лишь собственному желанию. Поэтому, как только горожане почти единодушно избрали «патрона» мэром, первый подписанный им документ был приказ об увольнении Кулагина. Много времени прошло, а ведь не забыл, каналья. Уволенный депутат Кулагин стал сражаться с «патроном» за справедливость в различных судах, но бесполезно. К началу этого сражения Собчак уже успел окружить себя подручными типа Большакова, которого он еще при мне метил в городские прокуроры взамен выпихиваемого на пенсию Д.Веревкина.

Глава 10

Смысл жизни

Не дай бог быть повешенным за то, что натворили с этой страной и ее народом…

С самых первых дней, особенно по дороге, в машине, когда мы ехали без водителя, Собчак частенько заводил разговоры о трудном материальном положении и своем сокровенном желании хоть где-то и как-то заработать, вспоминая при этом, что раньше, в бытность профессором, он сотрудничал с парой местных адвокатов, которые поставляли ему упитанных клиентов для всевозможных платных консультаций, как правило, по разделу имущества. Я и так незаметно взял на себя все текущие и представительские расходы того периода, но советом ему помочь не мог. Одно время он сам на полном серьезе увлекся кем-то подсказанной, на мой взгляд, абсолютно бредовой идеей создания маленькой юридической конторы, зарегистрированной на подставных лиц, по оформлению продажи детей из наших детских домов иностранцам (?!). Хотя спрос и цены на детей были захватывающе высоки, но от этого «грандиозного» планчика сильно и дурно попахивало, поэтому я даже не узнал, чем завершился тогда этот прожект. Однако позднее в газетах вычитал, что такая распродажа имела место.

Как-то «патрону» пришла в голову мысль с целью заработка написать какую-нибудь развлекательную книжонку. Собчак вместе с женой сам организовал написание «всемирно известных» впоследствии воспоминаний «Хождение во власть», где автором-дублером выступил молодой, со смоляной кучерявой бородкой, несостоявшийся пиит А.Чернов. Не знаю, как насчет подлинности его фамилии, но было известно, что тогда он работал корреспондентом «Московских новостей».

Коммерческий успех книги «Хождение во власть» превзошел все ожидания «патрона». Он враз стал, впервые в жизни, состоятельным человеком. Разумеется, наибольшую прибыль принесла не реализация этого «шедевра» внутри нашей страны. Дело в том, что рукописи таких субъектов испокон века использовали для покупки самих авторов. Важно было только найти покупателя. Забегая вперед, скажу: на Собчака покупатель нашелся сразу, и он, как товар, был вскоре приобретен.

Узнав, что его хотят купить иностранцы, Собчак моментально побросал все дела и с женой умчался в Париж, прихватив с собой рукопись, укрытую во вместительном ридикюле от неясных тогда преград при случайном таможенном досмотре.

Вместе с ним отправился и автор текста книги А.Чернов, кровно заинтересованный в своей законной доле и поэтому решивший не отпускать далеко от себя жуликоватого партнера.

В Париже в первый выдавшийся вечер они встретились с одним из содержателей известной газеты «Русская мысль» А. Гинзбургом и постаревшим за годы эмиграции, сильно располневшим А. Синявским, происходившим, как и Гинзбург, из мутной волны первых диссидентов.

С 1955 года Андрей Донатович Синявский под псевдонимом Абрам Терц исправно поливал грязью нашу страну и плевался в народ. За это его потом реабилитировали и чуть было не наградили. Так вот, эти ребята, наиболее яркие и выдающиеся представители из плеяды злейших врагов СССР, без обиняков и пустой салонной болтовни, обожаемой женой «патрона», разъяснили Собчаку, «как родному», что издание его рукописи на Западе может принести автору максимальный доход до двух тысяч долларов. Но если заинтересовать солидное издательство, а вместе с ним крупный капитал, намекнули они, то тогда рукописная макулатура Собчака может потянуть на два и более миллиона долларов. Все зависит только от того, во сколько покупатели оценят самого автора и будет ли он согласен исправно послужить своим новым хозяевам.

Собчак, расправив плечи, в бриллиантовом угаре возбужденно прошелся в тогда еще дешевых ботинках по краю ковра, как породистый, но пожилой конь, доставленный на аукционную площадку для последней в его жизни продажи. В мозгу Собчака ударами изношенного сердца, танцующего вприсядку, выстукивалась цифра в два миллиона долларов, которая без помощи калькулятора никак не переводилась на количество привычных «видиков», но, несомненно, в дальнейшей судьбе «патрона» решала все. Поэтому, выждав положенное время, Собчак, чтобы не продешевить лицом, сдержал восторженный стон и, опустив выдающие волнение глаза, с наигранным равнодушием изрек: «Согласен».

Полагаю, не стоит теперь читателю удивляться общей стене между французским банком «Креди Лионэ» и оперативным управлением штаба Ленинградского военного округа.

Окрыленный первоначальным потрясающим финансовым успехом, Собчак быстро сляпал новый совместный «шедевр» под названием «Ленинград — Санкт-Петербург», в котором бегло рассказал о своей беспощадной борьбе с теперь уже ненавистным ему социализмом и коммунистическими вождями, имена которых клялся выжечь с названия самого города, улиц и памяти всех жителей.

Изготовив срочным порядком эту рукопись, он вновь умчался в Париж, где, уже не спеша, обстоятельно и не волнуясь, торговался до конца относительно собственной, вредоносной России, стоимости.

Подобная беспринципная идеологическая пакостность «патрона» потрясла даже видавшего виды, одного из самых славных представителей русской диаспоры в Париже, я бы сказал, нулевой эмигрантской волны. Он родился и вырос вне России и до недавнего времени никогда у нас не был, но, в отличие от Собчака, нашу страну всегда считал своей настоящей и единственной Родиной. Я с гордостью демонстрировал ему наш город, всю жизнь беспокоивший сны и до самого последнего вздоха воспеваемый его дедом. Мы заехали в Петропавловскую крепость, ворота которой разделяли двадцатый век с «осьмнадцатым».

Он вышел из машины и, стоя на площади перед собором с задранной в темное звездное небо непокрытой головой, высказал мысль, которую я просто обязан тут выразить и взять в кавычки, ибо, несмотря на готовность своей кровью под ней подписаться, она была мне все же подарена другим человеком, всю жизнь прожившим в Париже: «Чтобы такую великую страну, как Россия, поставить на колени, нужно незаметно, но интенсивно прикормить гуманитарной либо любой иной помощью ее народ, тем самым постепенно отучив людей от свойственного им веками созидания. Одновременно надо разрушить дотла все индустриальные источники, после чего Россия без этой самой помощи уже обойтись не сможет никогда. Похоже, что ваш Собчак с этой задачей успешно справляется».

Часы на колокольне собора стали отбивать время. Глядя в его глаза, увлажненные болью и искренней обидой за нашу Родину, я почувствовал первый накат удушающей ненависти к «патрону».

Потом мы с ним забрались прямо на бастион, где когда-то монархисты повесили декабристов задолго до прихода к власти охаянных «демократами» коммунистов.

Граф, пройдясь по каменному карнизу над Невой, встал невдалеке спиной к выхваченному прожекторами из хмурой мглы северной ночи соборному шпилю и что-то шептал, возможно, молился.

Перед нами спал, положив голову на притушенные набережные, любимый город. Под стенами крепости плескалась тихо река, в которую, как известно, дважды войти нельзя…

Спустя некоторое время мне вновь посчастливилось встретиться с ним в одном из зарубежных аэропортов. Я издалека приметил высокую породистую фигуру графа. В ожидании отлета мы вспомнили его визит в Ленинград, и тут высокородный русский дворянин неожиданно досказал то, о чем, вероятно, из соображений такта, промолчал в памятную ночь на крепостном бастионе. Хмуро улыбнувшись, граф сообщил мне, что если у нас люди так грустно отупели и не видят учиненный Собчаком грабеж и воровство, то тогда России и ее великому народу будет совсем непросто подняться с колен.

В конце первого месяца пребывания «патрона» в Ленсовете мне позвонил А. Невзоров и своим лукаво-интригующим тенорком сообщил, что у него есть по Собчаку потрясающий своим крохоборством «матерьяльчик», который он покажет сегодня же всем телезрителям. Я переполошился. «Патрон» все эти дни вроде был на глазах, поэтому чего-то украсть либо смошенничать явно не мог. Тогда о чем могла идти речь? Нужно было срочно мчаться к Невзорову. Хотя я отчетливо сознавал абсолютную невероятность заставить автора «600 секунд» отказаться от приготовленного им к показу скандального сюжета. Ведь в этом был весь смысл его тогдашней жизни. Публичному процессу сдирания шкур с еще живых он придавал особое, зрительное очарование.

Ехидно ухмыляясь, Невзоров сообщил мне, как став всего еще только месяц назад «первой леди» города, Собчиха уже сегодня, к ужасу директрисы, «обнесла» музей фарфорового завода им. Ломоносова, забрав за бесценок хранившуюся в нем испокон века уникальную посуду, чем враз перещеголяла всех, вместе взятых, жен партбаронов прошлых лет.

Я помню, как горячо убеждал Невзорова не ломать тут же хребет котенку, на которого в ту пору походил Собчак. Наш город и страна о фарфоровых проделках Нарусовой не узнали…

Вскоре после «разграбления» музея будущая «дама в тюрбане» совершила еще один набег на небольшой складик городского исполкома, где предшественники Собчака собирали и хранили разнообразные сувениры, в том числе янтарные ожерелья и другие украшения для одаривания высоких делегаций. Легко преодолев отчаянное сопротивление заведующей этим хранилищем, жена «патрона» и тут прибрала к рукам все, представляющее хоть какой-нибудь интерес. Невзоров откровенно скалил свои прокуренные зубы по поводу, как он выразился, «моей неразборчивости в связях». Я же с маниакальным упорством публично уличенного во лжи пытался доказать, что это скорей нелепая оплошность, а не смысл всей жизни семьи Собчаков.

Глава 11

Торжество «Барбароссы»

…Будут последние первыми и первые последними…

Оглядываясь без радости на начало «Великого разгрома», нельзя обойти вниманием внезапно охватившую всех страсть к повальному переименованию всего, будь то город, учреждение, должность, государство, улица или название колбасы.

Нравственный императив отсутствовал начисто. Поэтому ударный маятник, запущенный умелой рукой из таящейся бездны нашей сокрушающей своей жестокостью жизни, разбивал исторические судьбы в прах, сметая все памятники на своем пути. При этом само значение любой легендарной личности смешивалось с дерьмом. После каждого удара этого маятника зрители праздновали победу, которой не было. Ибо вся эта кажущаяся революционность, по сути, представляла собой контрреволюцию, только, опять же, с удачно переиначенным названием: «демократическая антитоталитарная программа реформ».

Как сейчас уже очевидно многим, в мозговом центре враждебного нам Запада принимались абсолютно выверенные, беспроигрышные решения по завоеванию нашего рынка, уничтожению обороны, промышленности и культуры. События не только направлялись, но и обеспечивались расставляемыми по указке Запада кадрами, даже в оппозиции. Наше руководство превратилось полностью в марионеток западных кукловодов при возрастающей, также просчитанной не в Москве, политической и патриотической апатии всего народа.

В шуме и гаме разгула повальных переименований все же угадывался некий тщательно скрываемый смысл. Не имея возможности добиться обещанного избирателям улучшения жизни, да и не ставя перед собой такой цели, новая власть занялась имитацией бурной деятельности, для чего, например, все старые структуры управления безапелляционно объявлялись абсолютно непригодными для работы в новых условиях наступающего «светлого будущего» и по этой причине, ввиду неспособности соответствовать требуемому, немедленно подлежали простому, но эффективному переименованию. «Новый демократический порядок» разрушал все, к чему прикасался, и калечил души тех, кто пытался выжить.

Я помню, как «патрон» долго бился в поисках универсального названия всем многочисленным управлениям, главкам и другим звеньям, входившим в сферу подчиненности бывшему городскому исполкому. Назвать их «коллегиями» на манер петровских — получался вычурный анахронизм, «комиссиями» — отдавало запахом магазина подержанных вещей или, еще хуже, ВЧК, поэтому остановились на «комитетах», так как в голову больше ничего тогда не приходило, кроме таких, совершенно уж на западный манер наименований, как, скажем, «департаменты». Но сил для демонстрации подобного презрения к национальному укладу нашей страны в ту пору у «демократов» еще явно не хватало.

Во всей этой чехарде с переименованиями учреждений была еще одна притягательная сторона, ибо одной только смены самой вывески оказывалось достаточно, чтобы «посчитаться» со всеми строптивыми, но умеющими работать руководителями, а выбитые из-под них кресла раздать всяким единоверцам и прочим сподвижникам. Именно так к исполнительной власти пришел слой пастеризованных вольнодумцев, должностные обязанности которых сильно превышали возможности каждого из них. «…И стали последние первыми…» (Матфей, 20, 16).

Что касается переименования самого Ленинграда, то это был грандиозный обман, совершенный лично Собчаком. Все остальные, принимавшие в нем участие, были лишь статистами, какую бы роль они сами себе ни присвоили.

Для Собчака же это был коммерческо-политический заказ Запада. Доходная часть таила в себе захватывающую, как отливная океанская волна, личную выгоду «патрона», выплаченную ему долларами под видом гонорара за вторую книгу «Ленинград — Санкт-Петербург», и, кроме этого, демонстрировала западным политикам и партнерам его социальную устойчивость, гарантирующую вложенные и вкладываемые под имя Собчака капиталы.

Что же касалось политической части сделки, то этим простым, а потому почти гениальным ходом с изменением всемирно известного названия города все мы одним махом переставали быть коренными жителями, что вело к пресечению традиций, роднивших и поэтому способных объединить в едином порыве как усилия, так и недовольство горожан в борьбе за отчий дом.

Ликвидация названия места рождения выбивала у ленинградцев точку опоры для кристаллизации осознанного массового протеста, превращая их в безликую толпу почти беженцев, созерцателей разграбления города с незнакомым им названием, в который они, якобы случайно, волей судьбы попали, лишенные даже права возмущаться.

Для захвата богатства нашего города подобная операция со стороны Собчака была, бесспорно, умна и дальновидна, но я не мог тогда поверить, что ее можно осуществить, и поэтому все разговоры «патрона» на эту тему считал не более чем шуткой.

Проведенный общегородской референдум выявил полное расхождение желания жителей со своекорыстными интересами Собчака, однако он все равно исполнил заказ, полученный им во Франции и Америке, — город с названием «Ленинград» прекратил свое существование.

Это была не только демонстрация могущества уже набравшего силу Собчака, но и глупости, если не сказать больше, тех, кто ему в этом помог, какими бы мотивами каждый из них ни руководствовался. Тут я даже не имею в виду огромные затраты, связанные со сменой вывески города, оплаченные из карманов налогоплательщиков.

За стирание с карты мира названия «Ленинград» Собчак наверняка получил несколько миллионов долларов, что несравненно больше пресловутых сребреников, а его подручные ненависть большинства жителей, и притом бесплатно.

Эта коммерческая операция, впоследствии с усмешкой названная Собчаком «Ленинград — Петербург», была именно тем, чем он «отблагодарил» город, давший ему все. Город, жителей которого он, с присущим ему «блеском», в сжатые сроки довел до полного обнищания и добился, чтобы давно всеми забытое уличное попрошайничество стало не только нормой, но и эмблемой «Северной Пальмиры». Город, где он, к собственному удивлению, обнаружил пятимиллионную покорную аудиторию желающих быть обманутыми, которую «патрон» со свойственным правоведу ханжеством стал постоянно «кашпировать», презрительно рисуя на экранах телевизоров санкт-петербургские «златые горы» ленинградцам, обалдевшим от грохота развала социализма. Само же восхождение на указанные, никому не ведомые вершины народного благополучия им явно не планировалось. Однако никто из погружающихся в пучину всеобщей нищеты, великолепно организованной Собчаком, этого почему-то не хотел замечать.

Слава быстро разрушала Собчака. Недалекий ум оголял врожденное высокомерие, подавленное с детства всеобщим пренебрежением, а также проявлял постоянную склонность к измене и вороватую внутреннюю пустоту, поэтому резкость его поведения становилась привычной. Само же управление городом в состоянии не проходящей запальчивости и раздражительности, но без заранее обдуманных намерений, естественно, вело к окончательному упадку хозяйства.

Чем бы Собчак ни занимался, кроме своих личных дел, все являло собой сплошную суету. Семена его телевизионных посевов не всходили, призывы не подхватывались, от этого он стал орать на людей и ненавидеть любого, не желавшего за него работать и спасать то, что он уничтожает.

Признавая власть как источник права, он культивировал политику без этики, гласность без честности, суд без справедливости, государственный строй без заботы о человеке, требуя себе диктаторства над городом, чтобы бесконтрольно разрушать его. Для этого, выскочив из-под обломков «перестройки» волею обманутого им большинства, он с тщеславием провинциала уже бесплатно назвался мэром — званием, не слыханным в России.

Истины ради, следует отметить: в повальной смене вывесок и названий была также обыкновенная бессмыслица, как, например, с переименованием школ.

Как-то при встрече с остатками работников разгромленных РОНО Собчак на вопрос собравшихся «Как жить дальше?», тут же нашел выход, заявив, что школы следует поскорее переименовать, и тогда будет все в полном порядке. С пафосом белого миссионера, попавшего в стан идолопоклонников в верховьях реки Амазонки, он стал втолковывать «заблудшим», что название «лицей» не только украсит обветшавшие фасады городских школ, но и враз решит все проблемы народного образования. Пока «патрон» нес всю эту чушь, я разглядывал внимавших ему. Видимо, сама профессия учителя воспитывает внешнее спокойствие при восприятии проявлений любой формы идиотизма, будь то со стороны ученика начальных классов или доктора юридических наук, однако глаза педагогам все равно приходилось прятать. Ведь каждому из них было предельно ясно: между лицеем и школой разница вовсе не в названии, а в сути. Даже с запыленными ветром перемен глазами нельзя не увидеть: за вывеской приглянувшегося нынче всем слова «лицей» раньше была «сокрыта не столько форма одежды с фуражками и белыми перчатками, но, прежде всего, сами лицеисты с генофондом Горчаковых, Пущиных и прочих Пушкиных, попавшие в руки не просто педагогов, а энциклопедически образованных просветителей.

В связи с этим вспоминается визит в наш город группы конгрессменов из США. Это было несколько сильно пожилых евреев, с которыми Собчак провел почти целый день, млея от оказанной ему чести. Он тогда еще был беден и поэтому не горд.

Вечером, когда мы собирались домой, он мне заявил, что нужно срочно найти хорошее здание в центре города и организовать там еврейскую школулицей. Причем адрес этого будущего лицея желательно сообщить ему уже завтра, до отлета конгрессменов.

Видя мое удивление, «патрон» пояснил, что, если политика с представителями этой пикантной национальности, под контролем которой в Америке находится основной капитал, будет неблагоприятной, то привлечение в наш город иностранных инвесторов станет невозможным.

Я еще больше удивился, объяснив, что открытие на первых порах лицея лишь для еврейских детей, который американские дедушки обязались тут же оснастить по последнему слову академической техники, на фоне остального запустения и развала — это лучший способ организации еврейских погромов в самом близком будущем, особенно при стремительном ухудшении общей экономической ситуации. А если же «патрон» к этим погромам стремится, то тогда он, безусловно, на правильном пути, но в этом случае запрограммированное привлечение в город еврейских капиталов из США не состоится. Такая «благотворительность» приведет к обратному результату плюс полному непониманию у ленинградцев радения «патрона» о процветании образования отдельно взятой, причем малочисленной национальной группки в нашем городе.

Собчак посмотрел на меня как-то нехорошо, но смолчал. Я тоже. На следующий день ему был сообщен адрес возможного размещения этого лицея: набережная Мойки, 114.

Уже будучи в США, я узнал, что очарованные такой оперативностью конгрессмены сделали радение «патрона» о еврейских детях далеко не бескорыстным.

Средь бестолковья каждодневного суетливого мелкотемья Собчаку требовалось с колокольных трибун указать мятущимся депутатам всенародную цель, достижение которой враз всех осчастливит. Причем эта цель должна быть таких грандиозных

размеров, чтобы нельзя было промахнуться. Тогда все увлекутся борьбой за ее достижение и перестанут привязываться к нему по пустякам и сутяжничать. А те, кто, несмотря на внушительность размеров, попасть в нее не смогут, будут тут же причислены к врагам города и нации в целом.

Такая цель была вскоре найдена. Имя ее ЗСП (зона свободного предпринимательства). Мы долго ломали голову как именовать «светлое будущее», но так и не смогли выбраться из скудного словарного запаса радостных стереотипов, поэтому и назвали территорию, где будет допускаться разгул смерча свободного предпринимательства, на гулаговский манер — «зоной».

По замыслу «патрона», именно «свободное предпринимательство» способно было в кратчайшие сроки уничтожить все завоевания социализма и сделать основное поголовье жителей города нищими. Он тут же поручил подготовить необходимый пакет документов по этой «зоне» для представления правительству.

За считаные дни были изготовлены проекты необходимых правовых актов, включая постановление правительства и само положение о «зоне свободного предпринимательства». Заложенный в них смысл был прост: путем делегирования местной власти разнообразных полномочий оторваться от лихорадящей экономики страны и на какое-то время перейти в автономный режим хозяйствования с возможностью обращать для внутренней пользы большую часть полученного в регионе дохода, что уже многажды апробировано аналогами существующих в мире свободных экономических территорий.

Докладывая Собчаку эти материалы, я из соображений осторожности, в случае положительного решения правительства, предложил не проводить широкомасштабный эксперимент сразу над целым городом, а взять небольшой участок, к примеру, морского порта, где опробовать основные структурные элементы предлагаемой экономической конструкции. После чего, с учетом полученного эффекта, продолжить развитие вовлекаемой по периметру площади. Нечто подобное давно существует в Гамбурге, на небольшом островке в центре города, между одним из железнодорожных вокзалов и морским портом, но дальнейшее развитие та «зона» не получила, так и оставшись скорее музеем экономических экспериментов, а не необходимостью германского рынка.

«Патрон» мои разглагольствования слушал без интереса, как без особого внимания просмотрел красиво оформленные на мощном компьютере предлагаемые проекты, затем, откинувшись на спинку стула и засунув руки в карманы брюк, стал экзаменовать меня по интересующим его вопросам, касающимся гарантий сохранения капиталов и собственности иностранцев. Эта часть положения о «зоне» была разработана мною сознательно сильно, но мутно, дабы иностранец никогда не смог у нас стать полным хозяином, как на плантациях аборигенов Африки.

Собчаку же это явно не понравилось, и из дальнейшего разговора я понял, что он сильно сомневается в привлекательности предлагаемых условий для капиталистов. Добросовестно скопировав из аналогичных западных документов подводные рифы, защищающие национальные интересы страны, я продолжал отстаивать свою точку зрения, пока не сообразил: у Собчака, вероятно, уже есть «приватные» заказы его заграничных знакомых и компаньонов на скупку недвижимости в Ленинграде, но только со 100 %-ной гарантией необратимости сделки и невозможностью изменить первоначальные условия. Таким образом, национальные и государственные интересы были ему глубоко безразличны, а мои разговоры на эту тему неуместны.

Впоследствии Собчак это неоднократно доказывал, например, бурно ратуя за скорейшее принятие Верховным Советом закона о частной собственности на землю. При этом публично упрекая как сам парламент, так и Президента СССР в нерешительности и «преступном» нежелании сделать всех сограждан сразу богатыми и оттого счастливыми.

Это, как и многое другое, было самой обычной ложью с целью привлечения на свою сторону всех безумно грезящих наконец разбогатеть, чтобы при поддержке этих «мечтателей» получить право всюду выступать и требовать свое от имени миллионов, тем самым добиваясь быстрого роста лицевого счета в зарубежном банке. Ведь желавших скупить за бесценок земли России среди импортных партнеров Собчака было полно. Они готовы были платить Собчаку любой «провизион» за помощь в осуществлении своих сделок. Но отсутствие закона о частной собственности на землю делало такой заработок по распродаже страны пока нереальным. Отчего он чудовищно раздражался и неоднократно высказывал мысль о быстрейшем разгоне Верховного Совета…

Одновременно в исполкоме «регенерацией экономики» и изобретением новых «околорыночных концепций» занималась группа энтузиастов под управлением А. Чубайса, впервые в жизни испытывающего административное наслаждение. Этот рыжеволосый парень в замы к А. Щелканову попал чистым роком, трудясь до этого в институте, где даже написал никчемную кандидатскую диссертацию. Анатолий Чубайс, пользуясь поддержкой значительной части депутатского корпуса, совпадающей с ним по возрасту, полу, волосатости и образу мыслей, обладал редким в наше время даром внимательно слушать, не перебивая, а потом от своего имени повторять услышанное. Он умел быть незаметным, но твердым, как асфальт, в доверенных ему новациях. И если судить по выбранному им кабинету, имел мощную тягу начинающего приватизатора к прекрасному. Хотя характерно заостренные в верхней части раковины чубайсовских ушей, особенно правого, убедительно свидетельствовали о его не людском происхождении.

Захваченный ирреальными идеями, сам Чубайс, будучи объектом дурных подстрекательств, иногда в спокойном, доброжелательном разговоре все же давал себя убедить в том, что городская экономика капризный, тонкий инструмент и не прощает фантазии непрофессиональных настройщиков, после чего пытался доказать обратное всей своей, порой бурной, деятельностью.

Когда при ликвидации исполкома Собчак быстренько спровадил его в неведомо для чего созданный «Леонтьевский центр» по

неприменимым в России исследованиям, было ясно: «патрон» не заблуждается относительно дееспособности и умственной полноценности Чубайса.

Глава 12

Демократ из «Пари-матч»

Снова пятница.

В бешеном темпе безрезультативных встреч, переговоров, приемов и выступлений пронеслась еще одна неделя.

Уже стало утомлять какое-то всепоглощающее невежество «патрона», порой граничащее с безумием, особенно в прошедший месяц этого сомнамбулического бреда, в котором лихорадочно начинала метаться вся страна. Все подавлено и поглощено новой властью, не встречающей никакого сопротивления в необузданном разрушении, не имеющем исторической схожести ни в одной летописи.

Всюду проглядывают наглость напора, хвастовство своей безответственностью, оскорбительное пренебрежение и сознание, что народ все вынесет. Я начал томиться невозможностью изменить опасно-бессмысленный порядок вещей, атмосферу событий, степень душевного напряжения, где только случайность может озарить лучом надежды предопределенный нам Западом путь к пропасти.

Собчак же в этом расползавшемся, онемевшем мире с каким-то припадочным энтузиазмом продолжал крушить все, что подворачивалось ему под руку, будь то городское хозяйство или устоявшиеся десятилетиями промышленно-экономические связи.

«Сила всегда выше права, поэтому да здравствует свобода в пределах законности, которую мы сами будем для всех устанавливать», — как-то в разрушительном азарте изрек «патрон» свой тезис, который впоследствии укоротил до трех слов: «наше право сила». Вот тут я понял: в результате увлеченно декларируемого им строительства «правового государства», после многотрудных хлопот, народ, все мы предстанем наконец перед лицом не откликающегося, погруженного в грубую немоту насилия с Собчаками во главе. Они вместо предвыборно обещанного «правового социума» в итоге затащат всех в неправовой вакуум. К слову, насаждать произвол по всей стране Собчак еще не собирался, но что касалось нашего города, то тут его план был прост и ясен. Прежде всего, необходимо было лишить права даже возражать и жаловаться на свою судьбу всех предназначенных им к ножу — тут «патрон» мстительно, как-то гастрономически улыбался, закатывая глаза и подсчитывая число сегодняшних своих врагов, как он выражался, «перегулявших на этом свете». Чтобы реализовать этот кровожадный планчик, по его мнению, нужно было в своем кармане вместе с грязным носовым платком еще иметь городских прокурора и судью, а также начальников УКГБ и ГУВД.

Когда же «патрон» вплотную занялся комплектованием этой сводной команды, стало уже вовсе не до смеха, ибо трагическая (вне всяких сомнений) участь его врагов теперь полностью зависела лишь от скорости занятия преданными Собчаку людьми нужных ему должностей.

В то время, о котором тут речь, Собчак еще жил по соседству со мной на улице Пельше, в домах-кораблях, провалившихся во мраке загаженных кошками лестниц и глухом ропоте соседей вперемешку с телевизорами за тонкими стеновыми панелями. Как-то утром мы ехали вместе на работу в серой мрази хныкавшего с осенней непреложностью дождя. Собчак, поглядывая через боковое стекло на тучи, вдруг заговорил о своем месте ни много ни мало во всемирной Истории. Сперва я подумал, что он шутит, но, скосив глаза, понял скорее, разговаривает сам с собой, попросту не принимая меня во внимание. «Патрон» уже всюду подчеркивал свое превосходство в общественном положении, но еще не указывал на наличие пропасти и мании величия. В то утро на нем была нейлоновая, обшарпанная донельзя куртка, вероятно, прошедшая сквозь все университетские гардеробы и подножки общественного транспорта в часы «пик», поэтому внешнее обоснование всемирно-исторического облика на фоне сырого и замедленного рассвета как-то пока еще не шло к нему.

Наши дома были на самой окраине города. До Мариинского дворца далеко. Я помалкивал, чуть приоткрыв окно, через которое сквозь всхлипывание дождика тянуло лесом и почему-то запахом свежеперепаханной земли. Тему своего величия Собчак как-то уже начинал развивать у себя дома, куда я на днях привел великолепного фотографа Валерия Лозовского, чтобы тот сделал серию снимков «патрона» в домашней обстановке для его будущих книг, с изданием которых наш автор связывал крупные надежды неплохо заработать первый раз в жизни. Пока Лозовский возился и колдовал со своими снастями, Собчак в одной из трех комнат демонстрировал мне разные сувениры. Он уже тогда стал их принимать в неограниченном количестве черт знает от кого, похоже, желая в дальнейшем создать себе кабинет на манер Кунсткамеры, правда, оформленной с претензиями и вкусом ломового извозчика.

На его разглагольствования о желании занять хотя бы полстраницы (?!) во всемирной энциклопедии я, помню, пошутил, сказав о необходимости в таком случае иметь огромный запас искреннего презрения к людям вместе с абсолютной снисходительностью к своим собственным порокам и недостаткам. Ибо самый современный государственный строй в любой стране мира основан на обмане, угнетении и несправедливости. А всякая, даже самая лучшая власть только имитирует заботу о поднятии политической самодеятельности и критической мысли масс, прекрасно понимая, что это удавка на шее самой власти. Что же касается политиков типа Собчака, которые вместо дел рассыпаются обещаниями на грани фола, продолжал шутить я, то их путь на Олимп крайне рискован, так как золото обещаний со временем тускнеет, а нарисованные ими картины теряют репутацию. К примеру, даже Фауста вместо мощного финала в итоге подстерегало оперное либретто с очень слабой второй частью. Собчак, посмеиваясь, возразил, что тускнеть-то нечему, а картин вообще нет — одни рамы, поэтому пока и рисковать нечем, пусть хоть либретто о нем останется на память дочкам.

Возвращение к этому разговору в машине убедило меня, что маниакальную занозу о собственной значимости и историческом месте ему уже из сознания не вытянуть. Хотя нетрудно было предположить: жители «страны дураков», как всех нас даже по телевидению называл Собчак, могут за его опереточные идеи с него же по-серьезному и спросить. Особенно в тот момент, когда от продукции отечественной индустрии совсем еще недавно могучей страны в магазинах останутся лишь соль да спички, и то неизвестно по какой цене. Вот тогда народ сам оценит его место во всемирной истории.

Пока же город еще громыхал грузовиками и обещаниями свершений. Рекламы повсюду кричали уже не по-русски о необходимости покупать то, чего никто никогда не видел. Шумы трамваев резали кварталы вдоль и поперек. Город жил в расчете, или без него, превратиться в уездный, с надеждой в будущем прокормить себя огородами и гуманитарной помощью враждебных нам государств.

Краткое изложение дерзкой задачи по вписыванию своего имени в Историю «патрон» закончил, когда уже подъехали к Дворцовому мосту.

Дождь перестал. Ветер шарил пространство Невы. Собчак, озираясь с моста по сторонам и как будто что-то выискивая, вдруг ни с того, ни с сего заявил: было бы неплохо для начала попасть своим портретом хотя бы на вкладку известного в мире французского журнала «Пари-Матч», о чем он уже якобы договорился с фотокорреспондентом из Парижа, и завтра, в субботу, тот сделает о «патроне» целый репортажик. Мне же, как я понял, отводилась роль организатора этой затеи с исполнением его портрета в «блеске молний и раскатах грома перестройки» на фоне нашего града, застывшего в камне эпох, где еще одна новая революция опять отняла все имущество у предыдущих владельцев и теперь стирает их имена с названий улиц, мемориалов и самого городского фасада. От желания связать свое имя с всемирно известным парижским журналом по лицу «патрона» прошмыгнула злая забота, заоловянившая его астигматично-косоватые глаза.

Мне было поручено подумать и доложить ему в конце дня, как и где лучше отфотографироваться с «Пари-Матч» в субботу. Затем Собчак стал разглядывать расписанный ему на сегодня план работы. Эти дневные планы мы стали с трудом внедрять, учитывая потрясающую неорганизованность и забывчивость, а посему необязательность Собчака. Он всюду опаздывал. А столкнувшись, скажем, в коридоре, любому назначал время приема и тут же, расставшись, забывал об этом начисто, чем порой ставил меня и Павлова в довольно сложное положение. Прибывшим посетителям, приглашенным самим Собчаком и от этого очень спесивым, бывало трудно, сохраняя вежливость, объяснить, что, несмотря на пустой кабинет, «патрон» их не обманул и не прячется от них. Просто у него возникли «непредвиденные обстоятельства», и поэтому встретиться с ними он сегодня не может, но имеет честь передать извинения и прочее. В общем, дальше начиналась сплошная «ламбада». Поэтому в итоге мы стали применять силовое планирование, разумеется, комплектуя рабочий день интересующими Собчака темами и встречами.

Проезжая мимо Адмиралтейства и Медного всадника, «патрон» вникал в суть дневного расписания с указанием и краткими характеристиками всех тех, кто рвется его лицезреть. Во второй половине дня была спланирована «эпохальная» встреча с его избирателями в помещении школы на улице Жени Егоровой. Дочитав до этого пункта, Собчак вдруг заупрямился, заявив, что на встречу не поедет, а отправится с супругой на концерт камерной музыки в Филармонию, который перенести нельзя, ибо он с женой заранее об этом договорился, кстати, как и о встрече с избирателями. Я похолодел, но, уже достаточно зная нрав Собчака, на рожон не полез и с жаром объяснять очевидное не стал, хотя отчетливо представил, как множество уже оповещенных людей, его избирателей, соберутся, чтобы увидеть свою «надежду на лучшее будущее». Придут те, которые отдали ему свои голоса, после чего он тут же потерял к ним всякий интерес и со дня выборов под разными предлогами уклонялся от встреч. Придут те, кто, несмотря на резко ухудшающийся уровень жизни, еще верит в его обещания. Придут те, опираясь на доверие которых он имел сегодня право говорить от имени народа. И если они, собравшись, узнают, что пришли напрасно, так как свой разговор с ними по душам он променял на концерт с женой, тогда в лучшем случае все это кончится грандиозным скандалом, не говоря уже о падении его популярности и потоках возмущенных писем.

Я немного помолчал, после чего аккуратно поинтересовался именем композитора, чьи произведения в камерном исполнении Собчак с супругой жаждет сегодня услышать взамен жалоб, вопросов и просьб избирателей. «Прокофьев или Шнитке», — не очень уверенно, побегав глазами по мокрой панели, сообщил «патрон». Надо полагать, эти две фамилии композиторов, одна из прошлого, другая из настоящего, охватывали в его памяти весь исторический диапазон увлечений классической музыкой, обязательный для интеллигентов первого поколения, которые только имитировали свое желание к посещениям, причем любых концертов, оставаясь совершенно безразличными к теме, музыке и исполнителям. Само свидание с чьим-то творчеством было для них продолжением нудной тренировочной работы по собственному «окультуриванию».

Собчак сам с удовольствием бы промахивался мимо этих учебно-интеллектуальных реквиемов, но за ним зорко следила жена, регулярно доставляя «патрона» туда, где, как она считала, ему надо показаться, чтобы прослыть не только образованным, но вдобавок и культурным человеком, не в пример многим родившимся и выросшим в крупных городах. Этим жена «патрона» стремилась лишний раз подтвердить расхожую истину о том, что коренные ленинградцы порой выглядят провинциальнее многих провинциалов. Речь идет о публике, понаехавшей в наш город из «тмутаракани» в поисках превосходства над своими уездными земляками. И ежели за многолетний блуд по центру мировой культуры превосходство так и не ощущалось, то это могло довести измученных культурными тренировками провинциалов до шелудивого зуда.

Жена Собчака, Людмила Нарусова, была не совсем рядовым представителем этой социальной прослоечки с закоснелым, ложнопатриотичным, псевдонаучным и холопски-лояльным представлением о ценностях жизни, где сам труд был обесчещен и опошлен, а важнейшие понятия о чести, достоинстве, свободе, истории народа и Родине извращены до неприличия. Поэтому она заставляла «патрона» заучивать всякую мифологическую белиберду, дабы затем на Верховном Совете, гарцуя перед телекамерой, Собчак мог с блеском поведать депутатам, а заодно и телезрителям всей страны, о сиюминутном сходстве

происходящего, например, «со Сциллой и Харибдой». Неважно, что этот «очаровательный» пассаж бывал порой не к месту, а сам автор часто оставался наедине с не понятой массами мифологической аналогией. Ведь Собчаку, высокомерно указывающему задерганному телезрителю на его позорную неосведомленность, нужно было, как говорят в Одессе, просто «попользоваться случаем» и лишний раз продемонстрировать свое бесспорное превосходство уже даже не человека, но мессии. Чтобы все эти «лягушки», к которым он снизошел, привыкали к нему и он мог беспрепятственно ставить на них свои опыты. Правда, как я заметил, наш дублер в Герострaты много имен из легенд и мифов запоминать не стремился, вероятно, боясь их невпопад попутать.

Мягко выяснив незнание Собчаком автора музыки, без сегодняшнего прослушивания которой он жить с женой дальше не сможет, я предложил совместить избирателей с концертом, разумеется, в последовательном порядке: сперва встреча с людьми, а затем концерт. Для чего, пока «патрон» выступает в школе, я съезжу за его женой, чтобы потом разом отправить их в Филармонию.

— А как же брюки погладить и галстук переодеть? — уже слабее сопротивлялся он.

Я покосился на его «мезозойскую» куртку, удобную для перетаскивания пыльных мешков с картошкой в холодное время года. О ее смене перед концертом «патрон» даже не заикнулся, и поэтому я принялся с жаром убеждать Собчака, что названная им часть носильного гардеробчика очень гармонирует именно с этой курткой, а посему не нуждается в улучшении. Нос «патрона» зарделся от оценки его «достойного» вкуса, и он приказал сообщить организаторам встречи о своем согласии. Да, нетрудная вещь ирония.

Мы приехали. Я припарковал машину у левого общего входа Мариинского дворца. Специальным подъездом, служившим всем его предшественникам, «патрон» пользоваться пока стеснялся, демонстрируя этим, как ему казалось, неслыханный «демократизм». Был уже десятый час. Над городом опять собирался покапать дождь. Собчак с литерным лицом проследовал размашистым шагом через заросшую войлоком бород и усов небольшую группку рваной нищеты, жившей уже с неделю в разбитой перед входом видавшей не одно списание палатке. Что они требовали, было не совсем ясно, так как ежедневно меняли свои плакатики. Несколько дней назад этим «пикетчикам» все же удалось запутаться в ногах у выходившего из дворца Собчака, и тому, сделав деловитым и действенным лицо, пришлось выслушать сбивчивые требования, которые, как он мне посмеиваясь пересказал, сводились к возврату каких-то вещей и жен, сбежавших от их мечтаний, сумасшествия и алкоголя. Больше обитателям всевозможных палаток и разных биваков, часто разбиваемых у входа в Ленсовет, «патрон» останавливать себя не позволял, проскакивая, как спецпоезд мимо полустанка с чужими пассажирами.

В колоннадах и залах Мариинского дворца еще остывала доперестроечная Россия. Депутаты к тому времени жили в нем уже скученно, остерегаясь прочего разного населения, заменяя общественно полезные дела склоками, переизбирая и назначая самих себя с одного поста на другой в зависимости от перегруппировки склочничающих, комбинируя развал городского хозяйства по принципу «кто кого».

Беда всех революций заключается в том, что к власти рано или поздно приходят люди с полным отсутствием необходимых профессиональных данных, но с успехом выдающие себя за имеющих их. Создавалось впечатление полного невостребования этой перестроечной чехардой компетентности вообще. Невзирая на предвыборный звон, знания и профессионализм, похоже, перестали быть нужными. В этом легко убедили всех, даже Историю. Ее, пожалуй, легче всего…

Объективности ради следует отметить: среди депутатов попадались цельные, сильные, готовые устоять перед соблазном и любыми испытаниями личности, ориентирующиеся только на голос своей совести. Общий же слой, на манер грибного, был несъедобен. Поэтому дикий разгул лицемерия, грязных страстей и беспросветных лишений захлестнул страну в дальнейшем.

Собчак, как-то в бане сильно распарившись и немного выпив, глядя поверх меня на облупившуюся от сырости и жары стену, ни с того, ни с сего угрюмо спросил сам себя: «Кому и зачем мы несем эту демократию и рынок? Очухается вся эта гоп-стопа, когда мы, по ее просьбе, этот демократический рынок ей устроим. Но будет уже поздно!» — с какой-то тогда не понятной угрозой закончил он.

Не берусь судить, что было искренним: его деятельность или короткий банный монолог, но все, в чем он принимал участие, была одна большая, непрекращающаяся панихида по стране, Родине, всему близкому и дорогому любому нормальному, не ослепленному ненавистью к собственной матери человеку.

В большой приемной с круглым столом и устланным ковром полом мой коллега Павлов отбивался от посетителей, время приема которых уже прошло по причине опоздания Собчака на работу, что никак не могла взять в толк какая-то старушка, сохранившая легкость девичьих движений и умение стыдиться за других.

Не успел я сосредоточиться на завтрашнем дельце с «Пари-Матч», как на меня прямо наскочил «народный избранник» Смирнов с отрешенным видом человека, которому только что сорвали попытку застрелиться накануне собственной смерти от туберкулеза. Обычно он, не являясь членом Президиума Совета, постоянно посещал заседания и выступал по всем рассматриваемым там вопросам, требуя себе слова поднятием правой руки со сжатым кулаком и скорбно опущенным, обглоданным страданием лицом, как это делали на Олимпиадах чернокожие спортсмены, протестуя против апартеида.

— Что вы творите? — взвизгнул он.

— Пока ничего. Только приехал, — опешил я.

— Почему, будучи каким-то помощником, позволяете себе вычеркивать мой вопрос из повестки дня Президиума? — шипел он, пытаясь боднуть меня лбом в подбородок.

— Я бы, вероятно, смог это сделать, если бы мне попалась повестка дня, — попытался отшутиться я.

— Так это не вы?

— Нет, не я!

— Тогда все равно не делайте этого никогда! Иначе долго тут не наработаете, — закончил внезапно он и унесся подбитой вороной через анфиладу дворцовых комнат в александровско-ампирном стиле, мимо колонн, вокруг которых полегли эпохи, мимо зеркал, отражавших молодость не одного десятка истинно породистых поколений.

Опять пытаюсь собраться с мыслями об организации фона для проникновения Собчака на вкладку французского журнала. Кроме того, необходимо проверить готовность организаторов встречи с избирателями и подобрать хоть какой-то статистический материал для выступления «патрона». Уединиться и продуктивно поработать возможности нет, постоянно кто-то отвлекает. Несколько часов разворованы суетой и почтой. Времени на согласование с «патроном» наметок плана уже нет, поэтому начинаю действовать на свой страх и риск, полагая, что хуже сделать не смогу, а лучше некому.

После подборки статданных и полной утряски всех нюансов по организации встречи с избирателями, я уточнил время начала концерта и позвонил жене «патрона», а затем связался с командующим военно-морской базой В.Селивановым — «каталожным» адмиралом, могучим, спокойным и прямым. Я попросил его дать завтра катер для похода Собчака в Кронштадт и осмотра фортов. Адмирал ничуть не удивился, но о цели экскурсии спросил. Скрывая главную задачу — попозировать Собчаку для «Пари-Матч», — я стал вдохновенно конструировать какую-то чушь, типа «из коммерческих соображений, в связи с созданием зоны свободного предпринимательства, требуется взглянуть на акваторию залива, форты и город с моря»…

В общем, о катере, месте и времени договорился. Однако сделал это адмирал как-то неохотно. Возможно, сказывалась полная потеря ориентации в непривычных структурах новой власти. Трудно было сразу разобраться, кто есть кто. Ведь полномочия исполнительной власти были тогда у Щелканова, а кресло главы Совета еще не все корреспондировали с возможностями и блистательным будущим Собчака. Впрочем, в причине сдержанности адмирала могу и ошибиться. Не исключено, что она была в отношении Селиванова к самой личности Собчака, а не к его креслу.

Около двух часов дня я зашел в роскошный кабинет стиля «ампир», где застал «патрона», стоявшего в нерешительной позе ровно по центру представительского кабинетного поля, между беломраморным камином и длинным красного дерева столом для заседаний, в полировке которого отражался через окно купол Исаакия. Надо заметить: за несколько промелькнувших месяцев Собчак очень полюбил эту гулкую, по-лубочному позолоченную, огромную кабинетную пустоту. Без нее обходиться уже не мог, но уютно тут себя еще не ощущал. Письменный стол так и не освоил, используя его огромную столешницу разве что для возлежания черного, нового, красивого кейса, подаренного ему Павловым, цифровой замок которого «патрон» не мог осилить, похоже, из-за неспособности запомнить пятизначный код.

Я кратко изложил идею похода в Кронштадт на катере с возможностью пофотографироваться на совершенно неожиданном фоне, естественно, умолчав, что обо всем уже договорился. Собчак оживился необыкновенно, как барышня, предвкушавшая безопасно-бесплатный занимательный пикничок, но осведомился, где мы возьмем катер. Тут мне пришлось воспользоваться старым адвокатским приемом околпачивания клиентов, когда им рассказывают о неимоверных трудностях выигрывания дела, наперед зная, что оно уже выиграно. После этого я напомнил ему о часе встречи с избирателями и передал отпечатанные статистические данные для выступления.

Собчак меня окликнул уже на выходе из кабинета и велел доставить на встречу с избирателями журналистку одной из центральных московских газет.

«Материал о встрече она использует в статье обо мне», — видя мой вопросительный взгляд, пояснил он. Стало понятным: подготовку своего места в Истории «патрон» начал не с «Пари-Матч».

Эта журналистка для ее возраста была безобразно красива, с привлекательной не по годам фигурой, обтянутой комбинезоном цвета молодой гадюки в начале лета, когда тепло, кругом зеленая, сырая трава и много лягушек. Вчера она внезапно появилась в приемной, столкнувшись нос к носу с Собчаком, который сразу расплылся светлым пятном, как одинокий фонарь, порой видный с самолета в непроницаемой илистой мгле, когда ночь черна и неподвижна. Глаза «патрона» заметались, как у пуделя в предчувствии прогулки, пируя на выпуклостях змеиной спецодежды. Он тут же пригласил гостью в кабинет, по пути не отрывая волнительного взгляда от архитектуры ее тела и экстерьера, поэтому чуть было не налетел на торец огромной золоченой двери. Владелица кудельков белых волос пробыла в кабинете недолго, после чего «патрон» сам вывел ее в приемную. Глаза у обоих были пусты и умны, сочетая любезность с непреклонностью.

В школу мы приехали минуты за три до намеченного часа. Актовый зал был уже полон. Все разглядывали «патрона» тогда еще с доброжелательным интересом. Собчак тут же без разминки полез на сцену, а я стал искать место для журналистки. Путаясь по залу, заметил ехидного депутата Скойбеду с нерастраченной антисобчаковской ненавистью, само образование которой, я думаю, можно было объяснить лишь молодостью непородистого азарта. Вокруг него роилась маленькая кучка активистов, разделявших его точку зрения. Пришлось предупредить об этом Собчака. Он со сцены снисходительно улыбнулся. В области отрицания всего

депутатского корпуса в целом «патрон» уже достиг больших высот. Поэтому отдельных депутатов Собчак просто не различал. Оратором он был превосходным, но пугал всех своей непоследовательностью, вероятно, будучи убежден в том, что публичное выступление, как и надгробное, никого ни к чему не обязывает.

Потолкавшись некоторое время и прислушавшись к началу выступления, я убедился, что «патрон» вышел на свой привычный преподавательско-ораторский редан. А это значило, что никаких внезапностей быть не должно, поэтому можно было смело ехать за его женой.

Вернулся я к концу встречи. Пока мы ехали, жена Собчака, судя по всему, вконец потерявшая покой при резком переходе от ничтожности к величию, стала менторским тоном повествовать, как она возвышается над всеми, заставляя себя читать «обязательные для ее сегодняшнего уровня книги», восхищаться надлежащими этому же уровню художниками, писателями, артистами, дирижерами и режиссерами и, конечно, стремясь презирать тех, кого требует теперь презирать ее новое общественное положение. В общем, договорилась до того, что, в связи с высокой должностью мужа, нынче ее светлейший организм уже не воспринимает даже еду без нежного музыкального сопровождения разжеванного в желудок. Для этого она записала на магнитофон пасторальные мотивы в исполнении клавесина, скрипок, флейт, гобоя и фортепьяно. Причем под эту музыку требуется сидеть за обеденным столом, сложив ноги так, чтобы приучить их к «третьей позиции», дабы в случае протокольной необходимости быть готовой вмиг пройтись жеманным менуэтом. Она также рассказала, что учится принимать позы, исполненные внутреннего достоинства и в то же время привлекательные для взоров самых знаменитых людей, внимание которых она теперь просто обязана сосредоточить на своей персоне.

Мы вместе поднялись в зал. Собчак в конце выступления попытался всех убедить в необходимости прыжка из социалистической распределительной системы в светлое царство свободы нищих. Затем предложил разобраться в антитезе начал русской общественной жизни и борьбе Ормузда с Ариманом, но чувствовалось, что он сам не до конца уяснил отношение к этой паре прочей исторической камарильи и поэтому строил свои фразы очень неопределенно, надеясь на подсказку из зала. Обычно для красоты слога Собчак ставил прилагательные после существительных, попутно набрасывая характеристику всех, кого упоминал. Выходило неплохо и занятно.

Аплодисментов было немного. К недоумению «патрона», никто не заинтересовался Ормуздом, а все стали задавать вопросы о продовольствии, с которым становилось все хуже и хуже. Собчак всем все пообещал и стал протискиваться к выходу.

Уже когда мы подходили к машине, дорогу «патрону» преградил постоянный уполномоченный Выборгского исполкома, не то Сацман, не то Кацман. В совершенно трезвом виде он стал наседать на Собчака с, вероятно, очень мучившим его вопросом о строительстве какого-то торгового центра. Для этой стройки Сацман-Кацман хотел бы порекомендовать «патрону» одного своего приятеля, ныне живущего в Америке. А сейчас он предлагал Собчаку немедленно поехать с ним посмотреть, как он выразился, «удобное место» для этого строительства. «Патрон», не беря в толк, чего от него хотят, сделал попытку не ввязываться в диалог и обойти настырного рекомендатора, но тот был начеку, развесив перед Собчаком очень паршивую улыбочку, раболепную и ехидную одновременно. Жена нервно демонстрировала мужу часы и приглашения на концерт. Заметив, что «патрон» стал наливаться лиловой злобой, я вмешался.

В Филармонию мы не опоздали. То был не Шнитке и не Прокофьев, но Собчака меломаны приняли хорошо.

Когда я прибыл домой, полночь уже повисла и устало переругивалась редкими звуками уснувшего города. Чай вместо обеда, и то не каждый день, давал себя знать озлобленным утомлением, плюс напряжение от накатов подхалимствующего гнева тех, кого раздражала независимость и смелость. Я давно, еще в тюрьме, перестал бояться смерти, а после реабилитации не стал пугаться жизни. Сейчас же с Собчаком, похоже, потерял счет времени. Подобные характеристики свойственны более червяку, нежели человеку. Нужно было что-то предпринимать, ибо помощник сиятельной пустоты не моя профессия. Впереди же был какой-то мрак, уволакивающий отпущенное жизнью время в черное, беспросветное, густое, как деготь, пространство.

Утро, на фотосчастье Собчака, разлилось холодноватым ветреным солнцем.

Катер терся о старый дебаркадер на набережной Красного Флота, около места, где когда-то стоял крейсер «Аврора» в ту памятную ночь семнадцатого года. Собчак прибыл в твидовом пестром пиджаке, прихватив в компанию автора своих будущих книг А. Чернова.

Нас встретил контр-адмирал, по военно-морскому четко и вежливо поздоровавшись с Собчаком, но даже не удостоив взглядом гвоздь программы — фотокорреспондента «Пари-Матч», ради которого все затевалось. Черноволосый, худой, очкастый француз помалкивал, ни слова не понимая по-русски.

Старый катер взревел по команде молодого капитана с ежикообразной головой, обутого в неуставные сапоги-вездеходы российских дорог. На Собчака тут же водрузили черную флотскую пилотку, сунули в руки бинокль и пригласили постоять около рулевого. Катер, развернувшись, ускорил ход и стал стягивать очертания набережных в реку. Чайки криком рвали воздух. На выходе из Невы от просторов залива потянуло сыростью. По мере нашего удаления, дома Васильевского острова проваливались в воду, а Кронштадт, наоборот, возникал из морской глади куполом своего собора.

Собчак, судя по хлюпающе-красному носу, совсем замерз. Пилотка и модный пиджак не грели, поэтому я пригласил «патрона» спуститься в кают-компанию, где его в полном безмолвии поджидал адмирал и еще какой-то люд. Сам же остался с командиром катера уточнить маршрут.

В салоне Собчак, сидя с немигающими глазами, отхлебывал чай и делал вид, что слушает адмирала, при этом думая о чем-то своем. Но как только адмирал замолкал, «патрон» тут же спохватывался и по звучанию последнего произнесенного собеседником слова пытался обнаружить о чем шла речь, после чего с достоинством продолжить. Такая «светская» манера беседы, когда каждый говорит о своем и слушает только себя, совершенно обескураживала адмирала.

Рядом с французом отирался какой-то гражданин, вероятно, из кронштадтских бизнесменов. Он сильно смахивал на где-то виденный мною портрет основоположника сионизма Теодора Герцля, только без бороды. Этот тип все время пытался навязать общую тему беседы о теории построения радостной индустрии отдыха на полностью развалившихся кронштадтских фортах. Его появление на катере, видимо, было спровоцировано моей выдумкой командующему о цели нашего пикника, поэтому Собчак, не ведавший этого, поглядывал на теоретика процветания с недоумением.

Незаметно за разговорами проступили в иллюминаторе очертания самих фортов. Делегированному командующим бизнесмену наконец удалось завладеть вниманием Собчака, склонившего к нему голову. Он, очень торопясь и волнуясь, стал хрюкать и харкать словами прямо в ухо «главного реформатора», безуспешно пытаясь развить свою мысль. В это время француз поманил пальцем «патрона» попозировать на палубе при подходе к Чумному форту. Собчак тут же «оделся» в выхваченные из моего нагрудного кармана темные очки «от Картье», оставив кронштадтского мечтателя с непроглоченной слюной. Тот так и не успел состряпать модель цивилизации этих мест, отчего его лицо стало вмиг ненормальным. А «патрон» уже показывал фотографу зубы, про себя повторяя английское слово «сыр», как учила его жена.

Справа через фарватер разваленными стенками и ржавчиной бесконечных пакгаузов спустился к воде Кронштадт — наш славный российской город каменных памятников побед, убийств и столетий. Всюду носились обалдевшие стаи чаек и гордые буревестники с городских помоек. Их криками ныл воздух.

Катер пришвартовался к стенке форта. Собрался покапать дождик. Фотограф торопил. Все резво соскочили на пирс и прошагали к бастиону по заросшим целебными ромашками мосткам причальной старины. Над крышей полуразвалившейся крепости, шарахнув воронью стаю, проревел гудок проходящего корабля. Чуть сбоку Собчака семенил в остатках валенок и ворковал голубком старичок-туземец, надо думать, сторож, только неясно чего. Он был аккуратно подстрижен, но одет в отчаянное тряпье. Француз сделал несколько снимков, и мы отплыли дальше.

На других фортах «осьмнадцатый» век также провалился в екатерининско-вольтеровский мрак времени. Всюду стыла дремучая тишина, изредка взвывая от тоски корабельными сиренами. День был смыт водой, сумерки развозились кораблями, теряющими вдали свои очертания.

При подходе к вставшему из залива городу все опять вышли на палубу, где парочка матросов тихо пела от холода разбойничьи песни.

Прощаясь, адмирал, думаю, так и не понял, зачем у него отняли выходной день.

Недели через две журнал привезли прямо из Парижа. В нем, кроме Собчака в полный рост и разных позах, были еще несколько фотографий Горбачева. Такое соседство в одном номере делало Собчаку недосягаемую честь.

Рабочий день был сорван. Собственное фото на вкладке «Пари-Матч» не отпускало Собчака от стола. Притулившись к дверному косяку, я тупо смотрел, как «патрон» баюкал взглядом журнал, косясь на него по-медвежьи то одним, то другим глазом.

Глава 13

Новая «Барьеризация»

Для создания хаоса и неразберихи в управлении государством мы будем незаметно, но активно способствовать самодурству чиновников, расцвету бюрократизма, казнокрадства, взяточничества и беспринципности, возведя все это в добродетель, а честность и порядочность будут постоянно осмеиваться, тем самым станут никому не нужны и превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх и беззастенчивость, предательство и вражду народов — прежде всего, вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать…

…

…Ведомственную столовую Ленсовета охранять от набегов людей с улицы становилось все труднее. Кроме этого, большинству депутатов, похоже, сильно докучали различные, но постоянные ходоки. Поэтому пыл свободы вкупе с обещаниями, данными избирателям, испепеливший в самом начале преграды, барьеры и милицейские кордоны на подступах к исполкомовскому чиновному люду, у «нардепов» быстро перешел в жгучее, устойчивое желание сохранить только для себя вместе со столовой все приобретенное и завоеванное в упорной предвыборной борьбе с социализмом. Пропускной режим в Ленсовет был срочно восстановлен и значительно усилен новыми, неведомыми коммунистам формами, до каких предшественники даже додуматься не могли, либо не захотели, или убоялись, ограничивая желание каждого попасть в здание лишь предъявлением на входе любого документа, удостоверяющего личность.

Модернизированную пропускную систему избиратели восприняли без особого протеста, хотя теперь даже с большими потерями времени и многократными приходами в бюро пропусков попасть простому человеку к своим обуянным принципиальностью избранникам стало очень проблематичным делом, так как дозвониться до не желавших этих встреч депутатов было практически невозможно. В общем, вдрызг разбитый после выборов старый бюрократический порядок спешно реставрировался, но в сильно искаженном, прямо-таки каком-то маниакальном варианте. Однако всех это почему-то устраивало.

Я никак не мог свыкнуться и понять причину отсутствия всеобщего возмущения такой быстро доведенной до абсурда новой «барьеризацией», осуществленной одновременно с разрушительной «переделкой» вчерашнего советского аппаратного механизма, еще совсем недавно хотя и раздражавшего всех своей волокитой, но имевшего все же конкретные сроки рассмотрения и исполнения заявлений. Взамен родился злобный недоносок, полностью отторгающий любого обратившегося со своей бедой человека. Стало просто невозможно даже получить доступ к интересующему его чиновнику, а если это случайно происходило и, к тому же, удавалось всучить новому «слуге народа» свою челобитную, то никто бы не удивился, обнаружив ее спустя некоторое время среди туалетных обрывков. Пошла какая-то доселе небывалая, с явным преимуществом свеже-чиновничьего аппарата игра в вопросы без ответов, но с громогласно-видимым желанием их дать. Стало образовываться некое недосягаемое для простых смертных депутатское могущество, как следствие присвоенных государственных возможностей, возложенных на них обществом.

Во взгляде многих «народных избранников» уже чувствовалось классовое превосходство. Депутаты, порой плохо скрывая ехидную улыбочку, предлагали ходокам преодолевать милицейский кордон, отделяющий избранников от народа, только с помощью телефона, доходчиво и терпеливо разъясняя раздраженным людям, что таким способом можно делать все, кроме детей, а потому, мол, вовсе не обязательно топтать полы кабинетов да отнимать их личное время. Если же кому-то и удавалось прорваться сквозь посты, то на них смотрели как на сантехника, вломившегося в спальню молодоженов в самый неподходящий момент.

Все избранники пребывали в состоянии какого-то депутатского аффекта вперемежку с приступами безграмотной самостоятельности, под натиском которых стройная многолетняя система управления городским хозяйством быстро разрушалась, создавая этим распадом особую, оживленно веселящую атмосферу всеобщей дурманящей услады.

Площадка внутренней лестницы при переходе от зала заседаний к туалетам стала местом не только постоянного курения с «трепами», но и беспрерывных «толковищ» для концентрации взглядов групп единомышленников, названных впоследствии «фракциями». Депутаты там роились в дыму, пребывая на этой «работе» почти целыми днями, лишь изредка расходясь отдохнуть по залам и кабинетам дворца, где заседали выбранные ими комиссии. Изначальное чисто «броуновское» движение в рамках этой лестничной площадки впоследствии сильно замутилось дымящим и внимающим постоянным представительством разнообразных течений, группировок и фракций и стало носить нездоровый оттенок латиноамериканских парламентов просоциалистической ориентации. Но вскоре пришло время освободиться поголовно даже от подобных признаков социализма. Вот тогда власть Советов депутатов, по традиции называемая советской, неприметно для постороннего глаза и приняла форму «демократии нового типа», озарив переливами свежих возможностей большинство завсегдатаев мест для курения. И если раньше чиновники всех рангов лишь грезили за все брать взятки, то «демократы» их мечты враз осуществили.

Бывший дипломированный оператор угольной котельной низкого давления маленького пансионата, расположенного вблизи Репино и Комарово, а ныне бравый депутат Подобед (это фамилия) — образец яркого борца против привилегий, о чем, надо думать, до сих пор с грустью вспоминают избиратели, отдавшие ему свои голоса для схватки с этим, как он уверял, столь типичным коммунистической власти злом, однажды предложил лестничным коллегам-курильщикам блистательный и дерзкий проект по захвату в частную депутатскую собственность разных загородных домов и земельных наделов, раскинутых в округе

обогреваемого им ранее пансионата. Судя по его подкупающей искренним азартом напористости и уверенности в поддержке сотоварищей, справедливость этой затеи у Подобеда сомнений не вызывала. Отсюда можно было предположить: смелый замысел присвоения всенародной государственной собственности вынашивался и был выстрадан им давно, по всей видимости, еще в пору длинных зимних ночей бессонной кочегарной вахты, согревая будущего народного избранника сильнее, чем сам пансионатский котел, собственноручно расшурованный обученным оператором.

Похоже, идея пришлась многим по вкусу, за что ее автор тут же, возле большой фарфоровой мусорной урны, до краев забросанной оплеванными окурками, был выдвинут возглавить одну из очередных депутатских комиссий, которой поручили спешно разобраться с этим столь важным для возжелавших стать владельцами чужой недвижимости делом. Сегодня можно только догадываться, какой ныне у бывшего кочегара собственный капитал, образовавшийся за счет доверия облапошенных избирателей.

Еще не окончательно потускнела надежда получить какой-нибудь приличный портфель в правительстве СССР, и поэтому Собчак мало обращал внимания на всю эту депутатскую тусовку, часто вслух сравнивая происходящее в руководимом им Ленсовете с возней меж кафедрами внутри университетского факультета, который, как он считал, по праву бесспорного собственного превосходства ему наконец-то поручили возглавить. По крайней мере, в разговорах о ежедневных событиях он все время отмечал какие-то параллели между творимой депутатами суетой и прекрасно усвоенной им академической, кафедральной жизнью, которая, судя по рассказам «патрона», была до предела насыщена многолетними, устойчиво-постоянными интригами. Разработанную мною структуру аппарата управления он воспринял без видимого одобрения или хотя бы благодарности за оперативность исполнения, вероятно, именно по причине несхожести ее с привычными Собчаку факультетскими и кафедральными схемами.

Вот почему, к примеру, значимость должности председателя исполкома Ленсовета и его аппарата «патрон», сообразуясь со штатным расписанием своего факультета, первое время взять в толк вообще не мог, отнесясь к дружно и безальтернативно избранному на этот пост Щелканову по-своему безучастно, как, скажем, к необходимости обязательного включения в состав зарубежной делегации, отъезжающей на международный конкурс скрипачей, представителя службы безопасности, которому в достойно застойные годы даже вручали футляр от скрипки, чтобы он не резко контрастировал с основным составом. Трения начались позже, когда этот «представитель» (в нашем случае Щелканов) потребовал саму скрипку, а также изъявил горячее, азартное желание поучаствовать в проводимом конкурсе, чем сильно изумил и озадачил руководителя делегации, коим считал себя Собчак.

Пока Щелканов занимался подбором своего аппарата и расстановкой кадров исполкома, «патрон» все внимание сосредоточил на работе Союзного парламента, призванного, как потом оказалось, положить начало общему разгрому и разграблению СССР. Союзное правительство героически сопротивлялось, а уничтожить такой могучий организм, каким являлась наша страна, силами лишь одних периферийных депутатско-«демократических» гнойников было явно невозможно, ибо эти силы были, безусловно, пока еще слабы.

Эту роль взял на себя основной костяк Верховного Совета СССР, руководимый и управляемый Горбачевым, который прекрасно понимал, что для окончательного развала страны власть незачем кому-либо сдавать. Достаточно лишь выпустить ее из рук, тем самым подав сигнал всем нижестоящим: «республиканским», «губернским», «волостным» и «уездным» депутатским формированиям. Кто же мог тогда догадаться, к чему все это приведет, и что избранные руками собственного народа разные Собчаки поставят последнюю точку в истории СССР, а сам Верховный Совет страны, таким образом исполнив, возможно, неведомую многим его депутатам, указанную Западом задачу, после известных событий самораспустится, враз сделавшись ненужным, как отработанная ступень ракеты-носителя.

Остатки этой, как вдалбливали всем еще недавно, «очень передовой демократической конструкции» тут же станут обзывать на страницах собственной же газеты «Известия» (замечу, органа самораспустившегося Совета Союза) «реваншистским», «консервативным», «реакционным», «тоталитарным», да еще каким-то «отребьем» и, в конечном счете, заклеймят «красно-коричневыми фашистами».

Глава 14

Приобщение к миру общечеловеческих ценностей

Нам необходимо подорвать веру, вырвать из ума людей принцип Божества и Духа и все это заменить арифметическими расчетами, материальными потребностями и иными интересами…

…Наш пароль — сила и лицемерие. Насилие должно быть принципом, хитрость и лицемерие — правилом…

…

В один из нескончаемой вереницы рабочих дней, когда лучи солнца уже давно сгорели за шторами кабинетных окон, Собчак перед разъездом по домам решил заскочить куда-нибудь поблизости поужинать. Такое обычно случалось, если его жена уезжала. Кстати, нам нужно было продолжить неоконченный разговор. Я собирался сделать это в машине именно по дороге к дому.

Ужинали мы, как я уже говорил, в одном и том же месте — на 10-м этаже гостиницы «Ленинград», о чем я директора предупреждал заблаговременно. Нынче же «патрон» внезапно изъявил желание перекусить, разрушив этим мой дерзновенный план, выстроенный на оставшуюся часть суток. Звонить в «Ленинград» было уже довольно поздно, поэтому я вскользь поинтересовался, какое из известных по этой части заведений он сам хотел бы навестить.

Собчак еще не мог привыкнуть питаться в номенклатурном одиночестве, и его постоянно тянуло на люди. Поэтому, даже не подумав, он сразу же назвал ресторанчик на улице Гоголя, что было совсем рядом. Там, как помнил «патрон», всегда имелось великолепное мясо, была прекрасная обстановка с тихими милыми людьми. Из рассказанного им с блаженной улыбкой, вызванной приятными воспоминаниями, стало ясно: именно в этом полуресторанчике-полукафе-полуподвале Собчак с коллегами по юрфаку периодически прогуливал свои побочные доходы, такие, как, скажем, «премию по НИСу за освоение автотракторной техники на полюсе холода» или еще за что-либо подобного рода. Тут же отмечались собчаковские труды в соавторстве со всеми подвернувшимися под руку, позарез нужные ему в те времена, дабы защитить себя и своих дочурок от всевозможных превратностей судьбы. Здесь же, в полуподвальном заведении, «патрон» на деньги, отложенные для покупки столь вожделенных в ту пору штанов, потчевал какого-то ответственного идеологического урядника из университетского парткома, дабы он был к нему более благосклонен и помог вне очереди вступить в позарез нужную ему тогда партию. В общем, в «приличное» местечко со своими компашками шлялся будущий мэр, и, как я уразумел, тем стенам было что вспомнить. Я же в сей ресторанно-буфетной столовке не был ни разу, видимо, потому, что профессором стать не сумел, правда, и не стремился им быть. Ну, а что туда влекло самого Собчака в былые времена — то ли умеренные цены, то ли кухня, то ли укромность, — «патрон» так и не сказал.

Пока мы ехали до этой самой «жевальни», Собчак ни с того, ни с сего рассказал мне о каком-то своем коллеге, профессоре-расстриге, окружившем себя на кафедре сплошь смазливыми аспирантками. Появление средь них первого аспиранта-мужчины он всем объяснил упадком собственной потенции. Я не совсем понял, зачем «патрон» перед ужином поведал о бурных университетских половых буднях блудливого ученого, но, судя по объявленной причине появления аспиранта, заподозрил, что речь шла вовсе не о нем самом.

Мы подъезжали. Собчак, издалека разглядев толкучку перед входом в знакомый ему полуподвал, сильно опечалился и еще больше проголодался. Чувствуя его неистребимое желание навестить именно сегодня это притягивающее памятью былых гурманистических утех пристанище, я припарковал машину и отправился на разведку, попросив «патрона» чуть подождать. Возможно, в сравнении с университетской столовкой, сие нарпитовское заведение было собчаковским стартом в прекрасную, по его прошлым меркам, жизнь, подслащенную сорванными гонорарчиками. Поэтому я решил сделать все возможное для возвращения «патрона» хоть на вечер в тот былой праздник.

Не желая будоражить заждавшихся попасть внутрь с парадного входа, пришлось сперва попытаться вломиться со двора, где среди груды грязных ящиков я обнаружил металлом обитую дверь, предусмотрительно запертую на большой висячий замок.

У центрального входа в хвосте очереди толпилась и дружно лузгала семечки, поплевывая по сторонам, стайка молоденьких барышень. Судя по цедящимся «матюкам», выражению их лиц, а также качеству «боевой раскраски», с невинностью они расстались намного раньше, чем со школьной формой, и теперь к целомудренному восприятию ими любой возникшей реальности уже никому нельзя было пробиться сквозь толстый наносной слой успевшего у них окаменеть цинизма. Поэтому мажорным голосом пожилого мая пришлось попросить «прелестниц» расступиться, а не то шагнуть через них. У самых дверей мелкие урки, взволнованные моей просьбой, стали играть в вольности, преградив вход, но, озаренные посетившей меня нехорошей тюремной фразой с соответствующим жестом, вмиг отпрянули, вяло урча. За дверьми передо мной в фуражке вагоновожатого 30-х годов предстал бесформенный швейцар из породы великолепно ощипанных бройлеров с парой молодых шалопутов-подручных. По всей видимости, в места заключения он еще только собирался, ибо по галстуку и костюму ошибочно принял меня за интеллигентика, опившегося нарзаном, и стал всячески препятствовать проходу, выказав сперва пути резко континентального конституционализма, а уж затем перейдя к мелко-уголовной тематике и угрозам. Однако после неожиданной взбучки тут же полинял и уже без звука запустил вовнутрь вместе с какой-то угрюмой расстрельной рожей.

Оценивая предварительное впечатление от публики на входе в этот, судя по всему, филиал центра по разрушению нравственного иммунитета общества, ужин с Собчаком вполне мог состояться в очень занимательной атмосфере.

Перед гардеробом болталось на одном месте существо с вываренными до белизны глазами и ресницами. Было бы совсем неплохо портретами подобных субъектов украшать этикетки водочных бутылок, дабы прежде, чем выпить, жаждущий мог лицезреть, какие последствия его ожидают. Я заглянул в зал. Он был душно полон. Публика соответствовала местечку и времени, была многочисленна и шумлива.

Молодая, вконец искучерявленная электробигудями, отдаленно похожая на женщину особа с подносом подсказала мне, где обнаружить администратора. Я поперся на кухню. У раздачи шнырял одинокий, молчаливо-старательный повар со следами недоедания на лице, окаймленном эмбрионами бакенбард, взлетевших стрелками от порочных зубов к большим розовым ушам. Его загорелые до запястья руки, какие бывают у «могилей» закрытых для общего захоронения кладбищ, были шустры и хватки. На мой вопрос о месте лучшей поимки администратора он только сплюнул куда-то под свой прилавок прилипший к нижней губе давно потухший «бычок» сигареты и сощурил желтоватые глаза в шельмоватой улыбке. Рыская дальше за кухней по какому-то проходу катакомбного типа, я нагнал прилежно покачивающийся стан, как оказалось, принадлежащий администраторше со свежеотреставрированной физиономией и декольте, где гулял весенний ветер.

Она приостановилась и окинула меня приветливым взглядом ядовитой змеи, уставшей от посетителей зоологического террариума. Не дав ей открыть рот, я тут же поведал о сплошной голодной жизни всех холостяков, убежденных, что ощущение сытости недостижимо, и предложил сегодня доказать полную несостоятельность подобных утверждений двум оппонентам, пожелавшим вкусить весь ассортимент ее убедительных доводов. Мой рассказ не возымел желаемого эффекта, даже наоборот. Мне было сообщено, что эта легенда выдумана для одиноких женщин, мечтающих выйти замуж. Судя по металлическому звучанию голоса, одинокой она не была и предложенную мною в разговоре тему прекрасно знала, ибо, вполне вероятно, имела паспорт, уже не раз тронутый штампом загса. Что касается мужа, если в настоящий момент он имелся, то, глядя на решительный вид администраторши и манеры, ему вряд ли предоставлялась возможность уныло размножаться, имея в качестве жены такого капрала в юбке.

Прикинув все это, я резко сменил тон, давая понять, что после того, как во втором веке до нашей эры финикийцы выдумали деньги, которые стали потом делать в любых количествах, перестало быть проблемой быстро и качественно поужинать двум мужикам в таком заведении, где мы с ней находимся. Она, как и предполагалось, сразу меня поняла. Все детали мы тут же обсудили. Место я выбрал сам, в углу зала за столиком на двоих. Все, что было на кухне, заказал и, прежде чем отправиться за Собчаком, наверно, заждавшимся меня, еще раз на всякий случай окинул взглядом помещение. Ничего особо примечательного для подобных мест я не заметил ни среди сидящих, ни в интерьерах. Над нашим столом, видимо, для прикрытия чуть обшарпанной стены, красовалась картина неизвестного художника, превратившего обнаженное женское рабочее тело в сложную систему не совсем впечатляющих трезвого зрителя линий. Невдалеке от нее застыл за стойкой, медленно надувая бело-розовые пузыри из «жвачки», бармен, вялый, словно припорошенная первым снегом трава, с недовольно-удивленным лицом, как у случайно пойманного на улице таксиста, которого захотели нанять простые старики-пенсионеры, не способные своим ходом добраться до дому. Отказ в такой поездке таксист обычно объяснял искренней уверенностью, что подобные пассажиры должны были уже давно, словно мамонты, исчезнуть без его помощи из жизни и не мешать ему зарабатывать.

В дымном зале блуждали плотные молекулы негромких разговоров и хихиканий. Все было абсолютно спокойно.

Собчак почти задремал, но обаятельно разулыбался, узнав, что все устроилось. С утра было довольно прохладно, и «патрон» поверх костюма надел свою нейлоновую куртку, потрепанным видом которой он в недавнем прошлом завоевал симпатии избирателей, слоняясь с мегафоном у станции метро «Василеостровская». Я попросил оставить ее в машине, чтобы не вызвать демонстрацию протеста владельцев сданной в гардероб приличной одежды.

Помня мой «приветливый наезд» при первом заходе, «боец» на дверях изумленно уставился на Собчака, отчего я определил, что он смотрит иногда телевизор. Мой недавний своеобразный, на специфическом жаргоне монолог, вероятно, навел швейцара на мысль о тесном сотрудничестве «патрона» с мафией.

Пока Собчак мыл руки и любовался собой, я разглядывал дверь туалета, на которой в сжатых выражениях были отражены основные моменты интимной жизни большинства посетителей. Из туалета «патрон» проследовал через зал с видом идущего к трибуне и сел за указанный мною столик, озираясь вокруг яркой улыбкой. Его появление внимания жующих особо не привлекло, что «патрона» задело, хотя удивляться тут было нечему: он еще не стяжал вокруг себя мировую славу с деньгами и обязательным всеобщим почитанием, поэтому каждый находящийся в зале, несмотря на его приход, продолжал спокойно заниматься своим ресторанным делом. Правда, при виде Собчака змеей-администраторшей враз овладела хлопотливость курицы-несушки да бармен перестал надувать пузыри и сплюнул.

Нам тут же подали сациви из пожилого, но тощего петушка, лодочку с измученными шпротами, посыпанными прелым луком, и салат из давленых овощей. Затем нас ожидало мясо, давний, но сохраненный вкус которого и сопутствующие этому воспоминания ныне завлекли «патрона» под эти своды.

— Да, тут, похоже, многое изменилось, — пробурчал негромко Собчак, наливая в свою рюмку коньяк и выглядывая побольше шпротинку, с какой начать. — Вот, например, что тут в это время делают не получившие еще даже аттестат зрелости? — продолжил он, указывая глазами на соседний стол.

Я, не поворачивая головы, скосился. «Патрон» был явно не прав. В замеченных им школьницах зрелости было минимум на десять аттестатов. Они мило и уютно ворковали с весело подпитым ровесником Собчака, который, судя по обильному хаосу накрытого стола, смахивал на лауреата шальной квартальной премии за успешное разграбление своего кооператива. Как только

«патрон» неосторожно остановил на нем свой взгляд, «ровесник-лауреат» тут же, чуть привстав, церемонно раскланялся, вероятно, этим давая юным спутницам понять, что он и Собчак знакомы. «Патрон», не ответив на приветствие, быстро отвел глаза, тогда «лауреат» стал биться в смехе, как вынутая из воды рыба, и подавать нашему столу всяческие знаки внимания. В общем, повел себя так, будто в штанах припекло, после чего громко заявил, ни к кому не обращаясь, о своем безграничном «демократизме» и приверженности всем программам «демократов» разом.

Даже при беглом осмотре места действия было и без того сразу ясно: его «демократизм» действительно не имел границ, соперничая разве только с собственной блиц-программой патологической любви к бабам. Еще, пожалуй, в этом «безграничном демократе» плохо соединились две крови, отчего его лицо казалось асимметричным, поэтому нельзя было сразу понять, сердится он или шутит. Барышни, обеспокоенные волнительной активностью своего клиента, тоже обратили внимание на «патрона». Хорошенькие головки — одну в кудрях, напоминавших мутную пену, другую с белыми волосами, похожими на слипшиеся макароны из вагона-ресторана, — они склонили к ушам своего ухажера, видимо, спрашивая, кто это. «Лауреат», тепло икнув, резонно и громко уведомил всех присутствующих поблизости, что пред ними — «главарь ленинградских демократов» Собчак. После того, как я вынужден был четвертовать его взглядом, он затих и деловито занялся закусками с десятиклассницами, прекратив демонстрацию своих незаурядных демагогических способностей.

«Патрон» зарделся и, посчитав презентацию себя залу законченной, обратился ко мне с патетическим, но тихим восклицанием о том, до какой степени дикости довел социализм личность, что ставит перед «демократией» первоочередную задачу по возрождению культуры на базе новых общечеловеческих ценностей.

Приведя меня этим пассажем-вступлением в состояние внимательного и почтительного слушателя, Собчак начал, пережевывая вместе с салатом, пересказ какой-то запомнившейся ему доктринки, вероятно, из цикла предвыборных баталий, о необходимости постепенного вхождения СССР в число «цивилизованных» стран мира и предшествующих этому великому событию различных мероприятиях по «культивированию» нашего нищего пока только умом народа, который «патрону» представлялся не более, чем перемешанной тестообразной, безропотной, безучастной и пассивной, а потому безликой массой, хорошо поддающейся искусным рукам немногочисленных формовщиков-пекарей; одним из них, безусловно, он считал себя.

В своем, как обычно, убедительно-страстном монологе с овощами, видя невозражающее внимание, порой подавляющее самокритику, «патрон» договорился до вывода о том, что цивилизация нас вообще не коснулась, и место СССР в этом смысле где-нибудь в верховьях реки Амазонки. Этот вывод он легировал фамилиями Канта, Бабеля (вероятно, «патрон» оговорился, имея в виду Бебеля) и почему-то Фрейда вкупе с академиком Сахаровым, восхвалять которого Собчак начал только после его смерти.

Запальчивость декламатора иссякла вместе с салатом. У прошмыгнувшей мимо официантки я заказал повторить приглянувшееся «патрону» блюдо и, пока его несли, позволил себе не согласиться с услышанным. По Собчаку выходило: достаточно поменять общественные приоритеты человеческих устремлений, сыграв на своекорыстных рвениях, свойственных, в чем был уверен «патрон», всем без исключения людям, одновременно лишив их завоеваний социализма в виде защиты, опоры и опеки со стороны государства, как тотчас умственное одичание закончится, и звезда процветания культуры, науки и прочих прелестей прогресса непременно взойдет над нашим потускневшим небосклоном, ибо должен будет запуститься механизм борьбы за выживание одиночек среди голодной стаи, что вмиг заставит человека много, вдохновенно и качественно трудиться, только уже на собственное благо, а это, само собой, послужит началом великого зарождения нового общества свободных от государственной соцповинности и потому очень цивилизованных людей, не в пример сегодняшним. Тут «патрон» скосил глазом в сторону унявшегося охмурителя соискательниц аттестатов зрелости. Единственная сложность такого всенародного перерождения, по мнению Собчака, состоит в строгой идеологической дозировке пропагандирования самой этой идеи, дабы, как выразился «патрон», «не повторить ошибку коммунистов», долгое время махавших у всех перед лицом красной тряпкой, чем был вызван, несмотря на бесспорные для простого люда преимущества социалистической системы, массовый «бычий синдром». Для достижения этой «блестящей» цели необходимо будет подчинить себе все источники информации: радио, телевидение, газеты, чтобы с их помощью доводить до исступления народ подстрекательством к овладению государственной собственностью и воспитанию у каждого желания превратить свой дом в филиал художественных останков Эрмитажа. Что же станет в результате с самим Эрмитажем, со страной и, в конечном счете, с большинством ее населения — об этом средства информации обязаны будут умалчивать.

Насколько я понял, одним из «великих» дел, которые замышлял Собчак, было зачатие слоя, а еще лучше — целого класса воров по профессии и погромщиков по призванию, на чьих плечах можно будет двигаться дальше к «светлому будущему», но уже в «цивилизованной» компашке.

В общем, неплохой планчик изложил Собчак, сам пока не выказывая сопричастности к генетическим наклонностям этого зачатого им социального опорного слоя, призванного умертвить без всякой классовой борьбы, методом сперва дробления, затем разъедания и разложения изнутри, на манер действия раковой опухоли, все другие, доселе известные нам классы: рабочих и прочие.

— Если же их лидеры попытаются мобилизовать народ против «демократии», то новой власти нужно будет решительно с ними кончать, — заключил Собчак.

Как кончать — с массовыми жертвами представителей этих классов или без них, — «патрон» не пояснил.

Из услышанного выходило, что «демократия» — это не более чем дымовая завеса или вроде того, за которой будет удобно и

безопасно воровать. Это ширма для разрушителей страны, которая, пока идет разграбление государства, будет через средства массовой информации крепко держать общественное мнение в нужной кондиции, не давая народу разглядеть тех, кого она прикрывает.

Суть «приобщения к миру общечеловеческих ценностей» Собчак понимал почти дословно — как возможность хапать и красть все, на чем остановится глаз, разумеется, в объемах, прямо пропорциональных личным способностям и занимаемой должности. Относительно своего воровского таланта «патрон», по-видимому, не сомневался, поэтому считал необходимым всех торопить быстрее разрушить старые моральные и законодательные барьеры, чтобы скорее добраться самому до этих «общечеловеческих ценностей».

Подобная позиция Собчака после нескольких маленьких рюмок коньяка, притом с закуской, меня озадачила. До этого момента ничего похожего мне от него слышать не приходилось. Ко времени нашего разговора общественное настроение, вызванное началом развала страны, динамично ухудшалось. Правда, газеты вовсю старались вдохнуть оптимизм массам, вероятно, поэтому «демократы» еще не встречали всеобщего поношения и оплевывания.

В ту пору, веря в искренность теоретических заблуждений Собчака, я сказал ему, что путь, который он предлагает, вовсе не ведет, по его выражению, к «окультуриванию народа», ибо эта дорога — исторически вниз, а не наверх. Если же он хочет доказать себе очевидное всем, то для подобных экспериментов предпочтительней было бы избрать страну типа Берега Слоновой Кости, а не один из всемирных балансиров, после разрушения противовеса которого может рухнуть вся мировая конструкция.

Что же касается культуры и вообще путей повышения интеллектуального уровня народа, то тут, чтобы наглядно убедиться в пагубности его предложения, которое, бесспорно, приведет к обратному результату, достаточно вспомнить байку про одного великого философа. Как-то прогуливаясь со своими многочисленными учениками, он вступил в беседу с повстречавшимся, вероятно, знакомым, очень богатым, но одиноким человеком. Этот богач из зависти к наличию окружения, внимающего каждому слову философа, заявил мудрецу, что вместо умных мыслей, знаний и красноречия у него есть много золота, великолепные рабыни и прекрасные вина, а посему стоит только предложить все это ученикам философа, как они тут же, стремглав, перебегут к нему. Ученый согласился с ним, пояснив, что такая задача намного легче его, ибо богач тянет людей вниз, а мудрец старается поднять наверх.

— Как фамилия этого философа? — перестал жевать Собчак.

— Черт его знает! Не помню. Да в ней ли дело? Знаю только, что прогуливался он по каким-то садам Ликея. Но лучше на Верховном Совете эту байку в качестве демонстрации своей эрудиции не озвучивать, так как за полную схожесть с историческим оригиналом не ручаюсь, — пошутил я.

По внешнему виду повара и закуски было нетрудно предположить, сколь много желудков разбилось о блюда этого заведения, однако «патрон» ел с аппетитом и удовольствием. От расхваленного Собчаком мяса я ничего хорошего тоже не ждал, будучи уверен, что и оно приготовляется местными общепитовскими предпринимателями исключительно по рецептам доктора Мальтуса, автора научной идеи искусственного регулирования численности населения Земли, исключающей размножение людей с безответственностью трески в отрыве от кормовой и производственной базы нашей планеты.

Разговаривая с «патроном», я исподтишка постоянно оглядывал зал. За спиной Собчака сидели две пары. Парни ели, пили и молчали, девицы постоянно щебетали, поглядывая «патрону» в спину. По их искренне-нежному отношению друг к другу представлялось, что этим девушкам пока еще не удавалось влюбляться в одних и тех же. Вдруг та, что сидела спиной, встала и направилась мимо нашего столика к выходу. У нее была фигура, вошедшая в моду за последний год, но с талией и ногами нового сезона. Природа оборудовала ее всеми признаками щедрой плодовитости. Костюмтальер шел ей изумительно. Сама она казалась очаровательной. Каждый ее шаг мимо столов порождал воспаление глаз у многих мужчин, прекративших враз жевать. «Патрон», завидя такую проходку, даже не смог проглотить шпротинку. Ему в новой должности, похоже, было трудно согласовывать свою сильно развитую в университете физиологическую потребность с еще действующей незабвенной прокоммунистической депутатской этикой и моралью, а посему в вопросе об этом виде секреции он постоянно наталкивался на серьезные трудности, которые приходилось преодолевать, порой презрев свой страх.

Девушка на мгновение замерла у нашего столика и окинула Собчака наигранно равнодушным, чуть презрительным взглядом, как смотрит женщина обычно на того, кого она хоть раз уже успела обмануть. «Патрон» поперхнулся, чем рассекретил свою восприимчивость. Шпротинка застряла окончательно. Ее хвост торчал изо рта Собчака, как из клюва цапли. Я заподозрил неладное. Это мгновение не нарушило чарующую прелесть королевского хода, которым девушка удалилась в сторону общественных туалетов. Задержанный глоток перешел у Собчака в тепло и выступил бисером пота на лбу, а пойманный взгляд вооружил его мстительным лиризмом. Он тут же мне поведал, что собой обычно представляют «стельные коровы». По рассказу чувствовалось: эта тема им неплохо освоена. Я всегда подозревал, что в подобных делах именно невежество, жлобство и мещанская ограниченность являются порукой для сведения знакомства с животными этой категории.

Спохватившись и успокоившись, Собчак резко переключился, спросив меня, чем сейчас занимается Щелканов и его «шустро-безграмотный» заместитель рыжий Чубайс со своей «шайкой молодых, но уже талантливых экономистов».

— Насколько мне известно, ничем, — начал доклад я. — Сам Чубайс с того дня, как из завлаба сильно зашарпанного института сделался зампредом исполкома, похоже, подгоняет под высокую должность свою внешность, не расстается со шляпой даже за столом во время обеда. Что касается самого Щелканова, то он чтит все нововведения депутатов-«демократов» и потребляет в

значительных количествах вино, которое почему-то именует «сухарем», а тару «патроном». В промежутке между этими делами он продолжает подбирать кадры по одному ему ведомому принципу. Так, Щелканов предполагает, — продолжал я излагать, — портфель главы культуры города дать поносить очаровательному, живому, необыкновенно деятельному чиновнику из Петрозаводска, завсегдатаю тамошних театральных кулис и куратору всех заезжих кордебалетов, невзирая на то, что личные цели переезда в Ленинград этого «обаяшки», очевидно, не совпадают с чаяниями и проблемами наших, пока еще известных театров и других, уже дышащих на ладан, очагов культуры.

Далее. У Щелканова затевается какая-то новая должность заместителя по социальной политике. Подозреваю, что в будущем она может быть переименована: «по борьбе с социализмом». Для занятия этой должности рекомендован видный функционер, в прошлом один из самых упорных и последовательных борцов за победу социализма. Таким образом, исходя из здесь услышанной от Собчака теории, вполне возможно, что врагов частной собственности и противников ограбления жителей нашего города зарождающимся демокапиталом будет преследовать, к их позору и обиде, свой же товарищ по партии. А его добровольный, без какого-либо принуждения переход на сторону врага будет являть собой наглядный пример легкого предательства, свидетельствующий о неверии в пропагандируемые оппозицией идеалы. Судя по всему, есть все основания полагать, что эта кандидатура будет одобрена большинством депутатов.

— Скажи, пожалуйста, какие разумные и дальновидные люди, — пробормотал Собчак, постукивая пустой рюмкой по ополовиненной бутылке и явно недоумевая, говорю я это всерьез или нет.

— Зама по работе со всеми правоохранительными органами уже тоже подобрали, — продолжил я как ни в чем не бывало. — Это отставной судья, преданный делу «демократизации» любой правовой системы и усилению защиты общества от посягательств спешно формируемой новой администрацией организованной преступности. Правда, судя по публичным рассказам его бывшей жены, им помыкает одна дама, пребывающая в пылу окончательного расцвета и возраста, когда женщины еще достаточно привлекательны, чтобы не растерять старые связи, но уже не настолько увлекательны для заведения новых, поэтому в их жизни наступает самая иной раз счастливая пора «сентябрьских хризантем», и они отдаются с душой только интригам. Если эту кандидатуру депутаты одобрят, то упомянутая дама, благодаря своему превосходству над тем, кем помыкает, вполне сможет скоро превратиться в яркую гражданку и величественный домашний символ «демократии», правосудия и истины в первой инстанции, который потом будут моделировать на безответных жителях нашего города.

Тут Собчак вновь подозрительно покосился на меня, но, заметив, что я откровенно шучу, разулыбался тоже.

— Идет активный поиск замены начальника ГУВД Вощинина, — уже серьезно продолжал я.

— И что? Есть кандидатуры? — довольно равнодушно спросил «патрон».

— Есть. Первая — депутат России Травников — начальник РУВД Фрунзенского района; вторая — Крамарев из следственного управления ГУВД; и третья, похоже, Робозеров — кандидат наук, преподаватель, в прошлом талантливый сыщик. Все трое полковники милиции, примерно одного возраста.

При упоминании фамилии Крамарева Собчак оторвал глаза от ковыряния вилкой мяса.

— Нет, — поспешил уточнить я, — это не киноактер, сбежавший сперва в Израиль, а затем в Голливуд. Этот еще хуже, хотя и чем-то похож.

«Патрон» шутки не принял и занялся снова мясом, качество и вкус которого оправдали все мои смелые ожидания, поэтому я продолжил разговор, не жуя:

— Чиновники всех рангов, старые и новые, споро создают всякие ассоциации и предприятия, пугая общественное мнение и вызывая зависть у депутатов своим меркантильным возбуждением. Особенно отличаются синдикалистским пылом все имеющие отношение к разбазариванию государственного имущества.

— Куда же смотрит Щелканов? — «патрон» плеснул в рюмку еще немного коньяка.

— Как куда? — переспросил я. — Надо думать, вперед, в «светлое рыночное будущее», как и свежерожденные новобранцы-коммерсанты, активно выступающие за преследование вчерашних правителей и демонстрирующие твердую решимость отвергнуть подоходный и все другие налоги хотя бы на воистину золотое время разграбления страны, вплоть до ее выбрасывания на мировой рынок недвижимости в виде большого, но уже не огосударствленного, а как бы ничейного куска, который вызовет на этом рынке, бесспорно, сильный общий переполох, как в незабвенный период скупки Африки. А местные ребята-коммерсанты к тому времени будут уже с деньгами, умыкнутыми у своего же бывшего государства. (Вот и станут некоторые из них действительными владельцами своей бывшей страны и ее народа, за что здесь перед подачей мяса, как я уразумел, меня и агитировал «патрон». — Ю.Ш.)

— Кроме этого, полное незнание Чубайсом и его командой практической экономики позволяет надеяться на расширение всех видов спекуляций, быстрое разграбление банковских государственных ресурсов и большое оживление в жульнических делах. Демгазетки типа «Смены», живущие скандалами, уже ликуют от воровского ажиотажа, дутых спекуляций и всяких махинаций. А Чубайса все хвалят за то, что он не якшается с опасными для разного рода аферистов союзными структурами и людьми, наделенными сознанием государственной ответственности. Молодец парень! Далеко пойдет! — закончил я.

— Из какого слоя Щелканов рекрутирует себе аппарат? — не давал мне Собчак уйти от, видимо, занимавшей его темы.

— Если судить по тем, кто нам уже известен, то это просто разный сброд — знакомые знакомых без какого-либо общего профессионального знаменателя, но в большинстве своем мучимые комплексом политической неполноценности и мечтающие о чинах и званиях. Поэтому подобные люди не смогут критически взирать на плачевность результатов собственной деятельности и ничто не заставит их свернуть с упрямого продолжения объявленной ими разрушительной реформации, если они ее всерьез начнут, состязаясь меж собой в способах насилия над народом. И нельзя уже будет ничего поделать, взывая к их разуму, ибо управляться они будут лишь ориентирами собственной выгоды да страстями.

— Ну это уже слишком, — заметил Собчак. — Как это не свернуть? Да используя такие «демократические» факторы, как свобода вообще и свобода слова в частности, можно легко установить невменяемость и неспособность любого руководителя по его делам.

— Полагаю, подобное вряд ли будет возможным, — мягко перебил его я. — Ибо безумие и бред при управлении государственными делами официально зафиксировать практически невозможно. Что касается свободы как таковой, то если она внедряется насильно, как сейчас, это и есть обычный террор. Только на этот раз «демократический», который выражается в свободе сильного творить беззаконие над слабым. В кого, например, тыкнет пальцем Собчак, тот враз без права защиты окажется виноватым, ибо при всеобщей суверенизации и такой свободе, о странных формах которой повсюду говорится, этому без вины виноватому в итоге негде будет даже обжаловать решение пальца Собчака.

— Вот и отлично, — оживился «патрон».

— Возможно, и отлично, если относительно Собчака. Ну, а если против? Тогда мишурой о свободе слова уже не помочь, ибо, когда разные стаи волков грызутся, то каждая упорно будет считать именно свои клыки священными и пытаться доказать это лишь итоговым количеством порванных глоток противников, — стал я сворачивать разговор, видя, что он почему-то не нравится «патрону».

— Кстати, — чуть помолчав, спросил Собчак, — а чем кончилась проверка, которую затеяли эти депутаты-крикуны по результатам выборов меня в Ленсовет?

— Да пустяки! — с удовольствием переключился я. — Простое зондирование на устойчивость. Правда, говорят, они обнаружили какие-то бюллетени избирателей, проголосовавших за Собчака, но, как оказалось, умерших еще до выборов. Если же это действительно так, в чем я лично очень сомневаюсь, и за Собчака, выходит, проголосовали покойники, то такой популярностью можно лишь гордиться. О подобной редчайшей известности даже в загробном мире, думаю, нелишне заявить с любой трибуны, — пошутил я.

«Патрон» озарился стоимостью нового словесного пассажа и с воодушевлением резюмировал банальность о том, что мир верит только успеху. Это доказывается даже при помощи голосов покойников. И поэтому, подчеркнул он, главным является лишь конечная цель, во имя которой идет борьба. Отсюда следует, что всякие побочные дела по пути к этой цели, в принципе, являются пустой тратой времени.

Я опять перебил, поинтересовавшись, правильно ли понял, что если путь, по которому, например, идет мужчина с женщиной, не ведет в постель, то все разговоры по дороге считаются пустой тратой времени? Так, что ли? Опять пресловутое «цель оправдывает средства»?

Собчак на эту шутку ограничился замечанием по поводу полного раскардаша в моей голове. Однако мне было уже не уняться, поэтому я вновь спросил о главной конечной цели, во имя которой, не выбирая средств, готов воевать он сам.

«Патрон» устало взглянул на меня, словно на студента, которому несносный профессор вынужден втолковывать азы:

— Успех ведь может быть и личным. Скажем, стать безгранично богатым. А?! Чем не достойная цель? — изрек он и заговорщицки подмигнул.

— Богатым? Но если начинать с нуля, то следует отдавать отчет и знать, за счет чего либо кого, — продолжал недоумевать я. — Как же тогда условности, которые преступать нельзя? Ведь общеизвестно, что капитал, превышающий официальный доход должностного лица, может возникнуть у него лишь по чьему-либо завещанию. В противном случае превышение дохода без завещания во всех странах одинаково называется преступлением, независимо от того, «демократическая» это страна либо «тоталитарная и не цивилизованная».

— Вот именно, «не цивилизованная», — буркнул патрон и посмотрел на часы.

Ему явно становилось скучно.

Ресторан уже покинули многие посетители менее возвышенного и более дешевого образа мыслей, чем у Собчака. Рассчитываясь, я оправдал самые смелые ожидания ставшей вмиг очаровательной администраторши, после чего довез «патрона» и проводил до дверей его квартиры на седьмом этаже. Пожимая мне руку, он вдруг сказал, что я ошибки множу уже промышленным способом (?!).

Город спал. Шаги гулко раздавались по пустым тротуарам.

Глава 15

Картина меняется

…История, как и сама жизнь, складывается не только из блоков событий, но и из цемента подробностей…

…По плодам и узнаете их, — учил Христос.

Часы истории продолжали бить в обстановке всеобщей расхлябанности и бестолкового распихивания никому не известных, но отовсюду рекомендуемых кадров на должности, освободившиеся под мощными ударами депутатских волн.

В описываемое время депутатский слой всех уровней солидаризировался, разве что, своей антикоммунистической оголтелостью, объединяющей их почти всеобщим стремлением к ликвидации шестой статьи Конституции СССР о приоритете КПСС в жизни страны. Тогда еще никому в голову не приходило обозвать прошедшие на «ура» выборы «однопартийными» и самих «избранников народа» — людьми, «рекомендованными исключительно партией», а посему, как часто приходится слышать теперь, «не отвечающими интересам обновления России». Полагаю, что подобный вывод в ту пору был бы просто нелеп, ибо все еще совершенно отчетливо помнили: главным и необходимым условием успеха на выборах для каждого кандидата в депутаты считалась яркость и ярость хуления именно КПСС.

Боялся ли Собчак потерять Богом и депутатами дарованное ему место, причем совершенно без учета личных собчачьих качеств? Поначалу, можно смело сказать, что нет. Он даже в общих чертах предполагал возможность потери им этой пока еще не «хлебной» должности, для чего зарезервировал и длительное время сохранял за собой кресло завкафедрой в университете, получая там постоянно за такую «страховку» четвертушку оклада, и поэтому ничуть не страшился, а порой и без особой нужды безобразно глумился в публичных разглагольствованиях о том, что самый ничтожный его студент, законченный идиот от рождения, нашедший себе пристанище, как это часто в жизни бывало, именно на юридическом факультете, «даст фору сто очков вперед» любому народному избраннику, которых теперь «судьба-злодейка» всучила ему учить уму-разуму, да к тому же почти бесплатно. Подобными публичными оценками умственного и образовательного потенциала «народных избранников» «патрон» успешно концентрировал и объединял «нардепов» в ослепляющей к своей персоне ненависти.

Однако, по мере привыкания «патрона» ко вкусной, обильной, бесплатной пище и другим благам, предполагаемым его должностью, а главное, обозрев захватывающие, развернувшиеся перед ним перспективы неограниченного, не облагаемого никакими налогами личного воровского дохода, притом валютного, не в пример гонораришкам за прижизненные консультации, даваемые прежде за мелкую плату разной публике, сутяжничающей по разделу имущества, или другим незначительным подачкам от разных подозрительных кооперативчиков, Собчак в травле депутатов стал более осмотрителен и боязлив.

Накал обличения вскоре пошел на убыль, а собчачье сердце, наоборот, наполнялось пламенной любовью к подаренному судьбой чину, и порой уже начинал сковывать настоящий страх за его утрату, поэтому Собчак стал частенько заикаться о тяжести возложенной на него депутатами ноши и готовности тут же сложить свои полномочия, «ежели того захочет народ». Такой словесный блудливый каламбур был верным признаком желания закрепиться на стуле у стола с портфелем, ибо «патрон» великолепно понимал всю правовую беспомощность оформить это «народное хотение».

Истины ради следует заметить: Собчак вовсе не рвался возглавить именно законодательную или, как он сам стал именовать, «представительную» власть. Он прекрасно и быстро уразумел: для извлечения личного дохода нужно добраться до права распоряжаться городской собственностью, а это в руках лишь исполнительной власти. Вот почему схватка с Щелкановым из легкой презрительной неприязни профессора к грузчику быстро вступила в непримиримую фазу скорейшего накопления арсенала разрушительных аргументов для генерального сражения. Каждую минуту в ход могли пойти все без разбора средства, а раскладка сил представлялась явно не в пользу «патрона», так как подавляющему большинству депутатского корпуса, бесспорно, был милее Щелканов. Собчак это хорошо сознавал, но исправить положение изнутри не мог, поэтому на повестку дня вставала подготовка операции по обращению за помощью и поддержкой к населению. «Патрон» разговоры со мной часто стал сводить к обсуждению различных вариантов организации этой операции, тем самым, вероятно, прощупывая искренность моего отношения к нему и способность осуществить замышляемое. Я тогда еще не догадывался об истинных мотивах, побудивших Собчака использовать население города для достижения своекорыстных целей, и поэтому после серии душещипательных наставлений направил свою не требующую практического восстановления работоспособность на подготовку проведения всех нужных для этой операции мероприятий.

Как-то перед обедом через приемную навстречу помощнику гордо прошагал соплеменник потомков «рыцаря в тигровой шкуре». Он был в рубашке без пиджака вкупе с истертой жизнью шевелюрой. Вежливо, насколько позволяло ему происхождение, этот кавказец поинтересовался, где он может видеть Собчака. В последнее время с большим трудом удалось притушить вспыхнувшую деммоду походя забредать кому не лень и просто так покалякать к «патрону». Ходоков стали потихоньку рассеивать, поэтому я, с некоторым удивлением воззрившись на визитера, поинтересовался целью его незапланированной явки. Ничуть не смущаясь, он, наполненный до краев превосходной спесью, громко разъяснил мне, что является не только бывшим коллегой Собчака по университету, но и приятелем, к которому его привело сугубо личное дело. Настырность горца была более чем достаточной для необходимости доложить. «Патрон» этого соискателя встречи действительно прекрасно знал по спорткафедре, к услугам которой постоянно прибегал, бесплатно добывая себе различный спортинвентарь, однако выслушать просьбу бывшего университетского собрата категорически отказался, заявив, чем несколько удивил меня, что «новые времена требуют замены старых приятелей». После чего указал мне «гнать прежнего сослуживца в шею».

Выйдя в приемную, пришлось сдержанно объяснить гостю, что Собчак, к сожалению, занят и принять его сегодня не сможет. «Соратник» «патрона» по университету мне не поверил и несколько раз переспросил, действительно ли знает Собчак, кто именно находится в приемной. Я утвердительно кивнул. Тогда у него поползли вверх пушистые гусеницы южных бровей и началось что-то, схожее с нервным коллапсом. Видимо, для собственной устойчивости, а может, чтобы я не сбежал, он поймал меня за пуговицу пиджака и, напирая грудью, словно пьяный матрос на ворота порта, стал, брызгая слюной, сбивчиво объяснять, что на самом деле представляет собой, по мнению университетской общественности, Собчак, который, если ему что-то было нужно, даже по мелочи, всегда готов был сколь угодно долго унижаться перед любым, лишь бы добиться своего. При этом, однако, он всегда забывал возвращать долги. В общем, расписанные им личные качества «патрона» могли смело украсить портрет не слишком авторитетного завсегдатая тюремных нар.

Помятуя об университетских нравах и зная, что моего собеседника привел к Собчаку личный, я бы сказал, меркантильный интерес, можно было без оговорок оставить высказанную им оценку «патрона» на совести разгорячившегося лица кавказской национальности, но, дабы пресечь дискредитирующие Собчака разговоры, следовало хотя бы попытаться ему помочь, что я тут же и сделал. Видя мое участие и поэтому чуть успокоившись, «приятель» Собчака, уходя, все равно сверкнул темными глазами, вслух пообещав присутствующим уничтожить «патрона» при первой же возможности, как он выразился, «за подлость». Мне подумалось: если таких желающих найдется хотя бы с десяток, то осуществление высказанного сгоряча обещания могло оказаться вполне реальным делом. Это подозрение подтвердил через пару дней сам автор угрозы, возможно, не удовлетворенный оказанным мною вниманием, а скорее всего, вновь приведенный под своды дворца затаенной личной обидой. Он, словно жених после свадьбы, одуревший от ожидания ночи, наскочил из-за колонны на случайно проходящего через ротонду Собчака и стал тут же дерзко требовать удовлетворить свою просьбу. Хорошо, что эта сцена закончилась не в духе встречи Кирова с террористом Николаевым. «Патрон» почти пустился наутек и юркнул в кабинет, вход в который преследователю преградили помощники.

После этого случая Собчак принялся усиленно заговаривать о поиске средств для содержания телохранителей. Мы аккуратно обговорили этот вопрос с генералом Курковым, пока еще начальником УКГБ. Он оценил услуги своей службы в 60 тысяч рублей годовых, но депутаты на проходящей сессии наотрез отказались субсидировать для защиты Собчака требуемую Курковым сумму. Впоследствии еще после нескольких аналогичных инцидентов и «товарищеских встреч», выработавших у «патрона» привычку постоянно опасливо, по-воровски озираться, на помощь пришел Б. Ельцин, отрядивший из своей охраны бойцов числом, в несколько раз превышающим количество телохранителей бывшего члена Политбюро Романова, приснопамятного своими, как всем казалось, сногсшибательными привилегиями.

На этапе перехода страны из одних рук в другие, при торжестве повального безумия, пропаганда человеконенавистнических «демократических» идеек уже вовсю бушевала даже на районных депутатских слетах. Среди разных выплеснутых на поверхность, а потому видимых всем пороков и искренних заблуждений лишь свою убежденность в необходимости продолжать начатое дело разрушения и разграбления страны «демократы» и прочие отпочкованные ими «реформаторы» сохраняли в полной неприкосновенности. К ней они стремились не прикасаться, дабы не подвергать правильность грабежа даже сомнению. Возбуждаемые взмахами крыльев быстро летящего времени, они продолжали бездумно громить все на своем пути к какому-то «рынку». Осмысление будущего методом использования даже элементарных знаний и накопленного человечеством опыта было признано всеми «реформистами» самым ненадежным средством для строительства «светлого завтра» и потому без всякого сожаления отброшено. «Демократы» решили: народ нужно не просвещать и подготавливать к грядущим переменам, а просто «освобождать», поэтому демпресса, задыхаясь, наперебой стала убеждать, что люди окажутся вмиг счастливыми, как только получат возможность свободно и постоянно испытывать страх за завтрашний день. При этом все, кто во что горазд, экспериментировали над жителями города, тем самым внося свою персональную лепту в чинимые измывательства и обман околпаченных избирателей. Именно тогда кто-то выдумал расхожий лозунг, что будто бы наша страна очень нуждается и «радикальных реформах», только в каких конкретно — никто не говорил.

В итоге жизнь большинства населения оказалась более чем жестокой, ибо народные избранники, как они сами пояснили, пытались улучшать ее во имя какого-то, схожего с навязчивой идеей, «прогресса» за счет реформирования созданных ими же ужасающих неурядиц, хотя любому было ясно, что организованный «демократами» беспорядок не может способствовать вообще никакому прогрессу, так как нет страшнее врага для него, чем сам беспорядок. Демгазетки предлагали наперебой поддерживать в народе возбуждение, которое, по мнению демпропагандистов, должно было сильно ослабить правительство СССР. Причину же самой начавшейся разрухи и обнищания рекомендовалось валить на партию, чем добиваться ее полной дискредитации в глазах озлоблявшегося населения. В «демократиках» поражала одна свойственная почти всем им черта: стоило только любому из них «выйти в люди» и получить депутатский мандат, как человек тут же начисто забывал о своих обещаниях вместе с желанием подавляющего большинства избирателей не расставаться с социализмом и смело, но без шума бросался в строительство неведомого никому, а потому чуждого всем первобытного капитализма. Было понятно, что без общего дирижера подобные метаморфозы происходить не могут.

«Реформаторы» восторженно любовались производимыми ими разрушениями и собственным невежеством. Правда, все разрушалось не так быстро, как они того хотели, ибо средства защиты страны были колоссальны.

Собчак блаженствовал в безнаказанной несправедливости и продолжал отдавать на службу «реформации» всю убедительную яркость и пылкость своих речей, подбадривая себя результатами этой деятельности по уродованию города и искажению умов. Проворству и предприимчивости его в этом направлении уже никто не мог помешать. Народ же, словно по заданной программе, становился все более безучастен и пассивен.

Управление городским хозяйством разваливалось на глазах, как разъедаемая кислотой ткань. Новая районная администрация полностью игнорировала команды и приказы городских организаций, так как исполнять их еще не умела. Вот почему ярко вспыхнула кем-то подброшенная в этот пожар идея самостийности, и районы вдруг разом захотели отделиться от города (?!). Из Кронштадта доходили упорные слухи про группу депутатов, выдвигавших требование об организации там вольной территории на манер Сейшельских Островов и обязательном выводе всех советских войск, которые, видите ли, «будут вредить дальнейшему укреплению независимости» вольных островитян и поэтому станут рассматриваться ими в некотором смысле как оккупационные (?!). Кронштадтского депутата, который донес это известие Собчаку, «патрон», словно психиатр, долго и пристально разглядывал в упор, явно подозревая, что тот не в себе.

Вместо подготовки к зиме и организации других важных и нужных жителям района дел, местные власти увлеклись разным псевдоэкономическим блудом. Районы стали, словно опарышами, кишеть всякими невесть кем и для чего придуманными «обществами», «ассоциациями», «концернами» и другими сомнительными новообразованиями. Чиновники районных администраций жгуче возжелали извлекать прибыль из каждого участника этой бестоварной ярмарки тщеславия.

Складывалась довольно парадоксальная ситуация. Прежде, чем отделиться от города, районы решили сперва объединиться для выработки совместного текста ультиматума городским властям. Стало известно, что руководители районных администраций собираются по субботам вместе, обсуждают задачи по самоизоляции, где делятся уже накопленным опытом и планами по заражению всех бациллами вольнодумства с целью быстрейшего инициирования вспышки эпидемии сепаратистских настроений масс.

«Патрон» мало интересовался происходящим в районах, не желал знаться с «райбунтарями», посмеивался и старался не обращать на них никакого внимания. Он почему-то абсолютно уверовал, что в случае чего быстро укротит там очередное сумасходство при помощи сокращения числа самих районов в городе либо их переименования. Идея разных переименований всего, с чем не справлялись, была очень модной, но кто подсунул Собчаку еще и затею с ликвидацией некоторых районов — ума не приложу. Весь этот комплект «смелых замыслов» тоже попахивал клиникой.

Я же решил, что ежели стихийно возникшее субботнее брожение районных единомышленников ввести в спокойное русло регулярных встреч с Собчаком, то атаманский угар елочных есаулов может пойти на убыль, после чего они запросто смогли бы заняться делами, действительно необходимыми населению районов. Но прежде, чем предложить это Собчаку, нужно было самому побывать хоть на одном «субботнике» этих райвожаков.

Спустя неделю первый же посещенный «сходняк» главарей районных Советов и администраций произвел на меня неизгладимое впечатление. Я долго не мог отделаться от ощущения, что смысл и тексты большинства услышанных там речей могли бы сильно огорчить, скажем, врачей психбольницы имени Скворцова-Степанова.

В большом актовом зале одного из районных исполкомов собралось около сорока человек. Быстро наметилась очередь выступающих, куда, похоже, вошли все присутствующие. И понеслось… Каждый оратор начинал свою речь с приоритетного поименного приветствия собравшихся и ругани всех вместе за нерешительность и разные неясные огрехи. Трибуна постоянно оглашалась призывами к свершениям, обещаниями побед и подбадривающими рекомендациями, как быстрее и сильнее разбогатеть. Из их выступлений следовало, что минутные вожди всех мастей были окружены, словно мед мухами, неслыханными ранее всевозможными искушениями и изнурительным соблазном. У нескольких заговорщиков имелись довольно большие бороды, которые, когда они с жаром говорили, гневно сотрясались, как пустой мешок из-под овса, надетый на морду голодной лошади.

Все наперебой предлагали новые, доселе никому не известные формы и образы правления, при этом утверждая, что действуют от имени народа. Однако, по легко угадываемым разрушительным последствиям их предложений было похоже, что население об этом не знало, но верило им, а посему допускало углубление общего «котлована» под строительство «светлого здания» будущих обещанных всем преобразований.

Каждый участник этого «слета» на свой лад прославлял задачу преобразования районов в плутократические территории, где под видом «демократического правления» стал бы безнадзорно и бесконтрольно праздновать победу и господствовать освобожденный от гнета законов жулик средней руки. Подобной или близкой к ней точкой зрения был зачат развешанный впоследствии пред взором уже ограбленного народа будущий лозунг о том, что «нужны не единицы-миллионеры, а миллионы собственников».

Все речи заканчивались среди полного невнимания, но под бурные аплодисменты. Многие публично с трибуны признавались в каких-то денежных поборах, сильно смахивающих по технике исполнения на обычные вульгарные взятки, несмотря на заверение о необходимости получения их исключительно ради нужд района. Какой-то маленький, близорукий, взъерошенный оратор с неожиданным гневным пафосом заявил, что сами по себе небольшие размеры этих поборов лишают их получателей всякого оправдания, ибо брать нужно как можно больше. После этого он с мужеством, даваемым близорукостью, спокойно перенес презрительные взгляды из партера. Ему почему-то совсем не аплодировали. К этому следовало бы добавить, что «слуги народа» районного уровня вовсе не так уж обогащались, как принято считать сейчас. После ликвидации советского центра по распределению привилегий каждый новый чиновник стал хапать ровно столько, сколько мог, но, будучи ограничен грабительством других, себе подобных, естественно, был не в состоянии добиться относительно высокого уровня дохода при такой жесткой конкуренции, чем, видимо, и объясняется районная строгость нравственных тарифов по сравнению с городскими аналогами.

К концу этого искреннего «шоу» какой-то пожилой меланхолического вида блаженный, вероятно, заподозрив во мне, скромно сидящем в уголке зала, антидемократического шпиона, стал привязываться с требованием представиться, после чего я, к удивлению меня узнавших, также вынужден был выступить со скрытыми пожеланиями скорейшего выздоровления всем присутствующим.

На следующий день я уже смело звал Собчака посетить в очередную субботу место, где собирается эта «высокочтимая» публика, огорчившая меня своими призывами к развитию разнообразных пороков в районном масштабе и расшатыванию последних, чудом уцелевших устоев государственности. На мой взгляд, подобные встречи «патрона» нужно было сделать регулярными, дабы удержать районных «реформаторов» в рамках всеобщей адаптации. Собчак со мной согласился и дал задание подготовиться к их очередной сходке, которая была намечена на ближайшую субботу.

Утром в день первой намеченной встречи, о чем заблаговременно были предупреждены районные «робеспьеры», в приемной замельтешил Анатолий Моргунов. Мы с ним шапочно знались давно. Этот тележурналист с лицом Бабы-Яги бальзаковского возраста был чем-то неуловимым определенно симпатичен. Если не ошибаюсь, то именно с его непосредственным участием родилась довольно популярная городская информационная программа «Телекурьер», где он стал бессменным ведущим. Его программа, как и любая другая, имея свой, отведенный ей вниманием зрителей срок жизни, постепенно состарилась, но зато сделала Толю узнаваемым повсюду.

Послонявшись молча вокруг разных посетителей, топтавшихся в приемной в этот субботний нерабочий день, и, видимо, сориентировавшись в обстановке, Моргунов с решимостью литерного поезда попытался проскочить в кабинет «патрона», пристроившись в кильватер к приехавшему не знаю зачем Георгию Хиже. После неудавшейся попытки проникновения тележурналисту пришлось поведать мне о цели своего визита. Постоянно хватаясь за свои и так не собиравшиеся падать большие роговые очки, он рассказал, что какой-то предприимчивый человек, совладелец антикварного магазина, или даже двух, собирается поделиться собственным коммерческим успехом и подарить Собчаку очень дорогую картину. Что касается самого Моргунова, то он хочет запечатлеть для сведения горожан этот «исторический» момент дарения.

Я расспросил Моргунова о дарителе, сильно усомнившись, что глава города захочет принять дорогой подарок, да еще публично, из не известно чьих рук. На высказанное мною сомнение Моргунов, имея в виду «патрона», с подозрительной уверенностью заявил, что я плохо разбираюсь в людях. После чего стал настаивать на быстрейшем докладе об этом Собчаку, так как сам даритель картины с подрамником, оказывается, уже давно ждет своего часа у спуска к воде на стрелке Васильевского острова — фоне, который, по мнению тележурналиста, будет очень выгодно оттенять на экране сие «эпохальное» событие. Выходило, что «невеста» уже на выданье. Осталось лишь вне графика и срочно уговорить «графа Оболенского», как не совсем к месту пошутил Моргунов. Мое пояснение, что у Собчака должна сейчас состояться очень важная встреча с главами районов, Толя слушать не стал и опять предпринял попытку ворваться в кабинет. Пришлось доложить о нем Собчаку, ничуть не сомневаясь в отказе. «Патрон», узнав про картину, к моему изумлению, сразу безоговорочно согласился принять дар в любом месте от кого угодно и даже вместо намеченной встречи. При этом очень заторопился, чтобы не упустить дарителя. Присутствовавший здесь же мой коллега Валерий Павлов чуть не потерял дар речи от расторопной готовности Собчака стать публичным объектом для дарения неизвестно чего, от кого и за что.

К спуску мы подъехали на тогда еще неприметной белой «Волге» со специально не запоминающимися государственными номерами. Нева серебристой от ветра грудью, как и в старые времена, напирала на стрелку острова, стремительно растекаясь на два рукава и наглядно доказывая, что в одну и ту же воду реки дважды вступить нельзя. Внизу у самой кромки диабазовой площадки стояла в подрамнике приличных размеров картина с изображением морской закатной глади на старинном фоне нашего города.

Я слабо разбираюсь в живописи и зачастую ориентируюсь простым визуальным восприятием, а тем более не знаю рыночной стоимости картин, поэтому с интересом выслушал встретившего Собчака дарителя, который назвался Ильей Трабером и был представлен Моргуновым как большой знаток цен всех без исключения произведений искусств. То, что это «спец» по антикварной части, вполне доказывалось его обликом — короткой борцовской стрижкой и роскошным, входящим в деловую моду двубортным костюмом с дорогими валютными туфлями. Сам его вид, как потом оказалось, произвел на «патрона» неприятное впечатление, полагаю, по причине отсутствия в ту пору у него самого подобного костюма и таких же штиблет, но картина привела его в трудно скрываемый восторг. Собчак тихонько, не для микрофона Моргунова, даже поинтересовался у дарителя, сколько она может стоить, если решить ее продать. Антиквар, потупив иглы пламенеющих глаз, объяснил «патрону», что сто тысяч ему не представляются большими деньгами (это была середина 1990 года), а потому дарит он ее «от чистого сердца». Говоря это, «даритель» больше смотрел в телекамеру, чем на Собчака. Сцена на стрелке, в общем, получилась натянутой, даже с учетом радости немногочисленных зевак, случайно попавших в кадр. Подаренную картину в машину уложил сам «антиквар», но подрамник почему-то оставил себе.

Собчак тут же сделал вид, что потерял интерес к происходящему. Когда мы прощались, счастливое лицо было только у Моргунова. По дороге «патрон» не проронил ни слова, сидел в машине нахохлившись, сбоку разглядывая подарок. Я попытался у него выяснить адрес стены, которую он собирается украсить. Видя его нерешительность высказать сокровенное, я стал мягко уверять в целесообразности, с учетом публичного принятия этого дара, повесить картину где-нибудь в Мариинском дворце. «Хотя бы на первое время», — пришлось уточнить мне, заметив, как он хмурится. Так и не выказав желания, «патрон» приказным тоном буркнул подобрать ей место в своем кабинете.

Тут уместно напомнить, что над его письменным столом во всю кабинетную ширь, чуть выше задрапированной золотистым штофом потайной двери, дающей возможность исчезнуть из здания в любой момент, висела огромная картина, изображавшая

Ленина, шагавшего по набережной бурной Невы на фоне Петропавловской крепости, которая, с точки зрения художника, видимо, олицетворяла оплот царизма. Когда Собчак вдруг стал беспартийным, он велел немедленно Ленина убрать. Я пригласил в кабинет директора Русского музея Гусева, который долго ерошил свою густопсовую бороду, соображая, чем из запасников вверенного ему музея он сможет заменить вождя, дабы закрыть на стене большое невыгоревшее пятно. Кроме этого, над старинным камином в приемной тоже висел полноростовый ленинский портрет, который стал невероятно раздражать порвавшего с прошлым перелицованного Собчака. Он потребовал заменить и его. Не знаю уж, по какой причине, но место этого портрета так и осталось впоследствии пустым.

Подаренную картину я решил водрузить над беломраморной плитой кабинетного камина, полагая, что там ее свободно смогут обнаружить все, кто заинтересуется продолжением виденной по телевидению трогательной сцены дарения. Изображенный на картине закат будет прекрасно, как мне казалось, сочетаться с обитой желтой тканью стеной. Кроме того, после привыкания к месту нахождения этой картины всех усомнившихся в порядочности «патрона», у него оставалась зарезервированной возможность, используя потайную дверь, найти подарку другое, более подходящее, на его взгляд, место. Это было сразу оценено Собчаком, когда на следующий день, войдя в кабинет, он скользнул глазами по стенам и, найдя картину для себя не потерянной, удовлетворенно улыбнулся, не заметив моего внимания… Теперь в его новой квартире подобных подлинников, надо полагать, множество.

Главы же районных Советов в тот день Собчака прождали напрасно, немало, наверное, удивившись во время очередного просмотра «Телекурьера» его «выступлению» на стрелке вместо обещанной встречи с ними.

Глава 16

«Труп врага всегда хорошо пахнет»

…И даже один порок у сидящего на троне всегда гораздо опасней всех пороков простых людей, вместе взятых…

Собчак сильно разобиделся на депутатов, не захотевших заплатить даже 60 тысяч рублей из городской казны за его безопасность, давших тем самым понять, что жизнь «патрона» они ценят гораздо дешевле. А после того, как однажды прямо в подъезде своего дома Собчак наткнулся на какого-то, вероятно, наиболее дальновидного избирателя, поджидавшего его для «откровенной» беседы с обрезком водопроводной трубы в руке, «патрон» решил вооружаться сам.

Мне стоило большого труда убедить Собчака не носить с собой пистолет, доказывая, что применение оружия, да еще неумелое, все равно исключено по соображениям нежелательности случайного убийства очередного соискателя личной встречи. Однако, жена «патрона» продолжала сильно и перманентно драматизировать обстановку, вдруг, ни с того ни с сего, уверовав, что и на нее все хотят напасть. Поэтому пришлось для временного успокоения обоих подарить каждому по газовому баллончику и предложить иногда использовать как личную охрану специально подобранных офицеров-десантников из военного Института физкультуры. При этом я ломал голову, раздумывая, как же со стороны будет выглядеть в кругу внушительных телохранителей еще пока любимый всеми Собчак. Ибо мне казалось, что защищать его от избирателей еще рановато, хотя встречаться с ними, как я видел, он уже не желал.

Давление жены становилось все более истеричным, поэтому в один из вечеров «патрон» сам решил посмотреть на этих «профи» из институтского Центра рукопашного боя, возглавляемого офицером ВДВ Павлом Закревским, которому я заранее сообщил время нашего приезда и порекомендовал подготовить небольшую программу, на жаргоне десантников — «показуху», а заодно свежие веники с паром в тамошней бане.

К слову сказать, Собчак повадился париться в разных так называемых «эксклюзивных» банях после того, как его крепко напугал профессор Кулик, к которому мы с Валерием Павловым обратились, чтобы он, будучи специалистом в области болезней сердца, осмотрел «патрона».

Чуть отвлекаясь, замечу: этот эскулап сам появился в Мариинском дворце и решительно остановил шагавшего по коридору Собчака. Тогда это было еще возможно, ибо все демонстрировали пламенный «демократизм», полагая, что только в подобной доступности он весь и должен заключаться. Профессор-кардиолог, бегло представившись, пытался походя поведать «патрону» о своем знакомом, каком-то южнокорейце, «приятеле президента Ро Дэ У» по имени доктор Юнг, который якобы «дает» 300 миллионов долларов на строительство «Центра передовых медицинских технологий» при клинике этого Кулика на Северном проспекте в районе Поклонной горы, где сей профессор уже подобрал площадку, понравившуюся его юго-восточному компаньону.

Такая новомодная и, как правило, не соответствующая основной профессии, но по-кавалерийски лихая бесшабашность громадья частных инициатив уже перестала кого-либо удивлять, поэтому Собчак, отступая к двери своего кабинета, делал вид, что внимательно слушает настырного лекаря, а затем, ловко нырнув в тамбур, мгновенно забыл об авторе проекта, спихнув его на произвол помощников. К чести изобретательного Кулика, такое «гостеприимство» Собчака его вовсе не обескуражило. Полагаю, это была домашняя заготовка, ибо он тут же мне заявил, что внешний вид «патрона» заставляет желать лучшего, и по его, как специалиста, мнению требуется срочное тщательное обследование собчачьего сердца, какое возможно лишь в руководимой им клинике. Сделав такое заявление и понагнав еще какой-то кардиологической жути, доктор, уверенный в продолжении встреч с Собчаком, с достоинством удалился, сунув мне на прощание в руки свою красивую визитную карточку.

В тот же вечер, мысленно аплодируя сообразительности профессора, я с улыбкой доложил о его «открытии» Собчаку. «Патрон» неожиданно переполошился не на шутку и сразу же дал указание срочно договориться обследоваться у Кулика в любое удобное для врача время. На другой день, осматривая «патрона», доктор Кулик сумел не только втолковать ему идеи и пожелания южнокорейца Юнга, но и, учитывая сверхмнительность Собчака, насмерть перепугал своего высокопоставленного пациента вкрадчиво-доходчивым разъяснением результатов обследования, предопределивших необходимость их следующих постоянных встреч и даже будущую нужность операции на сердце. Несмотря на уверения в несложности, этакой «косметичности» хирургического вмешательства, Кулик, видя жажду «патрона» как можно дольше хорошо пожить именно теперь, рекомендовал сделать эту операцию за границей, где она, по его словам, будет стоить пустяки — около 30 тысяч долларов, и более недели в постели Собчака не задержит.

Стало заметно: «патрон» растерялся не только от приговора врача, но и от суммы за спасение, которую тогда достать ему еще было трудновато, поэтому откровенные намеки хитрющего эскулапа о способности доктора Юнга все устроить бесплатно принял благосклонно, так как считал, что не возвращаются лишь самим истраченные деньги да сбежавшие от надоевших мужей жены. А всей своей собственностью Собчак очень дорожил, поэтому тратиться не любил.

После встречи с Куликом идейку доктора Юнга о строительстве медцентра Собчак стал озвучивать со всех трибун, выдавая ее за свой личный вклад в заботу о здоровье населения, этим завлекая все доверчивые развесистые уши возможностью уже в самое ближайшее время воспользоваться услугами новейшего, но, правда, еще не построенного «Центра передовых медицинских технологий» — гордости своей «потемкинской деревни». Впоследствии, так как за границу его всегда тянуло неудержимо, словно заполярного гуся к осеннему перелету, он под эту сурдинку умудрился пару раз смотаться до Сеула и даже вернуться

обратно, оправдывая в глазах общественного мнения свой очередной коммерческий тур необходимостью ускорения окончания строительства того, чего строить еще не начинали.

Теперь часто приходится слышать довольно злобные высказывания о том, что вся деятельность Собчака быстро привела наш город и его население к трагедии. Этот вывод неверен, ибо Собчак, насколько мне стало ясно после многомесячных наблюдений, кроме личной цели разбогатеть, а также реабилитировать свое достоинство от долговременного пресмыкательства и унижений прошлого побирушного бытия, да еще попросту желания отъесться и откормить своих близких родственников за счет завоеванного им в трудной предвыборной борьбе дармового кошта, никогда никаких других задач перед собой не ставил. Ибо, несмотря на публичные заявления, прекрасно сознавал свое неумение, беспомощность, а потому полную неспособность их решать. Отсюда обнищание населения и разруха в городе — это результаты его не деятельности, а, скорее, наоборот, бездеятельности. Своих же личных целей Собчак всегда решительно добивался и поэтому, смею уверить, он не очень понимал, чего от него все хотят и ждут. Относительно обширности и разнообразия своекорыстных интересов и совершенных им воровских дел он уже стал догадываться: в любой другой стране мира за подобные «свершения» можно было легко угодить на виселицу, что на фоне им содеянного могли расценить как большую удачу и даже необычное везение повешенного. Однако в нашей стране ему пока ничего не угрожало.

В зале Центра рукопашного боя полукругом вытянулся строй в разбойно-пятнистой униформе. Из полутемного коридорчика «патрон» своим излюбленным развязным шагом, схожим с походкой пожилой цапли, влетел в ярко освещенное помещение и, словно срезанный пулей, споткнулся о дружный крик: «Здравия желаем!», после которого каждый стоящий в строю боец выхватил из-за спины пустую водочную бутылку и шандарахнул ею себя по башке. Помню, бутылки разлетелись вдребезги, усеяв весь пол битьем, а головы — нет. Собчак аж присел посреди зала и замер, дико озираясь, словно волк, случайно забравшийся вместо овчарни на колокольню сельской церкви в момент, когда грянул звон главного колокольного калибра, зовущий ко всенощной службе. Сперва он не знал, что и говорить, а затем попытался взять себя в руки и своим обычным суконно-пламенным языком решил поведать собравшимся, например, о «путях развития демократии в СССР в сравнении с другими развивающимися странами», но тут же сбился, ощутив нелепость темы и места, однако, быстро очухавшись, простецки попросил впредь беречь стеклотару, нехватку которой город уже ощущал. Офицеры, не обращая внимания на «патрона», принялись по команде крошить друг друга ногами и кулаками, вертясь вокруг него и демонстрируя такой неподдельный драчливый энтузиазм, что мне за Собчака стало неспокойно. Ему с лихвой хватило бы одного случайного удара любого из них, поэтому я решительно выхватил высокого гостя из этой, уже чуть окровавленной, круговерти. Наш уход никто из дерущихся, похоже, не заметил, что свидетельствовало о серьезности намерений участников схватки в этом междусобойчике.

Мы вышли во двор института и направились в противоположный угол обширной территории, к бане. Собчак продолжал сокрушаться по разбитым бутылкам, сожалея о крепости голов.

Ставшие в последнее время довольно частыми походы с «патроном» в баню я ценил и старался не пропускать. Собчак столько не пил, чтобы бывать пьяным, поэтому баня стала единственным местом его психического раскрепощения. Под ударами веников, в клубах пара, сильно ароматизированного припасенными травяными настоями, повседневная несменяемая маска «патрона» растворялась, как болотная ряска, порой обнажая трясину собчачьего сердца. Отсюда ценность любого банного разговора в силу его почти искренности была несоизмеримо выше всей, вместе взятой, изрекаемой им постоянно и повсеместно лжи. Темы после распарки обсуждались всякие: от достоинств отдельных частей тела приглянувшейся ему официантки до эпохи явления «феномена Собчака» современникам и причин почему-то не очень сильно ощущаемой бурной радости человечества по поводу такого всевышнего благоволения. Откровенные и частые подозрения «патрона», что он принадлежит всему человечеству и что его возможная смерть от сердечного недуга, предсказанная хитрым Куликом, может стать катастрофой для населения планеты, Собчака сильно угнетали, а меня забавляли. Но, тем не менее, я решил для успокоения размагнитить «патрона» от куликовских чар при помощи заехавшего в Ленинград и случайно подвернувшегося под руку известного оракула, «мага астрологии» Паши Глобы, которого мне пришлось долго уговаривать заявить в своих очередных телепредсказаниях о будущих «долгих летах» «патрона», для убедительности сославшись, скажем, на «зашедшие друг за друга» близкрутящиеся планеты или еще какие-либо неприятности в созвездии, к примеру, Рака. На следующее утро после вечернего телепророчества Глобы радости Собчака не было предела. Оракульское вранье его необыкновенно воодушевило, поэтому, вместо активизации в работе, он стал сильнее и чаще париться, уже невзирая на учащающийся при этом пульс.

Время, проводимое в банях, зачастую мною использовалось для доведения кругозора «патрона» до необходимого его должности радиуса. В этой связи приходилось, с учетом известного статистического материала, порой делать социально-экономические срезы исторически сложившегося городского потенциала. Надо отметить: Собчак первое время город не то чтобы не знал, он просто был в этом смысле абсолютно стерилен и воспринимал Ленинград только по адресам вузов, где подхалтуривал, да по маршрутам известного ему транспорта, и то в пределах одной, максимум двух трамвайных остановок. Такая «осведомленность» «патрона» о субъекте своего управления меня сильно обескураживала. Почти ежедневно приходилось пожинать плоды этого незнания и его общей, подавляющей разум некомпетентности. Дело в том, что есть такие показатели жизнедеятельности городского организма, которые у главы города должны быть постоянно просто на слуху. Например, ежели известно, что ежедневное хлебопотребление горожан составляет в среднем, скажем, 1000 тонн, то доклад о наличии в запасниках городских складов не более 3000 тонн муки должен вызвать мгновенную тревогу, но не радость от якобы значительного в обывательском понимании запаса. Ну, а сообщение о резком увеличении потребления какого-либо отдельного продукта должно свидетельствовать об опасном нарушении снабженческого пищевого баланса со всеми вытекающими экономическими зависимостями и грядущими последствиями. Все это было для «патрона» «темным лесом», где он порой даже ленился плутать. Отсюда непомерность его самодовольных телевосторгов по поводу, например, поставки в город к какому-нибудь празднику 100 тонн апельсинов. Об этом он с посрамляющей критиков гордостью заявлял, как о блистательном личном вкладе в

продовольственное обеспечение горожан, явно не отдавая себе отчет, что его сообщение о поступлении в продажу всего 100 тонн цитрусовых, скорее, обернется невозможностью их купить. Ибо, даже без учета населяющих область и приезжих, один их килограмм будет приходиться на более чем 50 жителей, то есть человеку с грехом пополам может достаться по трети одной дольки. Поэтому подобное заявление вполне могло вызвать интервенцию магазинов и умерщвление людей при давке в очередях, а посему, вместо восторгов и самовосхваления, от таких публичных выступлений бывало нужно воздерживаться. Вот примерно так был в середине 90-го года инициирован известный ленинградцам табачный бунт, когда, благодаря постоянным неосмысленным публичным выступлениям о трудностях с поставками в город табака, до курильщиков наконец-то дошло, что, в конечном счете, команда, возглавляемая Собчаком, может их полностью оставить без курева. Уразумев это, они рванули по магазинам и в драку расхватали все, попавшее под руку, превратив временный перебой с табаком в его устойчивое отсутствие, чем вызвали резкий скачок цен, на котором кто-то заработал десятки миллионов долларов. Причем именно долларов, ибо массовое недовольство горожан, вылившееся в беспорядки даже на Невском, а также в ряде других мест вокруг табачных магазинов, враз сняло, ввиду срочности и важности проблемы, все разумные контрольные параметры и ограничения с закупочных цен при заключении контрактов на поставку сигарет из-за рубежа, чем тут же воспользовались проконсулы Собчака, которым он эту аферу поручил.

В ту пору я был убежден, что табачный катаклизм возник в городе сам собой или уж, во всяком случае, без участия «патрона». Время указало на мою безграничную наивность и недооценку криминального дара Собчака вкупе с его почти что маниакальной страстью к получению любыми путями личных доходов, не облагаемых налогами по причине таинства их извлечения. Эта афера с табаком была организована и осуществлена безупречно. В анналах уголовных историй она сможет занять достойное место под кодовым названием «Операция дым», причем не только в связи с исчезновением курева в городе, но и с полным отсутствием следов организатора. После резкого роста цены табака, спровоцированного самими же курящими, управляемыми умелым и невидимым дирижером, можно лишь догадываться, кому утекла львиная доля денежной разницы, выуженной из карманов облапошенных курильщиков. Еще нужно добавить, что это дельце с «сигаретными долларами» могло и не выгореть, если бы отечественные производители курева работали хотя бы в околоплановом режиме, поэтому их деятельность, в т. ч. Ленинградской табачной фабрики имени Урицкого, была вовремя умело и полностью парализована.

Как-то в бане Собчак завел разговор о том, что следует ожидать жителям Ленинграда от их «демократизации». Продолжая тему статистического скальпирования социальной среды, я заметил «патрону»: наш город в определенном смысле ветеранский, причем неудержимо стареющий, поэтому пренебрегать заботой о старшем поколении, а тем более вообще не учитывать проблемы пожилых людей, было бы большой ошибкой нового главы Ленсовета. Сокрушаться по поводу преобладания в городе пенсионеров никак не следует. Дай Бог нашим отцам и матерям долгих лет жизни, а нам самим дожить бы до их возраста. Возникновение пожилого социального слоя вполне естественно, а его увеличение объясняется, кроме прочего, престижностью самого Ленинграда и лучшими, в сравнении с другими регионами, условиями доживания тут наших стариков. Их количество постоянно растет также за счет оседания здесь военных и иных заслуженных пенсионеров, которые были вправе выбирать место жительства после окончания государственной службы. Самым же главным фактором устойчивой тенденции старения городского населения явилось сокращение его прироста на фоне пока еще неуклонного увеличения продолжительности самой жизни, что может огорчать, разве лишь, Собчака, который в одиночку прибыл в Ленинград из тмутаракани на манер приснопамятного «товарища Бен дера». Подобное сравнение озарило лицо «патрона» недоброй ухмылкой.

— Так вот, — подытожил я, — уменьшение рождаемости с одновременным возрастанием продолжительности жизни, а также понятной тягой советских ветеранов к оседлости именно в Ленинграде, который многие из них отстояли в годы войны, привело к увеличению среднего возраста его жителей. Поэтому, имея де-факто подобный социально-возрастной состав жителей, разворачивать сколь-нибудь обширную программу предпринимательства и спекуляции всем и вся было бы просто неразумным и губительным для пенсионного большинства населения, стремительное обнищание и вероятность массовой гибели которого будет уже не избежать. Этакая перспектива, как только пенсионеры сообразят, куда их волокут «реформаторы», бесспорно вызовет, возможно, даже открытый протест наших славных стариков — ветеранов войны и труда, блокадников и многих других людей, отдавших все силы стране, а теперь абсолютно беспомощных, но уверенных в незыблемости государственной опеки, коих уже не выучить новым приемам совершенно чуждого им капиталистического способа выживания. И нужно быть отпетым негодяем или же ярким образцом безумия, чтобы замахнуться на жизнь старшего поколения, сделав помойки источником ветеранского пропитания.

Нелишне напомнить, что и сами мы когда-нибудь окажемся пенсионерами.

Еще некоторое время я доказывал патрону разумность управления городом с учетом нужд большинства его жителей, но после того, как распаренный Собчак вдруг обозвал ветеранов Великой войны «красными недобитками», пришлось резко прекратить разговор. Несовместимость наших полюсов и тут была очевидна.

Непрестанно коробит мою память та презрительная кличка, вскользь данная Собчаком всем, кто сражался за Родину, «командовал ротами и умирал на снегу», как, бывало, пели в послевоенные годы фронтовые друзья моих родителей, которые по праздникам сходились в нашей коммуналке, чтобы почтить подвиг советского народа.

Они, тогда еще совсем молодые ребята, в блеске своих боевых наград подолгу сиживали за праздничным столом с нехитрой закуской и со слезами на глазах вспоминали павших в боях да складно пели о пыльных туманных фронтовых дорогах, о синем платочке, о бьющемся в тесной печурке огне, о выходящей на берег Катюше, о дымах-пожарищах, о друзьях-товарищах, о родном городе, растаявшем в предрассветной дымке за кормой корабля, о тех, «кто в Ленинград пробирался болотами, горло сжимая врагу», о майских коротких ночах, когда, отгремев, закончились бои…

Стоя, чокались гранеными стаканами за Родину, пили за Сталина, тост был за Знамя Побед. Мы же, детсадовские пацаны, совсем уже по-взрослому внимали волнению и чувствам своих закаленных в битвах отцов, которые героически дрались на всех фронтах, морях, океанах, в воздухе и в суровых водах Заполярья. За плечами дошедших до Берлина советских солдат остались тысячи километров вымощенных смертью и щедро залитых кровью фронтовых дорог. Защитники Родины с честью выдержали самый главный жизненный экзамен. Они доказали свое превосходство над всем миром и пронесли сквозь всю жизнь накрепко выстраданные и закаленные в военных сражениях Любовь и Преданность своей советской Отчизне. Их жизненный путь, пролегший сквозь горнила Великой Отечественной войны, по праву стал вечным эталоном Доблести, Чести и Патриотизма.

Поэтому банное выражение лица Собчака, замотанного по уши в простыню, постоянно всплывало в моей памяти, когда я слушал по телевидению его очередные врушные разглагольствования о том, как он «ценит» ветеранов и делает все возможное, дабы им помочь. Известное изречение Абуталиба гласит: «Кто выстрелит по прошлому из пистолета, по тому будущее выстрелит из пушки». Важно, чтобы Собчак не смылся из нашей страны раньше того, как все поймут, что он собой представляет.

С каждым новым днем сквозь внешний лоск и импортный глянец медленно, но все более отчетливо проступал на этой разглядываемой мною переводной картинке выпестованный с детства образ врага. Приходилось только сожалеть, что возмездие за содеянное обычно настигает следующие поколения. Таким образом, гадят одни, а платят, как правило, другие.

В тот раз после «показухи» десантуры «патрон» повел себя, словно голодный козел, случайно наткнувшийся на капустную грядку небольших размеров: вмиг стал азартен, конкретен, собран и четок, что обычно наблюдалось за ним лишь при стремлении к корыстной цели. Во всем же остальном, его лично не касавшемся, он никогда не выходил за рамки фотогеничного, лозунгового, прекраснодушного, примитивно-абстрактного популизма с сильно напудренным и неестественно напомаженным, как у привокзальных проституток, лицом, какое он каждый раз делал перед съемкой на телевидении.

В бане нас ждал массажист и большая барокамера, куда Собчак тут же, едва успев раздеться, забрался, начисто запамятовав рекомендации «сердечного» пастыря — доктора Кулика, но помня «прорицание» Глобы. Для страховки мне пришлось лезть туда тоже. «Погружение» в кислород и «всплытие» прошло успешно. После раздраивания люка барокамеры небольшой звон в ушах вновь, вероятно, напомнил «патрону» разбитые бутылки, и он стал опять сокрушаться о таком неслыханном расточительстве. Незатухающая реакция Собчака по поводу битья стеклотары меня стала забавлять. Так переживать мог только человек, считавший, например, подарок простой бутылки дворнику, собирающему мусор на лестнице, чуть ли не подрывом благосостояния собственной семьи.

Бодро войдя в парилку с уже красным после барокамеры носом и в войлочной панаме набекрень, «патрон» тут же завел разговор о необходимости скорейшей ломки системы единого народно-хозяйственного комплекса и перевода всех поголовно предприятий на прямые экономические связи, от которых, как сказал Собчак, будет в восторге большинство трудовых коллективов города и страны.

Эту идейку «патрону» недавно подбросил Георгий Хижа, будущий вице-премьер России. В отличие от Собчака, он прекрасно понимал всю пагубность для промышленности предлагаемой затеи, потому-то и решил использовать равнодушно-бездумный собчачий лоббизм для достижения каких-то своих целей. Хижа успел присмотреться к Собчаку и заметить: американская поговорка «Не пытайся чинить то, что не сломано» «патроном» воспринимается не как любым нормальным человеком, исключающим ковыряние исправно действующего механизма, а, наоборот, рекомендацией все сперва сломать, потом починить (понимай: реформировать). Узрев эту черту собчачьего характера, Хижа действовал наверняка, найдя в «патроне» отзывчивого распространителя и пропагандиста не принадлежавших ему разрушительных идей, но с удовольствием приписывающего себе, как минимум, их соавторство.

Примостившись на самом верхнем полке парилки вместе с замоченными в бадейке вениками, ожидавшими распарки тела «патрона», я молча внимал его восторженно-победоносному монологу о том, как «реформаторы», нанятые развалить нашу страну, фактически с успехом уничтожают сам воздух, которым все, не замечая того, дышат, при этом уверяя, что без воздуха будет всем еще лучше. Но самое удивительное: большинство народа им удалось в этом абсурде убедить.

Да! Воистину неисповедимы дела Твои, Господи! Ведь у нас и восторг легко довести до абсурда. Думаю, только в России могут в согласии жить и сосуществовать авторы программы удушения вместе с теми, кого они собираются душить. Это действительно умом не понять и с аршином бесполезно примеряться. Ведь к чему может привести излагаемая Собчаком ломка хозяйственного механизма, было ясно, не выходя из парилки: сперва вытечет из страны сырьевая и ресурсная кровь, а затем остановится ее индустриальное сердце, и уж потом произойдет разложение единого цельного организма. Чтобы такое понять, родственником А. Гайдара — автора книги о «тимуровцах», быть вовсе не обязательно.

Свое мнение я изложил Собчаку, для доходчивости акцентируя эту точку зрения ударами двух веников по его лоснящейся от пота спине и ниже. Не слушая меня и под напором пара покрякивая, как охотничий утиный манок, «патрон» продолжал строить модель брутального «реформирования» жизни с тотальной невозможностью выжить в ней всех, неспособных пристроиться. Его речь попахивала смрадом идей переустройства России, достойных, разве что, писателя Шикльгрубера, больше известного в истории под фамилией Гитлер, который на фоне сегодняшних «побед демократов» выглядит просто мелким пакостником.

Освободившись из цепких лап массажиста, «патрон» с видом блаженного принялся за горячий грог с разнообразными бутербродами, показывая манерой их съедания, что это был основной продукт питания все долгие академические годы, но не такой изысканный, судя по зачарованному оглядыванию каждого очередного бутерброда с икрой перед отправлением его в рот. Отвалившись наконец от самовара, Собчак перевел общеинформационный разговор в неожиданное для меня русло.

Ко времени, о каком идет речь, у него уже накопилась целая картотека строго индивидуальных врагов. Идея «патрона» сводилась к тому, что неплохо было бы иметь под рукой группу лиц из подобных тем, кто недавно бил о свои головы бутылки в зале, чтобы они занялись «черновой» работой с его врагами. Я опешил и, желая затушевать свою реакцию, из осторожности спросил, как он себе представляет эту «черновую работу».

— Труп врага, как известно, всегда хорошо пахнет и ведет себя очень достойно, — заухмылялся «патрон».

«Палермо какое-то! Начитался где-то о сицилийской мафии», — про себя отметил я, но вслух сказал, что, подписывая, скажем, пятый — седьмой некролог, не исключена возможность стать жертвой статистики собственной результативности в борьбе со своими врагами.

— Зачем же всех хоронить? — вконец размечтался «патрон». — Можно просто по сусалам дать, но профессионально. Многие уже переходили требуемый момент получения.

— Может быть, поискать иные методы воздействия? — отреагировал я полувопросом-полушуткой.

— А какие? Суды в сегодняшнем их виде не годятся — это дьявольский промысел, неповоротливый и в подобных делах практически безрезультативный, что у меня, как юриста, не вызывает сомнений. Кроме того, карать врагов судом — значит, нужно фабриковать обвинение с использованием услуг множества исполнителей, а это само по себе хлопотно и не всегда безопасно. И потом, этот балаган с судейством заставляет терять веру в разумное вообще. Хотя одновременно с работой зубодробильной команды мускулистых помощников можно кое-кого протаскивать и через суд.

— А как же декларируемая всеми и всюду охрана прав личности, пусть даже тех же врагов? — тема становилась для меня занятной.

— Все эти права, приоритеты, их защита законом и тому подобное хороши для фасада власти. Мы же говорим о внутренних помещениях, которые всегда существовали и будут существовать и где во все времена будет царить мрак бесконтрольной хозяйской силы.

— Сильно сказано, — похвалил я.

«Патрон», польщенный, сытно икнул, продолжая обыскивать глазами мою душу, затем тяжело поднялся и отправился опять мучить массажиста полюбившейся ему процедурой.

«Надо не терять из памяти эту фразу, — отметил я про себя. — Интересно, у кого он ее спер?»

Учитывая важность обсуждаемых порою тем, я по горячим следам вел для себя что-то типа дневниковых заметок, благодаря которым легко восстанавливал потом весь разговор в целом почти дословно. Делал я это вполне откровенно и открыто, что никого не смущало, да, пожалуй, и не интересовали мои быстрые чирканья в неразлучном блокноте. Я же все конспектировал вовсе не для будущей книги, мысль написать которую пришла значительно позже, а для анализа и систематизации происходящего вокруг.

После следующего захода в парную, продлевающую, как считал «патрон», активное мужское долголетие, все его истекающее влагой, заляпанное банным листом тело демонстрировало изнеможение, на которое способны разве что трагические артисты хорошей школы, и то лишь к пятому акту. Собчак развалился на топчане, предусмотрительно застланном горячими простынями, и пожелал продолжить, видимо, интересующий его разговор.

Обнаруживая черты внимательного слушателя, я напомнил, что наш «юрист-гуманист» до второго посещения парилки вел разговор об идее создания некоей тергруппы для осуществления карательных мероприятий романтического свойства, объявив эту идейку светочью правового прогресса, обещанного «демократами» народу. «Патрон» выслушал мой каламбур без обычной одобрительной улыбки, поэтому я уже серьезно спросил о том, как же он мыслит прикрывать промахнувшихся исполнителей, без чего, надо полагать, обойтись будет невозможно.

— Ну, во-первых, — начал Собчак, — желательно работать без брака и промахов. Что же касается во-вторых, то мне один из руководителей главразведупра рассказал об их «конторе» в Москве, где нечто подобное давно существует. Вот и тут, в Ленинграде, нужно, лучше под какой-нибудь официальной крышей, скажем, ГУВД или КГБ, создать такое же подразделение, предварительно, конечно, заменив руководство.

«Ничего себе! Дерзновенный планчик по созданию банды!» — хотел я заметить, но смолчал.

— Надежные ребята, — продолжал Собчак фантазировать дальше, — прикрытые погонами и официальным положением, будут исполнять любые приказы своего командира под общей вывеской, скажем, «борьбы с организованной преступностью»…

— Да, — перебил я. — Но подобная группа отсутствием официальных результатов этой борьбы очень скоро бросится в глаза своим же коллегам. Сперва — внешним бездельем, а потом могут раскрутить и дальше, тем более что общий фон преступности, в связи с ухудшающимся экономическим положением в стране, будет стремительно расти. Это нетрудно предположить. И всем придется в поте лица усиливать борьбу с ней, а тут какое-то подразделение безмятежных сотрудничков. Нет! Взмыленные соседи-оперативники не потерпят этого хотя бы из злобной зависти и сразу выяснят, чем те занимаются. Вот тогда, в лучшем

случае — скандал, который может смести с номенклатурного стола, словно хлебные крошки, всех без исключения хозяев и заказчиков. Кроме того, у меня вызывает большие сомнения надежность таких парней, о необходимости которой здесь уже говорилось. Дело в том, что у большинства способных заниматься исполнением подобных… э… приказов, как правило, вместо мозгов желудок, поэтому они станут служить лишь тому, кто их лучше накормит. Это тоже нужно учитывать, не забывая о полной противоправности их предполагаемой деятельности.

Собчак слушал лежа, полузакрыв глаза, потом поднялся с топчана и пересел в глубокое кожаное кресло, которое, приняв его тело, тяжко, по-человечески вздохнуло.

— Ну, во-первых, — повел он своим обычным назидательным тоном пастыря малочисленной секты, — усиление борьбы с преступностью нужно лишь имитировать, и вообще с ней эффективно бороться не следует. Ею нужно пугать население, давая этим понять, что только существующая власть способна защитить всех от ее разгула, и чем сильнее разгул, тем безропотнее будут жаться к властям налогоплательщики.

Я был весь внимание, ибо услышанное было уже нечто принципиально новое. «Патрон» либо перепарился, либо закрадывалось подозрение, что юридические науки он в свое время одолевал лишь по настенным и настольным надписям в университетских аудиториях, а в хранилища первоисточников забегал только по нужде, не говоря уже о моральной стороне его суждений. И если же он действительно без шуток считал уголовный террор гарантом доброго порядка, а также необходимым условием воспитания у населения любви к новой власти, то, несмотря на его докторскую степень, для науки Собчак был, скорее, пациентом, чем ученым. Правда, сам его интерес к теме этого разговора лишний раз доказывал, что искусством выживания, без которого нельзя рассчитывать на успех в любой борьбе, а тем более за высшую власть, Собчак владел в совершенстве. Назвать его посредственностью тут было бы явной нелепостью.

«Патрон» замолк и сделал вид, что задумался. Я также молчал. Способность мыслить по-настоящему — это такой же дар Божий, как, скажем, писать стихи или музыку. Одним дано, другим нет, и пытаться научиться этому дару чрезвычайно сложно. Вот почему многие просто делают вид, что он у них есть.

— Ваша правда! — продолжил Собчак свои построения в не свойственном ему направлении. — Этой группе периодически действительно нужно будет симулировать для отвода глаз свои достижения. Например, эффективный показательный арест какого-нибудь сверхизвестного прохвоста. Прохвост в тюрьме — народ в восторге, и работа налицо.

— Да! Но таких известных мало, и они, надо думать, опытны, умны и осторожны, поэтому вряд ли дадут законный повод для ареста, — возразил я.

— Опять не дотягиваем до уровня понимания задач, — заметил «патрон», с сожалением взглянув на меня как на несвежий кусок говядины. — Главное — чтобы прохвост был, ну а повод всегда найдется!

Это напоминало уже что-то из ежово-бериевских теорий. Я вновь стал присматриваться, не шутит ли он. Ведь, как всем известно из нашей истории, на эту тропинку стоит лишь соскользнуть, а дальше в отлаженную целесообразностью мясорубку произвола полетят головы совершенно невиновной публики. Все это уже у нас было. Меня самого когда-то затянуло в шестерни такой вот трансмиссии слепого к закону и глухого к воплям жертв правового прокурорско-судебного произвола…

— Периодически нужно сажать всех известных преступников, — продолжил «патрон». — Ну, а ежели таковых не окажется, то при помощи прессы создавать новые имена и сажать их.

— А кто же сумеет доказать, что они преступники, или снова обман ради обмана и старый судебный произвол? А как же тогда приоритет права, о котором постоянно всем внушают? — не унимался я.

Тут Собчак начал довольно многосложно рассуждать о потрясающем своей «новизной», почти научном выводе, каковой ему, профессору-юристу, удалось сделать. Смысл им сказанного был примерно таков: если за основу принять постулат о том, что преступления совершают преступники, то как следствие этого «важного» вывода сначала нужно найти человека и назвать его преступником, а уж затем искать сами преступления. Эта «светлая» мысль, воплощенная в жизнь, во-первых, сильно упростит следствие, как таковое; а во-вторых, сведет к минимуму трудности с отправлением закона при судопроизводстве, заменив суд спектаклем в духе средневековых постановщиков из ордена иезуитов, основанного в Париже мелким испанским дворянином Игнатием Лойолой.

Реализацию сего дерзновенного проекта, по мнению Собчака, надо бы совместить с желанием градоначальника карать своих врагов мановением его перста, для чего все правоохранительные органы в городе должны быть полностью в руках главы. Ну, а чтобы судейская и разная прочая прокурорская сволочь никаких вольностей себе не позволяла, необходимо вообще всю эту махину так называемого правосудия подчинить подведомственному лишь городскому голове новоиспеченному комитету, или как он там еще будет именоваться, создание коих уже было запрограммировано в изобилии. В общем, выходило что-то похожее на «демократию закрытого типа» с ответственностью, ограниченной определенным кругом лиц, где хозяин города может карать, кого ему будет угодно, независимо от желания либо нежелания, к примеру, судей.

— А как же закон? — перебил я.

— Запомни! Закон — это право сильного! — подытожил «патрон» с каким-то наркотическим блеском в глазах.

Я-то запомнил, и неплохо. Но кто мог тогда предположить, что этот разговор, к теме которого Собчак больше никогда со мной не возвращался, может быть воплощен в реальность. Мне тогда казалось, что в деле правосудия, столь близком Собчаку как юристу, «демократам» возвратить страну назад, к могильным терриконам отработок жертв прошлого, будет невозможно.

У Собчака за обильной трескотней общих фраз и расхожих выражений зияла бездна. Как могли не видеть это барабанное нутро его университетские коллеги, да еще вдобавок и «серенадить» ему, — вовсе непонятно. Может, такова школа «отжева» всех ученых? И все они схожи? Надо надеяться, что сие маловероятно. Именно по этим причинам я серьезного значения банному разговору не придал, тем паче что и «патрон» пожелал мне не принимать сказанного всерьез. Мне этого также не хотелось. Просматривая через пару дней свой блокнотик, я про себя отметил, что банная задумка Собчака — тонкий лед и ходить по нему опасно…

Спустя некоторое время город захлестнули профессиональные выстрелы в затылки избранных жертв у подъездов их домов, разные взрывы, даже на вокзалах, целенаправленные городские пожары и прочие резонансные нападения. Все это не без оснований наводило меня на подозрение о том, что идея о создании карательно-диверсионной группы, высказанная в тот вечер Собчаком, не была им, как обычно, забыта, даже несмотря на врожденную более чем осторожность, а точнее, трусость вкупе со жгучим презрением к людям, всюду предохраняющим его от потери самообладания.

Глава 17

«Фонд спасения Ленинграда» в Калифорнии

Как только падаль начинает смердеть, к ней со всех сторон сбегаются шакалы…

Названия комитетов, а также других структурных подразделений и заведений городской администрации возникали в пожарном порядке одно за другим, появляясь на свет вместе с авторами этих вывесок, которые не только изобретали само название конторы, но и страстно стремились ее возглавить, тем самым по мере собственных сил поучаствовать в общем разгроме городского хозяйства.

От соискателей государственных постов не было отбоя. Каждый кандидат желал сам себя испытать в любом качестве, вплоть до роли, скажем, хирурга у операционного стола с распластанным пациентом, разумеется, без оговаривания ответственности за результат такой пробы. Поэтому ежели, к примеру, у больного першило в горле, то ему смело вскрывали череп и потом очень удивлялись печальному исходу, видя в этом не иначе, как происки «партаппаратчиков».

Это было воистину безумное время. Ни опыта, ни знаний, ни, в конце концов, пусть даже простой хронологии биографического очертания жизни не востребовалось. Наоборот, те, у кого эти данные были, выглядели в этой массе весьма подозрительно и, как правило, к участию в раздаче должностей не допускались. Возникала уникальная возможность за считаные дни, скажем, из шофера старой полуторки без номерных знаков и с оторванным лет тридцать назад задним бортом, шнырявшей в лабиринтах какого-нибудь заводского двора, превратиться в заместителя, а если пофартит, то и председателя нового городского комитета по транспорту и еще чему-либо. Подобное восхождение зависело только от удачи и личного контакта с большинством «народных избранников», да порой яростно-агрессивной крикливости самого возжелавшего занять высокий пост с правом пользоваться спецбуфетом.

Если известная лестничная площадка была излюбленным местом только депутатов, где в густом дыму беспрерывного перекура формировались мнения фракций, то в коридорах Мариинского дворца — этих дымящихся порочностью переходах и тундре межкабинетных пространств — с раннего утра и до позднего вечера шныряли не только избранные люди. Всюду в закутках, на подоконниках либо лестничных перилах, а то и просто вокруг плевательниц шли своеобразные заседания. Комнат на всех желавших их занять явно не хватало, поэтому в кабинетах находиться считалось неприличным и расценивалось как покушение на всеобщее депутатское равенство. Если же возникала потребность найти какого-то конкретного человека, то, смею уверить, не знающему мест его внекомнатного обитания сделать это было вовсе не просто. К слову сказать, в кабинетах всей этой коридорной публике делать было, в общем-то, и нечего. Им нужен был озираемый каждым, непрерывный людской поток, смахивающий отдаленно на некую биржу идей и мнений, где порой возникали единичные течения-порывы. Даже Собчак иногда поддавался искушению проплыть по этим канавам шепчущихся «заговорщиков», саркастически оценивающих все, что окидывало их око.

Общая фоновая обстановка всюду уже полностью «демократизировалась», ручки пропали даже со сливных бачков унитазов. Целыми днями от раздирающих души сплетен и сплошной трескотни маломощных гениев вперемешку с разобиженными авторами никому не нужных, но, как они считали, очень «актуальных» проектов дрожали стены.

Одно время к «патрону» повадился частить блистательный посланец системы капитала, импозантный и представительный внешне американец Лео Ванстайн, а по-простому Леня Ванштейн, бывший ленинградец. В Америке за много лет скитаний он, очевидно, совсем озяб в нищей толпе соотечественников, поэтому с первыми всполохами зари «демократии» ворвался сюда «погреться» и, исполняя роль расторопного янки, помучить всех своей работоспособностью, не растраченной на Западе по причине ее ненужности, демонстрируя при этом различные американские стандарты — от постоянной широкой улыбки к месту и не к месту, призовой костюмной пары до прикидывания бодрым и здоровым, что он уже давно пережил. Любой случайный разговор он пытался использовать в своей борьбе за личное благополучие. Перемежая свою речь театральным, как и принято иностранцу, акцентом с хроническим «О'кей», Леня убеждал «патрона», что в США знает всех, кого нужно знать в этой стране, якобы известной ему вдоль и поперек, и что кроме как чем-нибудь с пафосом торговать он ничего не умеет.

— Очень ценный кадр! — изрек как-то «патрон», наслушавшись «залетного», и велел его не только пропускать до себя беспрепятственно, но и сам вместе с женой не раз навещал квартиру ванштейновских родственников у метро «Чернышевская», где они подолгу шушукались «тет-а-тет», после чего Леня стал бродить по Мариинскому дворцу с хозяйской приглядкой, являя собой образец верха мыслимого на земле «просперити», а один раз даже отчитал уборщицу за некачественное подметание коридора.

Приняв меня за ближайшего сподвижника Собчака, каким я и был ему представлен, Ванштейн откровенно и довольно толково дал понять, что держатели долларов в Америке никогда не преследовали цель спасения России, а поэтому все привезенные им обширные, словно артиллерийская мишень, предложения не более чем способ прилично заработать ему и Собчаку вместе с теми, кто поможет добиться первой победы, после которой откроются неограниченные кредиты для абсолютно безопасного их разворовывания. Глядя пристально мне в глаза, он в двух словах поведал о жизни на Западе, где, как ему известно, доверчивы только животные, а люди же беспощадны. Намек был мною понят, но выводы, нужные ему, не сделаны.

В паре с Ванштейном прибыл еще один «американец», его компаньон по бедствиям Марк Нейман. В противоположность своему постоянно сияющему, как жар-птица, «подельнику» Марк был вял, обстоятелен, неулыбчив, дотошен, упорен и пунктуален. Имел

несмелый голос нищего без квалификации и места, доходного для попрошайничества, а также серую от седины шевелюру над уклончивыми глазами. Я бы не вспомнил об этом «гастрольном дуэте», если бы случайно не столкнулся с Нейманом в Америке, куда меня некоторое время спустя занесло по служебным делам. За неспешным легким перекусом Марк, чуть покалибровав руками истертое жизнью лицо, порассказал мне о своем житье-бытье, которое сильно поправилось с тех пор, как Собчак предложил ему управлять отделением «Фонда спасения Ленинграда» в Калифорнии, что «патрон» от меня почему-то скрыл. На мой осторожный, а скорее недоуменный вопрос о пользе лично ему, Марку, от этого фонда, он, не сомневаясь, что беседует с доверенным лицом «патрона», поведал о прикарманивании Собчаком почти всех денег, жертвуемых американцами на нужды жителей Ленинграда. Я выразил аккуратные сомнения на сей счет. Нейман же, разгорячившись, стал доказывать, что имеет личные поручения Собчака приобрести на указанное «патроном» имя дом в Лос-Анджелесе и другую недвижимость. Определенный провизион, естественно, перепадает от каждой сделки управителю филиала этого подставного фонда.

В общем, как я понял, теперь у Марка за многие годы скитаний в поисках своей жизненной ниши наконец-то появился постоянный и неплохой кусок хлеба. За него можно было только порадоваться. Что же касалось Собчака, то это была последняя точка над «и» в оценке всей глубины лицемерия, цинизма и беспринципности его «творчества», ибо специально созданный для спасения нашего города фонд, где он, как оказалось, очень предусмотрительно оставил за собой пост президента, являл собой как бы церковную кружку, воровать из которой всегда и повсюду считалось не просто грехом. Из рассказанного Нейманом выходило, что этот фонд со звучным названием, на высокой скорбящей, словно бухенвальдский набат, ноте «СОС» призывавшей к подаянию великому, но якобы «порушенному коммунистами» (это было личной агитационной находкой «патрона») городу-жемчужине в короне всемирных архитектурных ценностей, внаглую использовался Собчаком для своего прикрытия, дабы не схватили за руку при получении личного дохода, не облагаемого налогом, а попросту взятки.

То есть теперь, подписывая очередной документ по распродаже за бесценок недвижимости нашего города либо дающий одностороннюю выгоду иностранному инвестору, Собчак мог легко и непринужденно отказаться от естественно предлагаемой в подобных случаях вульгарной взятки, небрежно предложив утроенную против взятки сумму передать вместо него «Фонду спасения города». Демонстрация такого «рыцарского бескорыстия» не только спасала «патрона» от презрения дающих иностранцев и опасности разоблачения соотечественниками, но и, самое главное, резко увеличивала его доход. Кто мог заподозрить, что фактический владелец всех средств этого фонда — тот же Собчак. А если кто и догадывался, то по западным меркам еще больше ценил его за гангстерскую изворотливость, предприимчивость и проходимость. Причем деньги особенно охотно ссужались фонду за границей, тем более если имелось его отделение в стране жертвователя, так как подобная благотворительность не облагалась там налогами. Эта собчачья афера стала для меня настоящим открытием. Я долгое время никак не мог взять в толк причину бесспорной ущербности для интересов города всех предложений «патрона».

Так, например, Собчак дал мне задание переговорить в Америке с ответственным представителем крупнейшего гостиничного концерна «Мариотт» по поводу намерений «патрона» о продаже либо сдаче в аренду на 49 лет только что фактически вновь построенной знаменитой нашей гостиницы «Астория», причем за несуразно маленькую сумму — 100 млн. долларов с небольшим. Меня, как я помню, это обескуражило еще и тем, что даже в разговоре со мной «мариоттовец» пытался передать Собчаку намеки относительно размера его доли от будущих доходов. Дело в том, что месячная прибыль отеля типа нашей «Астории» может быть не ниже двух миллионов долларов. Таким образом, за четыре года арендатор полностью возвратит затраченное, а остальные 45 лет сможет выкачивать чистый доход, что даже в сегодняшней итоговой оценке намного превышает миллиард долларов. Этот нехитрый расчет показывает обязательность наличия корыстного умысла у предложившего и заключившего подобный контракт. Только в России можно убедить всех в непреднамеренности таких просчетов. На Западе же знают, что бесплатным сыр бывает лишь в мышеловках, поэтому сразу же оговаривают коммерческие интересы и условия каждого участника односторонне ущербных сделок.

Бесспорно, слаб человек, и неудивительна, особенно в наше время, забота о собственной выгоде занявшего руководящий пост, тем более теперь, когда неподгнивших остались считаные единицы, но Собчак же увлекся этим сразу, причем не параллельно делу, которому был призван служить, а вместо него. Значит, он и не собирался никому служить, кроме самого себя, словно спешно примчавшийся к месту возгорания пожарный, который занялся разграблением спасаемого добра, презрев тушение огня и защиту людей. От своекорыстного остервенения Собчака отвлекла лишь «борьба за демократию и углубление реформ», а также страстные публичные обличения вчерашних коррупционеров. Не думаю, что идея с отмыванием своего «черного» дохода через фонд, среди учредителей которого были академик Лихачев, скульптор Аникушин, начальник Балтийского пароходства Харченко и другие, принадлежит именно Собчаку. Тут «патрон», похоже, как обычно, «полакомился» чужим криминальным талантом, ибо фонды есть и у Горбачева, и у Попова, и у многих схожих с ними «обернегодяев». Надо полагать, не такие они простачки, чтобы так же либо еще изощреннее не пользоваться этим чьим-то «ноу-хау». И только Собчаку, пришедшему к неограниченной власти на гребне волны социальных перемен, удалось избежать даже кратковременного периода «бескорыстной борьбы за народное дело». Не будучи ни альтруистом, ни идеалистом, ни просто порядочным человеком, он сразу же принялся выискивать и использовать все, что могло принести ему доход.

Встреча с Нейманом стала последним фрагментом моего сотрудничества с Собчаком. Случайно проговорившись, этот управитель калифорнийским филиалом «Фонда спасения Ленинграда» растворил остатки слоя облагороженной собчачьей оболочки, и наружу вывалилось все зловонное содержимое, приправленное импортной игривостью помыслов завсегдатая казино. Ощущение гадливости уже не проходило, и я стал ловить себя на мысли, что не смогу спокойно жить, пока на моих глазах мышкует такая шваль, как Собчак, поэтому и принял неожиданное для многих решение об уходе со службы, дабы не вводить себя в искус. Но тут я забежал вперед…

Глава 18

Рукопожатие Рейгана

Свет не убедит слепых, как слова глухих…

К нам приезжает чета Рейганов. То есть вовсе не к нам. Просто Рональд, перестав быть президентом Америки, слонялся по белу свету, хозяйски приглядывая и оглядывая города с туземцами бывшего соцлагеря — плод разрушительных трудов своих, ведая при этом о заокеанских планах, а поэтому зная, что всех нас ждет впереди. Его всюду принимали, как раньше Горбачева. Радости при встречах с ним у представителей фланирующих «демократизаторов» не было предела.

С утра в день объявленного прилета экс-президента в Мариинском дворце царило необычайное оживление. На случай, если Рейган захочет заглянуть к «патрону», в чем все были уверены, даже на каминной полке в приемной поставили вазу, по форме очень напоминавшую берцовую кость взрослого человека, с тремя еле втиснутыми в нее гвоздиками. Из голубой гостиной кем-то впопыхах был выставлен старинный, вероятно, еще николаевских времен диван «мечта клопа» со множеством очень удобных щелей и всяких выступов. Чуть раньше оттуда же пропала сиротливо стоявшая много лет в углу, неизвестно как, когда и зачем оказавшаяся в этом архаическом зале роскошная козетка. Эта антикварная вещь, непостижимым образом уцелевшая после всех войн, погромов и революций, была враз унесена в неведомое свежим ветром, гонимым «перестройщиками». Подобный предмет мебельных гарнитуров давно минувших дней спроектировали, вероятно, по специальному заказу, как необходимый атрибут для стремительной реализации сюжетов пылких великосветских романов, ибо поза, принимаемая решившими этой козеткой воспользоваться, вне сексуальной жизни и в быту не применяется.

Собчак находился в приподнятом настроении и душном новом пиджаке цвета передельного чугуна в комплекте с мрачными, точно канализационные трубы, брюками фасона, укоренившегося при принце Уэльском. Сам принц, сделавшись королем, давно помер, а установленная им мода усилиями разнонациональных закройщиков обессмертила его имя, родив искусство одевать официальную публику в обезличенные штаны, поблескивавшие на «патроне» стрелками, словно они были только что из швальни. Этот праздничный наряд для свидания с Рейганом венчали пестрый галстук — верный эталон цыганских товаров универсального базара, который «патрон» попросил меня перевязать по причине собственного неумения, да длинные, почти до колен, новые голубоватого отлива носки в полоску. Этакая расцветка именовалась в старину «сном разбойника». Свои носочки в штиблетах коксоторфяного оттенка Собчак охотно демонстрировал сидя, заложив ногу за ногу.

Замечу, что к обновам одежи и желанию принарядиться Собчак тянулся не по возрасту пылко. Однако, даже после того, как размер его скрытого дохода обеспечил возможность покупать суперкаталожные вещи, он все равно еще долго умудрялся создавать такие «изысканные» по вкусу ансамбли, что у всех невольно возникало подозрение о его прошлых материальных проблемах, заставивших проходить всю жизнь в единственном костюме с несменяемым галстуком либо вообще безо всего, в одной лишь традиционной академической шапочке с самодельно пришитым профессорским козырьком от солнца.

Несколько часов кряду в кабинете «патрона» бушевал прямой телефон. Звонила его жена и советовалась с ним, как, что и куда надеть. По долетавшим обрывкам фраз и репликам, а также частоте звонков можно было смело предположить: оценке его вкуса предлагалось все, начиная с исподнего. Было ясно: радость от предвкушения эпохальной встречи (наконец-то, дожили!) бурлила и клокотала на другом конце провода. После каждого очередного звонка Собчак мускулами лица и характерным вздохом-выдохом показывал, что в этой порядочной кутерьме ему не до капризов утончающейся с каждым днем художественной натуры спутницы жизни.

Меня обуревали сомнения, которыми я не преминул поделиться с «патроном». Дело в том, что самого Собчака ни лично, ни как председателя Ленсовета, никто встречать Рейгана не приглашал. Раньше подобные визиты заблаговременно обставлялись плавно спускаемой серией директив с частоколом протокольного регламента, этикета и процедур, не пресекаемых произвольно, как Великая Китайская стена. Теперь же никто не удосужился даже позвонить.

Время приезда нам стало известно чуть ли не из газет да сообщения авиаторов о заявленном прилете. Судя по всему, разряд делегации обещал быть правительственным, поэтому сопровождение и обеспечение предполагались соответствующие. Речь шла не только о протоколе самой встречи, но и чисто технических многочисленных вопросах, как то: заказ транспорта, питание, предполагаемые посещения мест в городе и прочее. То было время, когда еще функционировал обком КПСС, и я по старой привычке справился по телефону отдела зарубежных связей, а также у управделами А.Крутихина. В обкоме тоже ничего конкретного не знали. Тогда меня осенила мысль позвонить по традиционным для осмотра подобными делегациями музеям. Мне там ответили, что принять Рейгана со свитой заказали прямо из Москвы. Это была неслыханная новость. Похоже, и в этом деле перешли на, так сказать, «прямые хозяйственные связи», минуя централизацию, что делало даже само присутствие Собчака при встрече не совсем обязательным. Досаду также вызывала полная недееспособность и странные ухватки набираемого «патроном», в основном по рекомендациям жены, нового штата, который своими качествами мог поспорить с кем угодно, ибо быстро довел их до такой степени совершенства, что, например, о факте заезда в город бывшего президента США Собчак впервые узнал от случайно встреченного дворника. В ответ на мое брюзжание по этому поводу «патрон» посоветовал не цепляться за стародавние аппаратные традиции с упорством английского парламента и очень веселый отправился в аэропорт, куда жену должны были доставить прямо из дома отдельным автолитером. По его вопросу, как лучше подъехать к залу «VIP» в Пулкове, я понял, что он в нем никогда не был.

В обширном помещении левого крыла аэровокзала с ковровым выходом на летное поле уже болтались какие-то незнакомые

люди, среди которых был американский генконсул со свитой и командир известной охранной «девятки», сменивший на этом посту много лет проработавшего в Ленинграде представителя девятого управления КГБ СССР Ф. Приставакина. Мы были с ним знакомы и поздоровались, после чего я поинтересовался, ради кого все тут оказались. Он со смущением, не свойственным его профессии, признался, что тоже не знает и не имеет каких-либо указаний отсортировать собравшихся на случай, если у кого-то из них возникнет вдруг желание грохнуть Рейгана прямо тут же, не выходя из помещения. «Надо надеяться, не возникнет. Судя по всему, здесь собрались его друзья и почитатели», — успокоил я чекиста.

Народ прибывал большей частью неопознанный. Было много нигде не аккредитованных фото-кино-видео-журналистов, скорее надомников, чем «профи». Посреди зала за журнальным столиком восседал Собчак, держа в руках развернутую газету на английском языке (хорошо, что не перевернутую вверх тормашками), и, высоко подтянув брюки, демонстрировал всем свои новые носки.

Управительница зала, ошалевшая от такого невиданного скопления разношерстной, не известной никому публики, поинтересовалась, что ей делать. Собчак тоже не знал. Я же предложил ей, пока никто не прилетел, напоить «патрона» чаем и увел его в специальное, предназначенное для этих целей небольшое помещение.

Прилет задерживался. В чайную забрело какое-то мордатое, бородатое, веселое существо, которое, не набиваясь на приглашение, но завидя одинокого «патрона», тут же село к нему за стол и, интригуя официантку, само налило себе чаю, угостившись конфеткой из коробки, разложенной перед Собчаком заботливой управительницей. Вид у этого экземпляра был весьма непрезентабельный, несмотря на пиджак, сидевший на нем крайне прихотливо, словно обертка кактуса.

Напившись чаю и слопав несколько конфет, да еще парочку заныкав в карман, он, вероятно, желая вызвать Собчака на диспут, заявил, что является «теоретиком демократизма», и, улучив момент, попытался кратко изложить свою программу «реформ», которую, по его мнению, заждался народ. Эти «реформы» должны были служить торжеству «демократизации» страны и сводились к следующему: все плохое объявлялось хорошим, вредное — полезным, герои — врагами, поражения и проигрыши — победами. При этом «теоретик» торжественно процитировал С.Рериха, заявив, что «чем выше идеал, тем больше псов его облаивают», но сделал из этого высказывания знаменитого художника совершенно неожиданный вывод: «Если нет идеала, то и лаять некому».

Судя по выражению лица «патрона», такой лихой вывод со ссылкой на серьезное авторитетное обоснование, в общем-то, игривой мысли Собчаку понравился. Окрыленный намеком на внимание слушателя, автор «теории демократизма» повел дальше свою путаную речь, схожую с апофеозной точкой зрения пожизненных воспитанников-насельников скорбного дома.

Цитатор почти вплотную пригнулся к уху патрона и стал громко нашептывать ему, что не всякая пальма первенства приносит плоды и, уж тем более, не всегда на ней сидит лидер. По пальцам «патрона», выбивавшим на столе четкую раздраженную дробь, мне стало понятно: время сего «увлекательного» монолога явно истекло, поэтому я предложил «демократизатору» убраться проветриться или же покурить, но он отказался и опять было потянулся за конфетками. Об этом волосато-полоумном любителе сладкого я вспомнил лишь потому, что высказанная им меж съеданием конфет теория, как оказалось потом, была полностью воплощена в действительность.

Расстаться с теоретиком «демократизма» мне помог наконец-то появившийся Валерий Павлов, которому «патрон» поручил доставить сюда мадам Нарусову — эту городскую леди под номером «раз». Супруга Собчака, прибирая себя к встрече с Рейганом, чуть на нее не опоздала. Вид у нее был запыхавшийся, будто она, в пух и прах разодетая, не ехала на машине, а бежала бегом в своем новом белобрысом плаще и платье «бурдового» цвета, с ярким макияжем, столь характерным для уже полузабытого возраста, когда пишут стихи без размера и постоянно кого-нибудь любят. В общем, весь ее облик, по заверениям продавцов надетых ею вещей, должен был вызывать ликование окружающих.

Успокоившись присутствием жены, «патрон» слегка заскучал: стал ковырять пальцем обивку панелей понравившегося ему зала для торжественных встреч и цокать языком.

По мере задержки прилета жажда встречающих лицезреть самого Рейгана стремительно обострялась, словно весенняя страсть рвущихся почек. Никто из присутствующих, кроме разве генконсула США с его озабоченным, широким лицом, не скрывал своего восторга от возможного грядущего рукопожатия с лидером мира сего. Как же! Ведь привалило же счастье встретиться с жизнерадостным старым голливудцем, который, в шестьдесят девять лет впервые взойдя на трибуну как президент Америки, на весь мир обозвал нашу страну «империей зла», способной лишь на всякие подлости, и призвал начать «крестовый поход» против коммунистической экспансии. Это он, «любимый», в понедельник 7 июня 1982 года нашел-таки время оторваться от своих многотрудных дел, дабы в библиотеке Ватикана почти час шушукаться с Папой Римским Иоанном Павлом И, в обиходе поляком по фамилии Войтыла, которого призвал к проведению совместной тайной кампании по «разложению изнутри коммунистической заразы». Это он, «дорогой», в предпоследний год своего президентства произнес знаменитую речь у подножия Берлинской стены, приказав Горбачеву снести ее, позорную. Одним словом, все дальнейшие, постигшие наш народ беды так или иначе связаны с его именем, поэтому и ликовали встречающие «демократы».

Когда древние славяне кочевали по лесам да степям, то в Западной Европе уже вовсю ширились города, до создания которых нашим славным предкам нужно было еще лет 450 топать тяжелым эволюционным путем. Этот естественный исторический разрыв сохранялся вплоть до 1917 года, а затем произошел резкий скачок. Да, да! Хотят это признавать или нет, но, как подчеркивал Уинстон Черчилль, которого в дружбе с «папой Джо» заподозрить трудно, «Сталин принял страну с сохой, а передал с атомным оружием». Я думаю, эту реплику британского премьера каждый оценит правильно, ибо он имел в виду вовсе

не вооружение, как таковое, но промышленный потенциал и мощь державы нашей. Плюс победу в опустошительной войне и восстановление разрушенного.

Эх! Не видеть этого может лишь незрячий. Поэтому как было не радоваться местным «реформаторам» лицезреть одного из непосредственных организаторов ослепления нашего народа, того, кто умудрился направить нашу страну вспять, в хвост развития людского общества на Земле.

Время шло в томительном, беспокойном ожидании, какое испытывают, разве что, рыбаки на оторванной от берегового припая льдине, с надеждой высматривая в небе вертолет спасателей.

— Летит! Летит! — заорал чей-то репортер взволнованным голосом, каким, вероятно, матросы Колумба, завидев Америку, кричали: «Земля! Земля!», и от охватившего его восторженно-нервного озноба стал по-собачьи лязгать зубами.

Из раскрытой на летное поле двери зала был виден заходящий на посадку «Боинг» хищно-маскировочной боевой раскраски.

До чего же бывает человек в жизни не похож на свою фотографию! Думаю, не счесть простодушных солдат и тюремных арестантов, полюбивших барышень по присланным им в письмах «фоткам», которые после столкновения с оригиналом своих грез враз переставали верить в человечество.

Рейган с Нэнси — этакой бодренькой старушенцией елизаветинских времен — находился, по всей видимости, в той возрастной группе, когда уже не распознают и не понимают, кто есть кто, поэтому, симулируя возбужденно-радостную улыбку, здоровался со всеми подряд, его окружившими, среди коих тискалось много депутатов горсовета, но особо выделялся обширной бородой Петр Филиппов, возжелавший даже произнести на импортном языке какой-то, вероятно, наскоро заученный им спич и поздравить «дорогого» гостя с благополучным прибытием в страну снегов, медведей и пляски «казачок». Выражалось всеобщее умиление и желание благодарить за предпринимаемые Рейганом усилия, из-за которых наша шестая часть земной суши с живописными, дивно-дивными, безграничными просторами скоро, кроме душистых портянок, будет нуждаться буквально во всем.

По толпе шныряли встревоженные рентгеновские глаза начальника «девятки», находившегося от столпотворения чуть поодаль. Собственная охрана Рейгана, выделявшаяся из толпы унифицированными белыми плащами и черными, усеянными золотыми пуговицами штатскими пиджаками морского фасона, теснила по сторонам восторженную шушеру, цепко оберегая своего шефа с перламутровыми зубами.

Я также заметил, что к американскому консулу, стоявшему спокойно в сторонке и с легкой ухмылкой наблюдавшему эту трогательную сцену встречи, подошел из свиты бывшего президента какой-то субъект в длинной, нараспашку, явно не по сезону шубе и стал раздраженно о чем-то спрашивать. Покрой этой шубы напоминал мне где-то виденную старинную гравюру, на которой в схожем наряде волостные старшины преклоняли головы перед русским царем в день чудесного спасения его семьи на станции Борки.

Собчак, вероятно, очень надеясь, что Рейгану хорошо знаком, в толкучку не полез. Он стоял с Нарусовой посреди зала и удивленно поджидал подхода высокого гостя, начиная страдать от явной невостребованности их четы вниманием экс-президента, который, по всей видимости, просто не признал в «патроне» Собчака, чем вконец расстроил нашу отечественную «Нэнси», нервно теребящую руками свой несменяемый газовый платочек цвета бедра захваченной врасплох нимфы.

Из возникшего почти стихийно человеческого водоворота стоило значительного труда выхватить хоть и долго летевших, но свеженьких, как с ледника, старичков и переправить их к здесь же накрытому заранее для легкого перекуса столу. Во время трапезы разговор высоких сторон не клеился. Рейган явно не понимал, зачем нужно кушать прямо тут, в аэропорту. Он сидел с прямой спиной, забыв отклеить широкую улыбку с очень дряблого лица, а наш идеологический карманник, начавший уже свои головокружительные опыты по обиранию городского населения, несколько раз пытался доложиться всемирно известному голливудскому разбойнику об имеющихся у него успехах в разрушении всего везде, где ему удалось проходить, точно при наступлении французов на Москву по старой Смоленской дороге.

Нэнси посматривала как-то сквозь супругу «патрона», не одаривая нашу городскую «раз-леди» пристальным вниманием, даже несмотря на демонстрируемые ею обновы. Причем какие! Все из «валютника»! И вдруг — на тебе! Непостижимо обидно. Было заметно: жене «патрона» от такого неслыханного пренебрежения захотелось тут же уехать, но упрямство в желании показать, что именно она является первой леди города, прямо-таки пригвоздило ее к стулу. Зато после скорого, но внешне нежного расставания и уже по дороге домой она с брезгливостью человека, ожидающего от прикосновения другого, как минимум, заражения гриппом, дала себе волю в кратком и детальном обзоре всех «достоинств» экс-президентши, которая, смешав свою кислую одышку с молодым восторженным дыханием окружающих, минуя чету Собчаков, прямо из аэропорта вместе с мужем направилась осматривать интересующие их исторические объекты.

Глава 19

«Дом обреченных»

Экономика является важнейшим фактором могущества нашей страны и основным показателем преимуществ социалистической системы в целом, поэтому я буду отдавать все силы для ее укрепления…

Собчак, повсюду публично и пылко распинаясь о собственном многотрудном, круглосуточном радении на благо ленинградцев, сам втихаря частил самолетами заокеанских компаньонов по личным коммерческим и иным делам до Америки и обратно. За ним прилетали прямо в Пулково, где «патрон» дал указание заправлять американские самолеты за счет скудных валютных заначек из городского бюджета, столь необходимых для лавинно нарастающих нужд его жителей даже по части закупки обычных лекарств. Порой, когда авиаторы категорически отказывались бесплатно заливать керосином баки иноземного самолета, «патрон» в запальчивости мчался на летное поле и истерично кричал, требуя наказания неисполнительных заправщиков, готовый сам их тут же заменить.

По частоте американских вояжей Нарусова старалась мужу не уступать и ползала по глобусу на серебристых лайнерах от материка к материку, как навозная муха. Кроме того, купленный за океаном дом требовал постоянного хозяйского пригляда. Правда, летала она, как правило, рейсовыми «бортами», зато не реже раза в месяц, пока не произошла известная встреча со съемочной группой «600 секунд», запечатлевшей ее очередной загранотлет. Помню, Невзоров тогда показал, как она в новой дубленке — счастливом воплощении своих многолетних местечковых грез и брезгливо-заносчивым выражением лица, покрытого морозным инеем морщин на вянущей шелушащейся коже, стоя на трапе специально выделенного для вояжа самолета, продемонстрировала зрителям кукиш, озвучив его текстом искренне сорвавшегося «ку-ку». Причем это «ку-ку» в паре с кукишем было показано во время всеобщего аэропортовского столпотворения, когда задержали все прочие рейсы по причине отсутствия керосина и самолетов.

В общем, дабы исключить репортерские наскоки, Собчак решил поручить начальнику отдела КГБ в аэропорту Воронину лично провожать Нарусову до трапа самолета в обход таможенных и пограничных заслонов. Кроме сей предосторожности, загранконсультанты рекомендовали собчачьей жене, в случае обнародования ее межконтинентальной «вертежки», прикрыться своей якобы кипучей деятельностью на благо умирающих в организованном неким англичанином городском «хосписе», где наша «кандидатка исторических наук», наряду со званием «жены Собчака», совмещала не столь для куражу, но, главное, на потребу пост председателя правления «дома обреченных». Не правда ли, странное совпадение названия дома с перспективой жителей всего нашего города?

Нарусова, находясь, в общем-то, на самой невысокой ступени биоразвития, была одержима идейкой стать во всем себе с мужем полезной. Поэтому, обуреваемая лошадиной деловитостью, повадилась в услужливо предлагаемых телеинтервью давать внимающим разные советы космического масштаба на тему «Как жить дальше», разумеется, такой же по глубине межгалактической глупости. Не видеть этого Собчак не мог и даже на людях пытался ее одергивать, но делал это как-то трусовато, лишь только в мечтах пытаясь катапультироваться от такой «соратницы».

Этот «хоспис» своим рождением обязан вовсе не заботе о безболезненном уходе на тот свет безнадежно больных, они использованы тут лишь для декорации и прикрытия самой цели. Как-то к Собчаку, находившемуся в Лондоне вместе с женой, на одном из приемов привязался некий Виктор З., худосочный седобородый пожилой польский еврей, когда-то работавший на советскую разведку, но затем перебежавший к врагу.

Это был обычный русскоговорящий предатель с гнилодушным выдохом изо рта и всем спектром мерзопакости, присущей подобным типам. И хотя он вел себя, как оса на пикнике: был надоедлив и неотгоняем, Собчак, узрев в нем изменника, враз проникся симпатией единомышленника. «Патрона» восхищало мужество предающих. Этот бывший разведчик, а ныне британскоподданный проходимец, подрабатывающий журналистикой, вился вокруг собчачьей четы весь вечер, облизываясь, как кот, налакавшийся сметаны, завлекая жену «патрона» «ароматными» темами воспаленного сладострастием воображения, похоже, крепко настоянного на желаниях обычного пожилого импотента светски поболтать о сексуальной распущенности. При этом он был прямолинеен, как милицейская дубинка, и свои откровения не рядил в овечьи шкуры, демонстрируя тактичность на уровне общения пилы с деревом.

Однако жену, да и самого Собчака такая манера почему-то не задевала. Желая сделать знакомство обоюдополезным, этот «журналист» под занавес встречи предложил Собчакам неплохо заработать. С напористостью и одновременно чуткостью волка из тамбовских лесов, он поведал супружеской чете о хорошо воспринимаемой всюду в социально-политическом аспекте идейке благотворительного призрения безнадежно больных, которым, кроме утоления боли, ничего не нужно на этом свете.

Подобные приюты на Западе действуют и называются «хосписами». Правда, они обычно находятся под сенью церкви, проповедники которой муки несчастных усмиряют больше исповедью и молитвами, чем обезболивающими наркотиками, а тем более ядами в ответ на желание просящих. Для того чтобы из этого богоугодного дела извлечь доход, британскоподданный указал путь без церкви, но с наркотиками и ядами, ибо приобщение к этому бизнесу считается в мире наиболее прибыльным. Узнав о возможности заработать, Собчаки тут же решили разговор перенести на следующий день в более деловую и конкретную обстановку, где состоялось распределение ролей меж будущими компаньонами. «Патрон» с женой по разработанному планчику взяли на себя подбор и завладение какой-нибудь, желательно близкопригородной (подальше от глаз или еще чего), ленинградской больничкой с минимальным числом коек, ибо нужна была лишь сама вывеска с декорацией, но не больные. А

английский «подельник» брался устроить шквал публикаций в западной прессе о хвалебном начинании жены Собчака и ожидающими ее на этом благородном поприще проблемами, связанными, в основном, с отсутствием в таком «тоталитарном государстве», как «коммунистический Союз», даже самых примитивных наркотиков для утоления боли страждущих.

После этих подготовительных мероприятий Нарусова должна будет повсюду на разных встречах, не сдерживая и так обильную, чисто болезненную слезливость своих глаз, гнусавя и корча подбородок в куриную гузку, плаксиво разглагольствовать о муках умирающих, к примеру, от рака, лишенных в этой жуткой стране (СССР) всех болеутоляющих средств, а также ядов, если кому-то из них уже терпеть невмоготу. В завершение подобного «выступления» ей также предписывалось сразу заручиться конкретным желанием присутствующих прислать требуемые наркотики в виде гуманитарной помощи, а посему безвозмездно. Данный список желающих поставщиков в дальнейшем нужно переправить британскому партнеру, который обязан будет позаботиться о получении и реализации наркотиков и ядов. В общем, план был небольшой, но дерзновенный. В его исполнение я напрочь не верил. Трудно себе представить, что в итоге не найдется хоть один честный служака, способный проанализировать наверняка поступающую информацию о выпрошенных собчачьей женой, полученных и использованных наркотиках для пары десятков больных. Но так думал я, а «хоспис» возник и существует, бесспорно, принося болеутоление небольшому числу пациентов, прикрываясь которыми можно творить невообразимое.

Это было время, когда маховик разрушений еще только начинал раскручиваться и толпы людей купались в упоении от самих ожиданий грядущих перемен. В начале затеянной Собчаком катавасии он являл собой не более чем изумительный ораторский инструмент: певуче игривый и велеречивый, по-балаганному беспечный и трагически-серьезный, порой бросавший в дрожь министров и прокатывающийся раскатами эха даже по дальним закоулкам нашей страны. Он всюду симулировал боязнь катастроф, но, как впоследствии стало ясно, страстно их желал.

Был ловок в своем неистовстве и расчетлив в порывах, поэтому не ссорился с властью, а с подхихикиванием покусывал ее. Публично выступал не с программными речами, а только «кстати», сводя на нет своей чудовищной посредственностью все низкое и все высокое, оставляя на виду лишь себя самого, что, вместе с приобретенной к тому времени парой-тройкой костюмов, придавало ему этакое дипломатическое достоинство представителя заносчивого посольства некой страны в стране.

Влекомый модой, взяв наскоро урок, как правильно креститься, но порой путая правую сторону с левой, «патрон» зачастил в церковь, с трудом усвоив, по каким-то ведомым только ему чисто внешним признакам, различие между, скажем, католическим костелом и православным храмом.

В связи с ежедневно ухудшающимся продовольственным положением в городе, Собчак всерьез начинал рекомендовать населению переходить на самодобычу пропитания в собственных огородах, публично разглагольствуя без тени улыбки о желаемом наступлении такого «прекрасного, деклассированного времени», когда свиньи с кроликами станут повсеместно жить на балконах и лоджиях городских квартир вперемешку с собаками и избирателями. Как ни странно, но от этих речей многие кандидаты во владельцы обещанных им участков пригородных земель застывали вокруг него в избытке почтительности, мечтая лишь прикоснуться и облобызать собчачью длань. Покорность людей, внимающих с влюбленными глазами, распаляла его еще больше, и он начинал выказывать столь необычную даже для него пылкость обещаний, что слушатели уже не могли верить свидетельству собственных чувств, стремительно переносясь во власть бредовых грез. Число желающих сразу врезаться в сильно приукрашенный Собчаком капитализм быстро росло. Они тянулись к «патрону» всей душой, лишь мечтая дотронуться руками, и никто не способен был тогда догадаться, что дрянь во все времена полагалось трогать, разве что, метлой.

Широко декларируемые им повсюду преимущества «рыночных» отношений были осмыслены самим Собчаком на уровне знаний континентальной части Сибири островными аборигенами Полинезии времен Миклухо-Маклая. Но люди ему почему-то верили, и он, ничуть не боясь разоблачения своих знаний, а точнее незнаний, продолжал всех, кого попало, призывать к воспитанию у населения «предприимчивости муравьев», колонии которых живут, по его мнению, только ради того, чтобы рыть галереи и строить магазины, куда перетаскивать провизию заодно с разными подвернувшимися по пути материалами и миллиардами собственных яиц для обеспечения муравьиного воспроизводства, столь необходимого в «здоровой» конкурентной, но ожесточенной борьбе со своими соседями по растаскиванию окружающей среды. В подобном идеологическом угаре Собчаку виделся высший смысл обитания своих избирателей на поверхности земли на данном историческом этапе. Ему было невдомек, что со времен жития Ивана Калиты Россия собиралась и сохранялась. Благодаря только этому, а вовсе не «переходу к рынку», сейчас было чего растаскивать. Но одно всем Собчакам трудно уяснить, либо они просто не желают этого: если на собирание великой страны были ухлопаны века, то растащить ее можно за несколько лет.

Иногда в полемическом задоре приходится слышать многократно повторенное на разные лады сравнение сегодняшних «демократов» с фашистами. Отдавая дань софистической запальчивости полемистов, все же нужно признать, что подобное сравнение, как говорили в Одессе, «верно до наоборот». Только сослепу можно не увидеть различие: фашисты грабили и уничтожали другие народы, а свою страну укрупняли и обогащали; «демократы» же разоряют свою страну и уничтожают свой народ — это, между прочим, «две большие разницы», независимо от цвета униформ и национальностей авторов доктрин. Поэтому если кто-то будет продолжать обзывать отечественных «демократов» «фашистами», то вполне уместно присовокуплять слово «импортные».

«Патрон» понемногу уже начинал носиться с невероятной быстротой по заграничному свету, иногда коротая минутки в обществе довольно сносных, сопливого возраста барышень, порой переодетых матросиками либо тирольскими пастушками в белых панталончиках, напоминавших Собчаку красноармейские «кальсики». И если же раньше хотение выливалось на всех, кто подворачивался под руку, то теперь наступало время вожделенного выбора и употребления только экологически чистых женщин. Такое времяпрепровождение «патрон» находил более приятным, нежели бесконечные препирательства с ленинградскими

депутатами, чьи наскоки он, возвратясь, запросто отражал десятиминутными интервью Бэлле Курковой с рассказами о жгучей, леденящей душу обывателя необходимости быстрейшей выработки «свежей концепции отношений между всякими странами», где наш «турист» изловчился на сей раз погостить.

Собственницу «Пятого колеса», млеющую от возможности принародно прильнуть к нему, хотя бы с микрофоном в подрагивающей руке, Собчак обычно нагло-снисходительным тоном принимался уверять, что, мол, этот очередной визит куда-то был, оказывается, нужен вовсе не ему, а уже начинающему бедствовать населению Ленинграда, жизнь которого, только благодаря теперешнему его вояжу, должна будет враз резко улучшиться. Куркова Бэлла, как обычно, умиленно глядя на «патрона», с проникновенно-притворным чувственным выдохом, тут же соглашалась и от имени всех «без исключения» телезрителей твердым, но заискивающим голосом благодарила Собчака за мужественно переносимые им тяготы своей «славной деятельности» и хлопоты, вызываемые частыми заграничными разъездами «на благо жителей нашего города». В общем, дуэт был спетый и смотрелся неплохо. Однако, после таких выступлений я предельно вежливо, с учетом своего ничтожества и памятуя о неутолимой жажде Собчака чаще красоваться по телевидению, пытался все же вразумить «патрона» не нести подобную околесицу людям, ибо не исключена вероятность когда-нибудь всеобщего изумления по поводу случайного открытия истинных мотивов его шатаний в чужие нам страны и абсолютной никчемности для горожан других, сугубо личных затей. Но он всегда небрежно отмахивался, давая мне понять, что незачем метать бисер перед публикой, которая удовлетворяется любым вздором.

А после того, как мы проговорили на эту тему битый час, сидя в машине около дома поблизости станции метро «Академическая», где жила его старшая дочь, я окончательно убедился в непреклонности собчаковского мнения о всеобщей глупости глубоко презираемого им нашего народа. Аргументируя свое презрение к людям, Собчак с брезгливостью кошки, с голодухи поедающей на грядке свежий огурец, удобно раскинувшись в глубине моего автомобиля, в клубах окутывающей его всенародной славы еще только учился выгодно растворять собственную гордость в оригинальной финансовой улыбке. Он пока еще набивал руку, неистово днями напролет встречаясь со всеми подряд: молодыми, не известно зачем попавшими в наш город немцами, американцами и прочими марокканцами; финансистами и евреями; чернокожими бизнесменами и лирическими поэтами вперемешку с бродячими футбольными репортерами и ветеранами кордебалета с подагрой; дипломатами всех мастей, включая официальных представителей еще не известных никому в мире, но уже «суверенных» стран; театральными антрепренерами и православными, католическими, буддистскими, англиканскими, а также другими священниками; секс-фотографами и О. Басилашвили; настройщиками музыкальных инструментов и активистами клуба нудистов, по выражению лиц которых можно было смело определить, что они с огромным трудом уломали самих себя не являться на прием к Собчаку в чем мать родила, ибо наряд одной из них сильно восхитил «патрона»: прикид был просто еле заметен — вот и все, что можно о ее одежде сказать.

Собчак дал однозначное указание дежурному в приемной не допускать до себя лишь тех «ходоков», которые пробивались к нему с конкретными, нужными городу делами и мучительными житейскими проблемами, поэтому при составлении очередного плана-расписания дневного рабочего приема председателя Ленсовета встречи с такими людьми не планировались, ибо контакты с ними, если они случались, безусловно требовали от главы города принятия определенных, а не расплывчатых решений, направленных на улучшение ситуации по обсуждаемой теме. Это, по всей видимости, не вписывалось в психологический ряд сочетания занимаемой Собчаком должности с возбужденным удовольствием и радостным удовлетворением от ее обладания. Вот почему подобных встреч он просто избегал. Со всеми остальными прихожанами «патрон» пытался быть ласков, любезен, обаятелен, в меру фатоват, вкрадчив, страстен, велик и скользок, что безмерно восхищало разных дам, в которых он любил только самого себя.

Любой из них было нетрудно оправдать размер его претензий по этой части, причем даже независимо от самой владелицы полыхавшего порой всей радужной гаммой чувственности женского взгляда, влажного как воздух после буйно-скоротечно-проливного теплого летнего дождя. Будь она роскошная или просто очаровательная; длинная или короткая; змеистая или полная — все они, по его мнению, обладали одним общим существенным недостатком: принадлежностью к тому же полу, что и собственная жена, оттого делающим их на нее похожими. Своей же «подруге», как я подозревал, «патрон» с трудом прощал ее злючую слезливость, да и вообще, в сравнении с другими, какую-то непотребность, находя утешение лишь в маловероятности встречи на жизненных просторах аналога ей, ибо есть такие экземпляры, воспроизвести которые повторно природа не всегда решается.

При распределении обязанностей между председателем Ленсовета и заместителями Собчак собственноручно оставил за собой кураторство всех учреждений из мира культуры в городе. Остальное, такое важное, как обеспечение продовольствием и все, связанное с жизнедеятельностью самого города, он без всяких колебаний спихнул в руки замов. На заведенный мною разговор о неверности такого выбора «патрон» парировал, потирая с легким причмокиванием ладошки, что свою деятельность в кресле главы горсовета он видит исключительно ради и в обществе питомцев муз, но главное — среди великолепного стада разомлевших от его внимания и ласки служительниц Мельпомены, которые будут петь ему акафисты, а он им всячески покровительствовать, тем самым став исключением из правила, гласящего: «стареющие за любовь платят дороже». Об этом он мечтал много-много лет, сразу же после первого знакомства с женщинами, коим возжелал посвятить всю жизнь, но потом, к собственной досаде, увлекся юриспруденцией. Тогда мне казалось, что это просто не очень удачная шутка. Правда, уже ощущались искорки его раздражения, если «патрон» вдруг обнаруживал в своем окружении субъекта, мыслящего лучше, чем слабо дрессированное домашнее животное, доказывая подобным, что он человек не только своего времени, но и своего часа, иллюстрируя это великолепной приспособляемостью с огромным банальным дарованием пиявки, безошибочно умеющей мгновенно присасываться к любому выгодному моменту, месту, обстоятельству и движению, притом совершенно не заботясь о последствиях собственной деятельности либо бездеятельности.

Нельзя не сказать об особом злоупотреблении им успехом собственных речей, какие взял за правило неизменно заканчивать незаметным восхвалением своего таланта, постоянно при этом уверяя слушателей, что не имел другого желания, кроме как жить среди академически образованных, но бесспорно-де уступавших ему умом университетских коллег, вдали от мирской суеты, заменяя ее приятными заботами о своих дочурках, на манер известных песенок Вертинского. «Однако, — далее продолжал он, — горячо любимое им население, оказав ему честь своим выбором, прямо-таки вынудило, дабы не прослыть дезертиром, заняться спасением избирателей». От чего он хочет их спасать и когда начнет это делать, Собчак обычно не распространялся, походя возводя туманную напраслину на «раззяв-коммунистов».

Зато сама новая жизнь, за которую он агитировал, довольно быстро разбавила тихие семейные радости и уверенность в завтрашнем дне бесконечными общественными распрями и эпидемией нищеты среди почти всех отдавших «патрону» свои голоса.

Самое радикальное, на что отважился тогда Собчак, было периодическое богохульствование по поводу тела Ленина в Мавзолее, которое он предлагал подхоронить к могилам ульяновских родственников на одном из кладбищ Ленинграда. Думаю, нелишне отметить: на этот символический объект травли Собчак набрел не идеологизированной тропкой, а чисто случайно, как обычно, «кстати».

Сама идея с перезахоронением возникла у Собчака просто попутно, когда один «культтрутень» из числа вившихся вокруг него вымогателей покровительства, лелея мечту привлечь подольше внимание «патрона» к образованности своей обсыпанной перхотью интеллекта персоны, подсунул ему байку о предсмертном желании Ленина быть погребенным в кругу родственников. Этот тип с глуповатой улыбочкой, свойственной слабоумным либо уже начинающим впадать в идиотизм знатокам закулисной жизни по-настоящему великих людей, поведал «патрону» о виденном им по случаю каком-то письме то ли завещании вождя, разумеется, очень сильно «засекреченном коммунистами».

Сей рассказ низколобого посыльного мира культуры, разукрашенного тройкой пучков волос, прилепленных к репообразному черепу, и носом, плавно ниспадавшим на небритый подбородок сладострастной формы, рассеченный похотливым вакхическим ртом, очень понравился нашему идеологическому спекулянту, и тот, как и положено такому «серьезному» ученому-юристу, мигом слямзив эту версию из распределителя слухов у распираемого похвальбой добытых знаний исторического осведомителя, выдал ее за плод своих многолетних, чуть ли не архивных изысканий…

После того, как нашего «энциклопедиста», исходящего исступленной злобой и ненавистью к СССР, под видом неутомимого мемуариста, превосходящего глубиной своих сочинений всех, ему подобных, закупили западные хозяева, их прежний дружелюбный тон тут же сменился снисходительно-поучительным и обязательным инструктажем, на который Собчаку было предписано регулярно прибывать. Надо отметить, что Собчака, как когда-то и Пеньковского, инструктировали почти всегда в Париже, куда он и вынужден был зачастить. Видимо, наезды эмиссаров ЦРУ в Ленинград посчитали небезопасными, так как еще был жив КГБ СССР. Несмотря на личный контакт «патрона» практически со всеми наиболее влиятельными членами французского правительства и городского управления Парижа, которым Собчака представил граф Сергей Пален — замечательный представитель истинно русской исторической диаспоры во Франции, — антисоветским инструктажем ленсоветовского перебежчика занимался все тот же «обердиссидент» А. Гинзбург, существующий много лет вместе с газеткой «Русская мысль» на деньги ЦРУ, о чем раньше часто писали, что, кстати, он и сам не скрывал при вербовке очередного залетного журналиста, желавшего подзаработать. Об этом, захлебываясь от восторга и гордости, как-то поведала сгрудившимся вокруг известной лестничной урны «нардепам» некая Зеленская, именующая себя «свободной, независимой публицисткой». Алчный огонь, разожженный в глазах «народных избранников» названными ею суммами гинзбургских гонораров, не дал возможности курильщикам попутать Зеленскую с плевательницей. А некоторые даже не удержались и тут же высказали горячее желание сотрудничать с цэрэушным благодетелем.

Справедливости ради надо сказать, что самого Собчака вынужденные встречи с Гинзбургом отнюдь не прельщали, а, наоборот, сильно раздражали и унижали, ибо «патрон» себя явно переоценивал, считая, что в роли его инструктора-консультанта должен выступать не иначе, как сам Буш или же, на худой конец, какой-нибудь Миттеран, но не облезлый Гинзбург с несменяемыми, несмотря на обширность диапазона обсуждаемых тем, неизвестно откуда взявшимися советниками в одинаковых каталожных костюмах. Возможно, не только масштабная малозначимость самой персоны Гинзбурга, но еще и его покровительственно-безапелляционная манера общения вызывала у «патрона» глухой протест и антипатию. Этот ярый заслуженный ветеран-антисоветчик оплачиваемое сотрудничество Собчака принял явно не за подвиг «патрона» во имя чего-то, а как само собой разумеющееся дельце, очень даже, с его точки зрения, свойственное подобным нашему юристу типам, о чем Гинзбург не преминул откровенно и без обиняков, с удовлетворением единомышленника сообщить вслух во время одной из первых встреч, тем самым приравняв Собчака к рядовому предателю, хотя наш профессор считал себя в этом смысле выдающимся.

Свою довольно-таки нахальную уверенность в безошибочной оценке личности «патрона» офранцузившийся потомок Иуды Искариота подкрепил законодательным в таких вопросах мнением американцев о некоторых необходимых качествах человека, который захотел вдруг стремительно разбогатеть: тщеславие, алчность и невежество. Такой неполный набор, настоянный на академизированной временем уверенности: «Сколь ни кради — все мало», у Собчака был в избытке…

Глава 20

Рыжий «шалопай»

…Нет праведного ни одного… Все мы сделались — как нечистый, и вся праведность наша — как запачканная одежда.

Иммунитет, позволявший Собчаку без видимого раздражения воспринимать депутатскую массу, избравшую его своим вожаком, не вырабатывался.

«Патрона» постоянно и неудержимо воротило и тянуло от всего прочь, как пожизненную воспитанницу института благородных девиц от созерцания свежепереполненной выгребной навозной ямы.

Поэтому одним из жарких летних дней, в самый разгар сессии нового городского Совета, прикупив по случаю шикарные штаны в еле заметный зимний рубчик и осенние штиблеты на микропорке, он без особой рекламы смылся в Таллин посетить очередной притон «борцов за демократию», а посему, как они уверяли, «прогресс».

Там, в эстонской столице, судя по газетам, предполагался сбор наиболее достойных «господ» типа Сависаара, Ландсбергиса с Прунскене и других отборных червей, подтачивающих корни нашего государства. Собчак, вероятно, уверовав, что его брючная обнова с туфлями будет неплохо смотреться на фоне отпетой компании эстоно-латышско-литовских солистов политического стриптиза, решил эту встречу не упускать и, приняв телефонное приглашение «коллег-демократов», сразу же отбыл дневным самолетом туда без какой-либо информационной подготовки, как обычно, рассчитывая на свое коронное «кстати» и последующий экспромт.

После его отъезда я, бегло просмотрев повестку оставшейся части сессионного дня и не заметив ничего примечательного, занялся переполнявшей столешницу почтой, затем отправился перекусить на скорую руку.

Ленсоветовская столовая кишела депутатами. Манерное чавканье дорвавшихся до сравнительно дешевого и качественного харча поглотители разбавляли обязательными долговременными застольными трепами. Такое времяпрепровождение «нардепы» не только предпочитали, но и считали исполнением своей основной обязанности перед избирателями. Не желая в этой толчее быть заляпанным капустой из чужих щей, я подался в маленькое кооперативное кафе близ Мариинского дворца на углу проспекта Декабристов, которое несуразно высокие цены делали малодоступным даже в дневное время. Окинув скромное помещение кафешки беглым взглядом, я средь большинства свободных столиков выбрал угловой, по соседству с небольшим закутком для особо «дорогих» клиентов. Из кухни в зал проникал запах, совершенно не свойственный местам, где обрабатываются продукты.

После заказа с ходу афишного ассортимента, мое внимание привлекли обрывки доносившегося из-за перегородки гундоса беседы. За раскрытой шторкой закутка вокруг стола, уставленного бутылками с кооперативной снедью, сгрудилась мгновенно узнанная мною троица очаровательных ленсоветовских «пудельманов» или, если точнее, «пуделистов».

Пудель — довольно распространенная порода декоративной, легко дрессируемой собаки. Независимо от масти и фасона, будь то королевский или же мелкопакостный сорт, экземпляры сей породы обычно ни к чему путно песьему в основном не пригодны, кроме, разве что, подтаскивания домашних тапочек, стояния на задних лапах, ношения цветного банта, облизывания рук и других частей тела владельца да лая с повизгиванием по команде. Правда, такой песик может уволочь у зазевавшегося съестное, нагадить на паркет или изгрызть вдрызг приглянувшуюся ему дорогую вещь. Кроме того, эти псы намного приветливей людей.

Смысл сосуществования разнообразных комнатных собачек видится лишь в способности их концентрировать хозяйскую любовь и привязанность к определенному типу живого существа, искусственно выпестованному многовековым упорством селекционеров из превеликого вселенского сброда дворняг. Порой сравнивая псов со схожими повадками и видом людьми, надо отдать должное собакам, ибо человеческий тип, характерный для никчемной породы собак, как правило, любовь и умиление окружающих вызывать не способен.

Моего соседства застольные «пуделисты», к счастью, не заметили, продолжая громко хрустеть кавказской зеленью, беседовать и лакомиться закусным алкоголем. Как оказалось, середину рабочего дня тут праздновали наиболее выдающиеся представители новой «замечательной плеяды» «реформистов», каким-то образом своими многочисленными изъянами и пороками склонившие избирателей за них проголосовать. Вся их предыдущая жизнь была беспросветной трагедией маленьких человечков, с детства грызущих ногти и ежечасно сгоравших в огне своих безысходных амбиций, но втихаря грезивших под одеялом примерить тунику Цицерона или что-нибудь из одеяний Наполеона, оружия Тамерлана, возможностей Сталина либо прелестей Клеопатры.

Самым образованным среди жующих, полагаю, был сидящий ко мне спиной Анатолий Чубайс, уже владевший ко времени этого обеда дипломом кандидата экономических наук. Его собутыльникам, Егорову с Беляевым, удалось к сорока годам добраться только лишь до звания обычных очных аспирантов одного и того же средненького экономвуза, что в их возрасте характеризует скорее диагноз, чем профессию. Единственная проблема в жизни Егорова заключалась в том, что ежели другим было хорошо, то ему от этого становилось очень плохо, поэтому искренне он умел радоваться только неприятностям окружающих. Свою стратегическую линию поведения в любом деле Егоров обычно мотивировал обратно пропорциональной зависимостью между наследниками и наследством. Этот парень под влиянием мстительного чувства основательно убедил себя в том, что чем меньше наследников — тем больше наследство. А врал и ожесточенно спорил так дерзко, что несколько раз умудрился надуть самого себя.

Его друг — аспирант Беляев со скрытыми трупными пятнами на серовато-одутловатом лице, выражением напоминавшем христиан времен императора Нерона, когда несчастных насильственно заставляли отречься от Бога, впервые в жизни став депутатом, хронически пытался повысить свой интеллект за счет появившейся возможности улучшить питание, наивно полагая, что интеллектуальный уровень прямо пропорционален качеству съедаемого харча и цене надетого костюма. Он был одержим уверенностью в своей способности с ходу, без всякой подготовки и с успехом управлять чем угодно: от жилконторы до страны в целом, если только его будут вкусно кормить и красиво одевать. Судя по его выступлениям, вся жизненная философия Беляева основывалась лишь на одном расхожем банальном заблуждении, ибо известно: дорогим ошейником породу дворняжке изменить нельзя.

Четвертым за их столом, широко раздвинув локти, сидело какое-то неопознанное мною бородатое мурло, фамилия которого сквозь густые, заляпанные сациви, бесформенные заросли на лице не просматривалась. Желание не бриться в большинстве случаев конца XX века свидетельствует о дефекте кожи либо ума.

Благодаря настырно-активному тупоумию, полной безграмотности, отсутствию какого-либо путного опыта работы и способностей эти ребята впоследствии займут «достойные» места в управлении разрушенной с их помощью страной: анемичный Саша Беляев сменит в кресле председателя Ленсовета чуть косоглазого Собчака, а затем выдвинется аж в Госдуму первого, внезапного созыва; постоянно угрюмый, как подбитый немецкий танк, Егоров угнездится в высших недрах правительства «обновленной» «демократами» России. А рыжий Чубайс это правительство почти возглавит, грубо нарушив завещание всуе и в розницу почитаемого нынешними «демореформистами» Петра Великого, заявившего о невозможности допущения до Сената рыжих, косых и бородатых, дабы не стряслась беда.

Подобная рекомендация великого человека потомкам основывалась на собственном богатом государственном опыте, родившем аксиоматичную уверенность: людям физически и морально ущербным доверять власть нельзя ни в коем случае. Иначе они ею будут компенсировать свои недостатки и изъяны, а вместо бескорыстно идейного служения государству примутся вредить, грабить, издеваться, притеснять и унижать подданных вместе со страной.

Как-то в одну из столичных командировок пришлось отправиться вместе с депутатом Васильевым. До выборов он был другом и коллегой Чубайса. Также трудился в лаборатории экономического вуза. Имел сильно обсыпанный перхотью постоянно застуженный нос, нечистую кожу, неплохой финский костюм с засаленным вокруг шеи воротником, малахольную манеру говорить и прямо-таки клиническое улыбчивое с легким прищуром терпение мышеловки, которая выглядит в отличие от кота совсем невинно, но в итоге хлопает по башке бедную мышку. Всю дорогу до Москвы Васильев потешал меня своими теориями. Например, для экономии продовольствия рекомендовал иногда блюсти в стране общий великий пост вплоть до запрета собакам грызть кости в страстной четверг, несмотря на то что псы были абсолютно не причастны к таинствам искупления. Васильев также поведал мне о политике, которая ему представлялась дамой далеко не первой свежести, но все еще трепещущей от неслыханной необузданности своих новых увлечений. Поэтому якобы в отношении ее не может быть вообще никаких принципов.

Перед сном мой попутчик рекомендовал чтить лишь богатство и презирать труд. Протестовал против женской мускулинизации и призывал громить систему банковских операций страны. Под занавес этот достойный сочлен свежего движения «демократических преобразований» сообщил мне полушепотом, что любовь к «демократии» — явление аномальное, свидетельствующее о психической неполноценности влюбленных в нее. В общем, Васильев был слишком путан и вертляв помыслами, чтобы сойти за русского, больше смахивая на эфиопского еврея — гордый продукт любви разноцветных изгоев.

По брони управделами Совмина тогда еще РСФСР нам с Васильевым полагался один двухместный номер в гостинице «Россия», что на Красной площади столицы. Поэтому мне пришлось с ним провести еще сутки среди множества иногородних депутатов Верховного Совета республики, для которых эта гостиница стала прибежищем обитания и болтания. Они днями и ночами напролет слонялись по многокилометровой круговерти жилых разноэтажных коридоров и околачивались в номерах с загустевшим духом азиатского караван-сарая, в котором постоянно исполнялись в пьяном виде сексуальные обряды всех народов мира, вызываемые скоротечным единомыслием противоположных полов, обязательно ведущим к внезапным объятиям.

Наш обшарпанный, как, впрочем, и все другие, номер был укомплектован двумя раздолбанными кроватями, на которых, судя по их состоянию, постояльцы много лет кряду незатейливо и без отдыха терзали тела своих незнакомых приятельниц.

За многочасовое вынужденное гостиничное общение депутат Васильев полностью убедил меня в успехе осуществления за короткий срок в СССР его сподвижниками, «демократами-любителями» плана «Барбаросса», что когда-то не удалось профессионалу Адику Гитлеру Он так же основательно дал мне понять, что высшая цель всех пришедших к власти «реформистов» — украсть каждому в отдельности как можно больше денег. И если в их широко разрекламированной «программе реформ» только это поставлено на карту, то тут не до судьбы страны и любви к избирателям. (Как показало будущее, Васильев был предельно откровенен.) Дальше он долго плел что-то о «цивилизованном обществе», хотя и без того было ясно: если научить животных говорить, а «нардепов» внимательно слушать, не шуршать конфетными обертками в театрах и не сопеть громко во время сна на парламентских заседаниях, то наше общество еще сможет стать «цивилизованным».

Характеризуя среди прочих знакомых своего многолетнего друга А.Чубайса, мой сосед по номеру убежденно заявил, что тот «обыкновенный туповатый академический шалопай», не способный стратегически мыслить, зато настроенный весьма агрессивно и активно при первой же реальной возможности хапать все подвернувшееся ему под руку. Правда, в институте, где он до этого трудился, Толю Чубайса отличало безупречное поведение и полная неспособность к любой конкретной работе, кроме разве что парткома, где он с успехом занимался идеологией, чем очень гордился, постоянно выражая жгучее желание

расти по партийной линии и поэтому от всех скрывая, что у него в Москве ошивается бородатый брат, уже тогда заметно балаганивший в столичных трутневых тусовках и, что самое ужасное, — огрызавшийся властям «демократическими» лозунгами. Подобное поведение в ту пору Чубайс гневно и безжалостно клеймил на заседаниях своего парткома. А если же такие случаи имели место среди институтской интеллигенции, то Толя срочно бежал «советоваться» в ОК КПСС к заведующему отделом экономики Владимиру Архангельскому (это фамилия, а не кличка), под руководством которого Чубайс и вознамерился прошмыгнуть нудной тропинкой внештатного инструктора в кресло кадрового партийного функционера Ленинградского обкома.

Сам Вова Архангельский принадлежал к предпоследним слоям партноменклатуры, успевшим сильно деградировать за счет ошибки, допущенной в теории кадровой политики ЦК КПСС. Он по любому поводу постоянно колебался вместе с линией партии и люто ненавидел в жизни только две категории сограждан: всех офицеров, независимо от рода войск и званий (эта ненависть была данью памяти о притеснениях Вовчика представителями ратной профессии во времена армейской службы); кроме военных Володя испытывал также мучительную неприязнь к людям, которые были умнее и компетентнее самого Архангельского, имевшего тематический кругозор не более двух автобусных остановок. К усиливающемуся с годами ужасу, Владимир обнаруживал этих людей не только всюду и в абсолютном большинстве, но просто глупее себя не находил.

Поэтому, присмотревшись к Чубайсу, он понял, что наконец-то выискал экземпляр, который в требуемом для Архангельского смысле конкуренцию ему в обкоме составить не сможет. После такого открытия Вова ухватился за рыжего Толю и принялся радостно пропихивать его в аппарат своего отдела, без разбору включая Чубайса на общественных началах в состав разных комиссий и секций, представляя Толю всем как «академического специалиста» по части правильного рационального использования основных производственных фондов социалистической промышленности. Дабы намозолить свое имя в памяти обкомовцев, Чубайс сам стал без устали мотаться по всем подряд кабинетам Смольного, натирая своею невзрачностью глаза даже партийной «мелкотуре» (занимающим незначительную номенклатурную должность). Желая понравиться всем встречным, он, блея, повествовал им о том, что является активистом сбережения, приумножения и рачительной интенсификации основных фондов промышленности — главного богатства нашей страны. Кто бы мог тогда подумать, что, едва став вице-премьером России, Чубайс сразу же активно примется их уничтожать, разрушать и разворовывать.

После многомесячной обкатки Чубайса в аппаратной среде, Архангельский отважился отнести секретарю обкома, ведающему кадрами, анкету Чубайса или же «объективку», как принято было тогда ее называть.

Не угадав с ходу основной причины Бовиных хлопот за кандидата в партновобранцы Чубайса, секретарь, пробежав глазами скудную Толину биографию, заслуживающую внимания лишь датой рождения, и выслушав пылкую устную рекомендацию ходока, хмуро воззрился на заведующего отделом:

— Где вам удается подыскивать публику, начисто лишенную требуемых для работы в качестве инструктора обкома качеств? Или хотите заполнить вакансии отдела экономики неопытными болванами, тем самым добиться 100-процентной кретинизации своих подчиненных? И зачем вам нужны сотрудники без знаний, кругозора и опыта хоть какой-либо практической деятельности, единственное достоинство которых — пустозвонство?

Архангельский, неожиданно наткнувшись на абсолютную непреклонность начальника, боязливо застыл лицом, как степной суслик, внезапно выскочивший из своей норки и увидавший вблизи лисицу.

Справившись с волнительным запотеванием стекол больших роговых очков, Володя заюлил и начал сбивчиво пояснять прелесть рекрута, заключающуюся, по его мнению, в наличии у Чубайса диплома кандидата наук и якобы отсутствии в его крови прямой еврейской составляющей. Бовин пассаж секретарь разбил уверенностью в полной «бесценности» такого диплома для шустрого контингента экономического вуза, где имелся собственный ученый совет по защите диссертаций, и не кандидатами таких наук в институте оставались разве что уборщицы да клинически ленивые лаборанты, злоупотреблявшие спиртным исключительно в рабочее время.

Полная девальвация единственного положительного аргумента кандидата привела Архангельского в позу раскаявшегося, и он залепетал о трудностях с подбором кадров и возможных ошибках, подстерегающих ответственного партработника на этом неблагодарном поприще.

— Одна из таких ошибок, — распинался дальше Архангельский, — была только что исправлена уважаемым секретарем обкома, имеющим бесспорно несравненно больший, чем у завотделом, опыт в подобных делах.

После этой бормотухи Вовчик, поблагодарив секретаря за совет тщательней и качественней подбирать кадры, ретировался, унося с собой злополучную «объективку» Чубайса, которому, в связи с полной профессиональной непригодностью, было суждено инструктором обкома не состояться.

Как показало совсем близкое будущее, секретарь нашего обкома проявил потрясающую недальновидность. Помешал ему предвидеть, видимо, перегруженный опытом жизненный багаж. За это он и пострадает впоследствии, ибо известно: чем ничтожнее личность, тем злопамятней.

Спустя немного времени общая некомпетентность и отсутствие каких-либо профессиональных навыков или, если хотите, профессии вообще не помешает Толику Чубайсу занять высокое кресло первого заместителя главы правительства России. Чего же теперь от него все хотят? Ведь даже для исполнения скромных обязанностей инструктора провинциального обкома он не набрал нужной нормы до качественного профессионального уровня.

Правда, если при подборе кадров в «демократическое правительство» России руководствовались мерками, например, Свердловского ОК КПСС, то, может, там все нормы были просто значительно ниже ленинградских? И тот, кто не годился инструктором в наш обком, по свердловским стандартам зашкаливал выше секретаря? А? Вот и думай, читатель. Как так могло стрястись? Кому и зачем потребовалось затащить обычного, даже неошкуренного мало-мальским жизненным опытом кандидата социалистических наук (судя по его диссертации) в кресло главы капиталистических преобразований России?

Именно этот кандидат наук с ходу предложит и сам же возьмется насаждать «блистательную садистско-эпохальную» программу «ваучеризации» страны. Правда, Чубайс умолчит, для чего и кто ее придумал.

Однако возвратимся в тесно уставленное столиками маленькое кафе, где за шторкой после дегустации содержимого большинства наличных разнозапечатанных бутылок неизвестного происхождения сотрапезники уже стали пытаться, по большей части руками, угощать друг друга ассортиментом еле умещавшихся перед ними кавказских блюд из всей местной поваренной книги. Наблюдать такое в середине дня мне было еще довольно странно. Тем более, если учесть: в сотне метров от этого переднего края всепоглощающей страсти к еде шла своим чередом сессия, где места для голосования этих застрельщиков нового обеденного почина пустовали.

Депутат Егоров от выпитого стал громко давать сам себе необычные советы, как добраться до уборной и что там нужно сделать. После чего встал и попытался выйти из-за стола, держась для равновесия за собственный пиджак. Но с первой попытки ему это не удалось. Зато он обратил внимание своих друзей на двух женщин, вкушавших поодаль, и громко изъявил желание быть заваленным любой из них на первую же подвернувшуюся кушетку не позднее сегодняшнего вечера. После чего собутыльники резко почувствовали, что тоже сильно их любят. Это, по всей видимости, породило в пьяном угаре пленительные очертания и рост потребности получить ответную нежность одновременно с необходимостью переместиться с неконтролируемыми намерениями в сторону равнодушно жующих особей противоположного пола, у одной из которых каблуки были вровень с мужскими коленями, чем олицетворяли банальный жизненный штамп: продолжением достоинств всегда бывают недостатки. Другая же, напротив, имела, как обычно бывает среди подруг, небольшой рост и внешность, объяснимую пословицей: изо всех зол нужно выбирать наименьшее, чтоб не кусать потом собственные зубы.

Егоров, вероятно, стремясь предстать очаровательным, хотя очарования в нем было даже по трезвому не более, чем в боевом топоре индейцев, повел себя, как еж в гостиничной постели, и ни с того, ни с сего вдруг внятно объявил о необходимости давать женщинам в жизни только то, что они смогут надеть вечером. При этом рекомендовал обращаться с ними, как с лошадьми, проявляя нежность, характеризующуюся движениями, какие бы он сам пожелал ощущать, будь он лошадью. В общем, из его реплик выходило: Егоров даже после сытного обеда испытывал сильный сексуальный голод, породивший партнерское сочувствие на сером анемично-отечном лице Саши Беляева — вечном холостяке, неопытном и не сведущем ни в чем.

Стремление перенестись в восхитительную атмосферу всеобщего увлечения было поддержано и остальными компаньонами. Даже у Толи Чубайса глаза, прикрытые рыжей челкой, разъехавшейся по невысокому лбу, сделались как у нашкодившего кукушонка, передавившего в чужом гнезде все яйца. Он быстро и невинно заморгал белесыми ресницами, тем самым подчеркивая свое разительное сходство с юным тощим поросенком, поднятым за лапу нехозяйской рукой.

Тут из-за стола, видимо, охваченный общим порывом, поднялся четвертый, сперва не опознанный мною бородатый собутыльник, который разворотом анфас и архитектурой своего живота совпал с портретом пламенного сопредседателя «Народного фронта» Петра Филиппова. Куда он собрался, к дамам или в туалет, неведомо, но распахнутой молнией на брюках Петя довольно бесцеремонным способом бесспорно пытался доказать соседкам свою привлекательность. В это время перед ним прошмыгнула кошка черного цвета — приживалка местной кухни. Несмотря на подпитие, Филиппов двигаться через невидимый барьер, воздвигнутый ритуальной киской, вмиг раздумал. Полагаю, он был суеверен, как все мошенники и дипломаты.

Внезапное появление в кафе этого нардеповского персонажа прервало неотвратимо надвигавшуюся пьяную волнительно-романтическую стыковку с соседним столом. «Пуделисты» с радостными возгласами переключились на вошедшего, вмиг утратив интерес к осуждающе-недоумевающим женщинам. Один лишь Филиппов, по инерции приняв эстафету, дополнительно предложил обсудить еще приемы отделения нарядов от женского тела. Причем, насколько можно было понять, Петя не был в таком важном деле идеалистом и допускал применение грубой физической силы даже при условии, когда сам процесс распрягания партнерши не доставлял ему никакого удовольствия. Филипповская тема поддержки у друзей не нашла. По всей видимости, ввиду их нежелания заниматься подобным делом в рабочее время. Однако длинная женщина все же отреагировала на Петин пассаж пожеланием ему сотоварищи покоиться на двухметровой глубине под кроной липы или березки. Такое место она считала лучшим для любого из них.

Опоздавший зачинатель ужина в обед был под стать остальным: из числа наиболее ярких представителей фракционных групп и завсегдатаев мест постоянных депутатских перекуров. Своим активным коридорным болтанием он связывал, как вонючей веревкой, мнения и корпоративные интересы большинства противоположных разгильдяйских формирований «нардепов».

По постоянно оживленному виду, сильной забородавленности и деловой озабоченности этот парень очень походил на молодого гамадрила, виденного мною как-то в сухумском обезьяннике. Только у нашего была совиная голова грязно-желтой масти, как вылинявшее современное украинское знамя, с носом и подбородком, созданным Всевышним разве что для раскалывания лесных орехов. Он состоял членом «Общества зеленых» и, по всей видимости, из уважения к матушке-природе пытался вести экологически чистый образ жизни. По крайней мере, не стриг волосы повсюду, где они росли, имел запах, также напоминавший мне сухумский питомник, и выпирающие даже из-под бороды, схожей по виду с американским бизоном, прекрасно развитые

челюсти, по мощности которых можно было заключить, что этот человек всю жизнь жрал лишь сырое мясо. В общем, он был самый волосатый субъект, каких мне приходилось встречать, с могучим по числу лет от рождения интеллектом, поэтому никаких глобальных реформ не предлагавший. Все разговоры на экономические темы поддерживал с убедительностью рассуждений о красках отродясь слепого. Больше любил вещать о фундаментальном камне у себя в печени то ли в почке. При этом всегда ослепительно улыбался, словно агент ходячей рекламы по продаже вставных челюстей. Возможно, такая изысканная манерность позволяла ему самому легко отыскивать местонахождение своего рта среди бизоньей бороды, чтобы влить туда что-нибудь и вбросить закуску. Сколько раз я с ним встречался — он был всегда вне себя от радости. Может, поэтому я его фамилию гак и не запомнил.

Как-то в порыве разоблачительной искренности он поведал мне мимоходом о своем додепутатском изгнании из торговли за плутни. Поэтому теперь «волосатый» плотно крутился со своими идейками вокруг ленсоветовской комиссии по торговле, сильно интриговал когда-то уволившее его руководство торга и симулировал исполнение всяких комиссионных поручений.

Обедающие, судя по всему, ждали его появления, несмотря на алкогольно-антуражное раскрепощение своих похотливых желаний. После взаимных теплых похлопываний с разных сторон и диких радостных восклицаний, вероятно, свидетельствующих о возбуждении при виде друг дружки, они тут же сгрудились вокруг своего стола, сдвинув бороды, сомкнув челюсти, лбы и челки. Их нетрезвость, как ни странно, вовсе не помешала в сжатых выражениях изложить громко и внятно на весь зал дерзновенную идею завтрашнего свержения Собчака с трона председателя Ленсовета. Мне не нужно было прислушиваться, ибо невозможно стало не услышать детального планчика подпитых заговорщиков.

Оказалось, используя отлучку Собчака в Таллин, противоборцы «патрона» из числа наиболее отпетых депутатов, которые вместе со своими единомышленниками в основном занимались изобретением садистско-казуистических регламентов процедур при общем голосовании и других формальных актах работы сессии, решили организовать большинством голосов «выражение недоверия» или, как впоследствии назовут, импичмент председателю Совета. Тем самым, в соответствии с «демократическими» нормами, предопределив уход Собчака со своего поста и воплотив в реальность постоянно долетавшие даже до меня слухи, как бы загустевшие в невозможности исполнения. Выходило, что сама эта операция была уже тщательно и заблаговременно спланирована, а также отрепетирована. Весь расчет строился на отсутствии Собчака, дабы некому было дать объяснения на водопад подготовленных возбужденно-критических выступлений участников сессии в его адрес, которыми требовалось «разогреть» зал, после чего внести в повестку дня вопрос и дружно проголосовать за недоверие. Ну, а потом — уже проблема Собчака, как это доверие вновь обрести либо сложить с себя полномочия председателя Ленсовета. Примитивно, но, не спорю, ловко было задумано. Правда, сама высказанная схема смещения с должности в правовом отношении выглядела не совсем убедительно. Еще существовал КЗОТ страны, а подготовленная модель свержения базировалась исключительно на принятии решения сессией «за глаза», что потом могло вылиться в долгие юридические дрязги и общую склоку. Однако от этой компании всего можно было ожидать. Они пытались выкинуть «патрона» из кресла, не будучи зараженными дружными подозрениями в будущих его предательствах и кражах, а действовали исключительно из своекорыстных и карьеристских соображений. Поэтому я, обеспокоясь, решил срочно переговорить с адмирал-профессором Щербаковым, кстати, в отсутствие Собчака председательствовавшим на проходящей сессии.

Подошедший к столу заговорщиков хозяин этой кооперативной забегаловки тепло поблагодарил депутатов за визит и намекнул на ненужность расчета. Вконец осовевшими сподвижниками коммерческий намек был воспринят с сытым иканием и благосклонностью. Я же быстро доел, рассчитался и помчался во дворец, по дороге обдумывая возможные контрмеры, хотя и на скорую руку было понятно: для спасения персоны требовалась срочная доставка тела Собчака из Эстонии не позднее исхода завтрашнего сессионного дня. Щербаков, выслушав мое «сенсационное» сообщение, как ни странно, беспокойства не проявил, но мой вывод о необходимости немедленного приезда «патрона» одобрил. Сам выяснил, что рейсовые самолеты ни сегодня, ни завтра в Таллинн не полетят, а поездом явно не успеть. Однако в поиске нестандартного средства доставки Собчака участвовать отказался, чем меня сильно удивил, но не разочаровал. Тогда я сам позвонил командующему воздушной армией генерал-лейтенанту Никифорову, тоже депутату Ленсовета. Он меня выслушал и предложил приехать к нему в штаб, видимо, не пожелав решать этот вопрос по телефону. В своем кабинете, стоя спиной к наполовину зашторенной карте ПВО района, генерал-депутат доходчиво растолковал мне, как родному, по какой причине он спасать Собчака не желает и поэтому самолет не даст, сославшись для отвода глаз на тысячу мотивов. Мне осталось поблагодарить его за откровенность и удалиться прочь.

Кроме военных, осуществить задуманный полет мог Валерий Тюкин — командир 2-го объединенного авиаотряда, что базировался на Ржевке. Зная друг друга, мы с ним быстро нашли общий язык, обговорив тип самолета либо вертолета, время вылета, маршрут, разрешение ПВО и пр.

День клонился к закату, а мне для безошибочного поиска еще требовалось определить завтрашнее местонахождение Собчака в Таллине. Методом многократного телефонного набора и это удалось решить без эфирного объяснения причин.

Утром, прихватив для «патрона» пару пуховых курток, я прибыл на аэродром, где меня уже поджидал Тюкин подле разогретого вертолета, самого маленького из семейства «МИ». Быстро пройдя над краем леса и городских кладбищ, пилот вывел машину через новый жилмассив Комендантского аэродрома на берег Финского залива к устью реки Каменки пред Лахтой. Внизу, насколько хватало глаза, разлилась «Маркизова лужа» Петра Великого. Мы на малой высоте пересекли залив, оставив под собой остров Котлин, и вдоль левобережной кромки моря устремились в сторону Эстонии.

Удобно устроившись в штурманском кресле, я под рев мотора начал чуть кемарить. Пилоту это, видно, показалось завидным, и он, нахлобучив мне силком наушники, повел неторопливую беседу «за жизнь». Всю дорогу мне пришлось больше слушать его и кивать, нежели включать свой микрофон. Этот славный парень, ведя машину порой чуть ли не на уровне обрывистого берега

вдоль пенистой ленточки морского прибоя, сперва выразил удивление выбором народа, приведя в качестве примера механика своего авиаотряда А.Родина, которого я также знал по Ленсовету. Он постоянно щеголял в коричневом вельветовом пиджаке с намертво закрепленным на лацкане умелой рукой авиамеханика депутатским значком. Этот Родин входил в спешно созданную «нардепами» какую-то комиссию «Матери и ребенка» то ли по борьбе за детство и материнство, или бороться собирались с детством и материнством. Как стало потом всем ясно, первичное название определялось конечным результатом.

Трудясь до избрания в авиаотряде, Родин склонял своих сослуживцев считать все, делающееся ради собственного удовольствия, дешевле работы по принуждению. Поэтому рекомендовал всем ничего не делать, но требовать постоянного увеличения зарплаты. Сам он этого правила придерживался неукоснительно, будучи принципиальным противником любого созидательного труда не на свое благо. Первое время он постоянно слонялся по аэродрому со своим стаканом, видимо, боясь, как бы из-за отсутствия посуды не пришлось промазать мимо «халявы». Потом и стакан затерял. На заре кооператорства усиленно мечтал о выгодных «сделках» вплоть до похищения Папы Римского с применением вертолета. Папу, как считал авиамеханик, все любят и поэтому дорого дадут за его возврат. Таким образом, стибренный Папа будет очень выгодным товаром. В итоге же аэродромный Родин, став депутатом, остановил свой выбор на «детстве и материнстве», обратив пламенеющий взор авиатора на еще не растащенные роддома и детские приюты. Однажды он даже был показан весело улыбающимся по телевидению среди трогательной группы сироток под руководством мрачной женщины с безукоризненными миндалинами ногтей и сурово-печальным выражением лица. Хотя по сценарию от происходящего вокруг Родин должен был вместо веселья расстроиться до самоповешения на новогодней елке.

В конце передачи взятые напрокат ребятишки, жизнь которых Родин расписал самыми мрачными красками, тоже сильно развеселились. Но и это не помешало депутату довершить заданную тему призывом спасать сирот, «расплодившихся при коммунистах». В оставшуюся минуту телевещания авиатехник-депутат Родин умудрился дать несколько смелых своей нескромностью, откровенно-детальных рекомендаций роженицам, как будто сам в жизни испытал радость материнства.

Защищая избирателей, сгоряча наделавших таких депутатов, я летчику объяснил, что только в жалкой комедии «нардепы» имеют вид командующей стороны, а народ повинуется. Это просто игра, одна лишь видимость. На самом же деле и те, и другие влекомы неведомой силой бытия. Всех по свету носит инерция. Попавшие под колеса машины, как правило, не в состоянии ответить, зачем и куда они так неосторожно стремились.

…Слет передовиков разгрома СССР происходил на этот раз во дворце эстонских партийных съездов, куда удалось попасть довольно быстро. Преодолев множественные прекрасно вооруженные кордоны неизвестного рода охраны, наконец добрался до дверей зала, где заседала вся эта компания.

Помятуя, что не рекомендуется делать резкие движения в абсолютно не знакомом «интерьере», я стал подыскивать способ, как проникнуть внутрь сквозь последнюю преграду, через которую, как я вскоре заметил, постоянно шныряла восхитительная особа из числа красивых женщин, уже успевшая усвоить, что, если свою Богом данную внешность не довесить какой-либо нужной профессией, тогда рано или поздно рискуешь превратиться в жуткую обузу для мужчин, осчастливленных в юности полакомиться ее красотой. Она оказалась референтом премьер-министра Эстонии. Подчеркнув ее безусловное превосходство в этом помещении, я обратился к ней за советом, попутно выразил свое восхищение, и в результате с ее помощью был доставлен в нужное мне место.

Это был даже не зал заседаний, а, скорее, фойе, уставленное вдоль окон и стен кадками с зеленью, корзинами с цветами и угрюмо-сосредоточенными зверскими рожами невиданной по числу и технической вооруженности охраны. За подковообразным столом, напоминавшим чей-то пьедестал, сервированный бутылками с прохладительными напитками, восседало множество прибалтийских, слетевшихся вместе антисоветских жар-птиц, которые, как известно, стаями не летают. Вся обстановка живо напоминала традиционный антураж сходнлка «крестных отцов» мафии в Палермо.

(Поспешу внести ясность: пока участники встречи походили на итальянских мафиози только с виду. Делами же они сравняются с сицилийскими «донами» чуть позже. За короткий промежуток времени, например, Собчак быстро раструсит и так еле заметные жизненные принципы и моральные устои. После чего, уже не таясь, примется в роли «свадебного генерала», а по-ихнему — «крестного отца» гулять на именинах подвернувшегося махрового жулья в компании с начальником ГУВД и приятельницами, работающими у гостиниц, а также бедоносмо пахнущей шпаной вместе с забубёнными лидерами криминальных образований. Там он станет потреблять в неограниченных количествах черную икру, горячо любимую со времен студенческого жития, плясать гопачок и вместе с «главментом» чокаться со всеми подряд бандитами. Именно такие личные контакты и «гражданское согласие» между представителями прямо противоположных социальных групп и формирований образуют во всем мире понятие «организованная преступность».)

На мое появление в зале вместе с референтом премьер-министра никто внимания не обратил. Я осмотрелся. Действительно, присутствие было блестящим. Такого набора известных на всю страну «героев прибалтийской перестройки» мне видеть одновременно не приходилось. Причем все это были современные глазы либо лидеры общественных движений трех еще пока советских республик, где впервые в СССР из колхозных ветеринаров быстро делали министров юстиции, а рядовых юристов назначали министрами сельского хозяйства. Один лишь Собчак представлял горсовет областного города РСФСР, что явно не гармонировало со статусом остальных.

Выступавшие со свойственной прибалтам равнодушной сдержанностью призывали к необходимости быстрейшего разрушения всего советского, союзно-русского и изгнанию из наших со времен Петра I земель всех русскоязычников. Дальше, видимо, чтобы никто не смог «сачкануть», шло поименное обсуждение призывов.

Как раз поднялся Ландсбергис — ванильный доктор советского искусствоведения, а ныне безжалостный враг всех русских в Литве. Он дал осмотреть себя присутствующим, как на рынке предлагают пробовать соленый огурчик, и, поправив очки, спокойно заявил, что русским нет места на берегу Балтийского моря, где они за века воздвигли много портов и городов. Услышав такое, я был ошарашен. Собчак сидел за столом в дальнем от меня углу с остекленелым взором. По восковой спелости сосредоточенно-несменяемого выражения лица можно было смело предположить, что им, как экспонатом для своего музея, уже неоднократно интересовалась мадам Тюссо.

Дошла очередь выступить ему. «Патрон» сперва, чтоб его не приняли в этой, как мне показалось, малознакомой компании за «керю с электрички», заявил, что он «профессор права из Ленинграда», а дальше, к моему удивлению, принялся разглагольствовать о путях «разумного» (его выражение) разрушения страны и вместо безоговорочного изгнания — о создании временных резерваций для русского населения на территориях прибалтийских республик. Затем он многословил различными идеями государственного обустройства постсоветского периода в России, где нужно будет постоянно грабить население и периодически кое-кого убивать, дабы люди не думали, что о них новые власти перестали заботиться.

Его выступление было восторженно встречено, если так можно сказать о прибалтах.

Обводя присутствующих взглядом превосходства, «патрон» внезапно уперся в меня и смешался, как невеста, в день свадьбы застуканная женихом в объятиях другого. Скажу больше: мое появление в зале «патрона» огорчило и раздосадовало, словно современную барышню, которую кроме девичьей чести угораздило разом потерять еще, к примеру, и варежку.

Вытащить Собчака из этого антирусского ужатника мне стоило большого труда. Когда мы на машине с сиреной уже мчались к аэродрому по рельсам таллинских юрких трамваев, Собчак все еще продолжал сокрушаться отрыву его от очень важного занятия и прекрасной компании. На летном поле он успокоился. Критически осмотрел пригнанный мною вертолет и посетовал на невозможность укомплектовать весь свой штат такими же красивыми референтшами, как у Сависаара. Я посадил его на заднее сиденье, укрыл пуховиками, водрузил наушники для связи, и мы споро взяли курс на Ленинград.

В воздухе он сперва, как и любой непривычный, всунул голову в выпуклую сферу иллюминатора и пытался разглядывать что-то на покинутой эстонской земле. Но быстро утомился и, удобно умостившись на неуютном сиденье, принялся осторожно выяснять мою реакцию на виденное и слышанное в Таллинском дворце съездов. В это время под нами растянулись корпуса крупного межреспубликанского производства союзного значения, на что я обратил внимание «патрона». Вслух отметил огромные средства, вложенные Союзом в создание мощного промышленного потенциала исстари аграрной Эстонии. И если они задумают вдруг отделяться, то будет резонным предложить возвратить все до копейки, после чего пусть катятся ко всем чертям. Хотя, конечно же, деньгами не компенсировать ухлопанные десятилетия безвозмездно напряженнейшего труда русских по созданию единого народнохозяйственного комплекса и производственной мощи Эстонской республики, отвечающей всем международным понятиям государственности. Ленинский принцип социалистической кооперации может для нас обернуться своей отрицательной стороной. Если бы не этот принцип и многолетняя дружественная политика помощи прибалтийским республикам в развитии, а обычный, апробированный веками в мире колониальный подход, то сегодня терять тут России было бы нечего. А самоотделение Эстонии привело бы лишь к смене у нее хозяина и усугублению колонизации. Но увы! Похоже, мы за нашу искреннюю дружбу будем наказаны. И немудрено! За любовь всегда платят дважды.

После того, как наушники донесли мою точку зрения до Собчака, он нахмурился и жестом попросил меня показать кнопку включения своего микрофона:

— Я думаю, тут дело не в дружбе, а в отжившей системе центрального планирования, доказавшей всем полную несостоятельность удовлетворять насущные нужды народа, — начал он свой радиосеанс.

— Даже если система планирования имеет существенные изъяны, — вмешался я, — и не способна качественно справиться с жизненно важными проблемами человека, то социально-экономическая модель, только что слышанная мною во дворце съездов, вовсе исключает эту цель из списка своих задач. Как я понял из высказанного вашими прибалтийскими «сподвижниками», проблемы человека, кроме него самого, волновать никого, и в том числе государство, не будут.

— Ну, во-первых, какие они мне сподвижники? — спрятал глаза «патрон». — А во-вторых, это же отлично! Лишенный опеки государства, народ наконец образумится, и каждый гражданин сам станет думать о себе, пытаясь заработать деньги на хлеб кто чем сможет.

— Ну а если нормальным способом человек не может добыть пропитание? Тогда как? — отреагировал я.

— Смотря что называть ненормальным, — перебил меня «патрон».

— Как что? Ну, например, пока мы ехали в аэропорт, вы, как я заметил, натирали свои глаза о мерно покачивающиеся бедра школьниц, прогуливавшихся в центре у Вышгорода. Даже если до получения аттестата зрелости эти барышни не позволили себя несколько раз обмануть, то, вынужденные зарабатывать на жизнь сами, без помощи и заботы государства, они, кроме как привлечь чье-то внимание частями своих тел, больше никакого способа найти не смогут.

— Вот и хорошо! — не до конца понял Собчак. — Пусть зарабатывают, чем хотят.

— Да! Но если эти школьницы в своей неспособности заработать другим манером не одиноки среди остальной молодежи? Что ж, им всем идти на панель? Ведь тогда, исходя из рекламируемой вами желанной конкуренции, цена живого товара быстро

упадет до стоимости ломтя хлеба. А если это будет ваша дочь? У вас их, кстати, две!

Собчак нахмурился и, чуть помедлив, изрек по радио:

— Вы, Юрий Титович, ошибочно и неперспективно мыслите! Мои дочки тут ни при чем. Это не их удел.

«Патрон» всегда переходил на «вы», если его что-то раздражало.

Я возражать не стал, но подумал: если в перспективе у основной когорты «демократов», охваченных душевной болезнью, связанной со сбивчивостью понятий и представлений, действительно задача развалить промышленность, обездолить население и выгнать детей на панель, то я, вне сомнений, мыслю «неперспективно».

Мы уже подлетали. Потянулись необозримые и пока еще обихоженные поля пригородных совхозов.

Но не за горами тот спад, когда в «демократизированной» России сильно забурьянят десятилетиями обрабатываемые пашни. И только в местах, где не захотят травить своих детей западными погаными продуктами, будут, презрев «демократию», стараться использовать собственную землю.

…Внезапное появление Собчака на сессии в кресле председательствующего привело готовившую «импичмент» алкогольную идиллию в неописуемое помешательство. Все запрограммированные критические соло были легко парированы «патроном», в связи с их полной надуманной изобретательностью. План городских заговорщиков, возжелавших броситься на Собчака, как дети на щенка, был торжественно сорван. Беспомощно толпящиеся в проходах вокруг своих мыслителей рядовые соучастники «акции недоверия» производили отрадное впечатление. Они довольно внятно говорили много приятного об интимной связи с матушками основных организаторов. А несколько народных избранников тут же потянулись в приемную Собчака засвидетельствовать свое почтение и непричастность к попытке депмятежа, а заодно выразить трусливо-верноподданнические чувства. Дорога к кабинету «патрона» была уже выстлана благомыслящими доносчиками, решившими в страхе, на всякий случай, снискать его расположение.

Собчаку, только что благополучно миновавшему жизненный риф, был приятен этот «деловой» шум и доставляло истинное удовольствие наблюдать, как отдельные «нардепы» трясутся. Когда схлынуло волнение непорочно кающихся напоказ, «патрон» с видом человека, не скрывавшего принадлежность к числу своих почитателей, снисходительно спросил у Валерия Павлова о других важнейших новостях за время его отсутствия.

— А еще, пока готовилось в Ленсовете это провалившееся сейчас выступление депутатских масс, где-то в мусульманских горах, судя по дошедшим сообщениям, неожиданно и дружно спятил весь кишлак, — пошутил я.

Глава 21

Крысы на торте

…Нельзя сажать на посты губернаторов адвокатов, академических юристов и прочих говорунов. Надо искать людей знающих, опытных и, главное, честных, а не болтливых воров только…

В первую же светлую заутреню после благоухающего всеми летними запахами межсессионного похмелья у «нардепов», принадлежащих к быстро родящимся и меняющимся фракциям, наступил хлопотливый месячник противных до смерти забот — как и с кем объединиться, чтобы свергнуть Собчака. Совместный поиск достаточного числа голосующих кознеисполнителей требовалось провести за несколько недель в перерыве между сессиями. Таким образом, в Ленсовете стартовал второй отборочный тур замышлявших оформить регламентным актом недоверие «патрону».

Проблема горячо возжелавших изгнания Собчака виделась в самоподстрекательстве каждого депутатского групповода исполнить сей номер сольно. А это обтяпать без заранее согласованной единодушной поддержки неоспоримого большинства остальной массы мандатовладельцев было практически невозможно. Более того: хаотично мыслящую публику раздирали постоянные внутренние распри и неуемный индивидуальный пыл. Каждая мало-мальски оформленная фракция относилась к нарождающимся депгруппам и течениям чрезвычайно брезгливо, публично критически сокрушая любую иную точку зрения, тем самым насаждая у нас давно известное в Латинской Америке: возникшие неправедным путем правительства сами всегда и без всякой иронии осуждают подобный путь.

Дабы антисобчаковское единение депутатов не состоялось, требовалось попытаться разворошить их муравейник и, продемонстрировав миру его содержимое, заставить обитателей срочно заняться лишь восстановлением лабиринтов порушенного убежища, презрев все остальные свои заботы.

Пока шел спешный поиск контрмер, последовал абсолютно непредвиденный ход председателя исполкома, по-нынешнему — мэра — Щелканова. Бывший бравый морской офицер, а затем магазинный грузчик, подзуживаемый сподвижниками, неожиданно сделал сногсшибательное заявление по городскому телевидению. Что называется, ударился головой о собственное лицо. Этот «красавчик», зачем-то походя уверявший окружающих в умении говорить, кроме всего прочего, еще на кой-каком импортном языке, сыграл в телестудии роль потерпевшей курицы, за которой по двору гоняется кухарка с ножом. Кухаркой, разумеется, был «патрон». При этом телевизионный облик Щелканова, пребывавшего в какой-то экзальтации мученичества, походил на несчастного, который прежде, чем душа расстанется с телом, желал всем окружающим намекнуть не поминать лихом его покорность судьбе и готовность уйти в отставку, что по твердому убеждению уходящего будет жуткой трагедией для всех горожан. По описанию Щелканова, деятельность «патрона» живо напоминала бытие сиракузского тирана, ежедневно приходящего на службу с одной-единственной целью — поймать на любой оплошности председателя исполкома и сломать об него какой-нибудь предмет типа швабры или, на худой конец, садовые грабли. Одним словом, в такой обстановке Щелканову работать-де больше невмочь и поэтому у всех жителей, поставивших на него, как на скачках, он просит прощения за внезапный сход с беговой дорожки. В заключение своего телевыступления отставной военмор и бывший грузчик не преминул заверить ленинградцев в продолжении своей беспощадной борьбы за улучшение их жизни даже в отрыве от исполкомовского кресла. Затем Щелканов молча уставился в зрачок телекамеры, видимо, подразумевая там встретиться с глазами миллионов зрителей, и стал виновато-глуповато улыбаться, как массовик-затейник из какого-нибудь Кислощанска или Вялодрищенска в случаях, когда его лихие уездные шутки почему-то уже не производили нужного впечатления на отдыхающих местного пансионата. В этот момент оператор представил полукругом сидящих депутатов из группы поддержки, которые, пользуясь случаем, повели открытый, студийно-доверительный и важный разговор о смысле жизненного существования их протеже Щелканова в кресле председателя Ленгорисполкома рядом с такой «бякой» Собчаком. Договорились до того, что сами с ужасом заметили слезу в глазу одного из них и, вероятно, поэтому решили замечательную антисобчаковскую тему дальше не развивать, ибо совсем уже близко подошли к началу уговоров самих себя разом покончить жизнь самоубийством исключительно из пацифистских соображений. После этого «сенсационного» выступления была продолжена трансляция прерванного футбольного матча.

Такой прием с добровольно-внезапным сложением с себя любых, якобы данных народом властных полномочий был еще всем достаточно в диковинку и поэтому прошел великолепно. Щелканову стали сочувствовать и симпатизировать, а Собчака принялись резко критиковать. Цель в абсолютно новых для нас, еще только начинающихся «демократических» играх с общественным мнением была, бесспорно, достигнута.

(Подобные инсценировки очень полюбятся «демократам», и у нашего пионера Щелканова впоследствии найдется масса последователей даже в высшем эшелоне власти. Баловаться с уходом в отставку примутся многие, категорически не желавшие терять доходные места у властной кормушки.)

Утром следующего дня растерянный вконец Собчак стал объектом для яростных нападок депутатов, требующих объяснить, как он довел Щелканова до такой жизни.

В результате азартных дебатов было решено: после, как обычно, сытного обеда «нардепы» полакомятся сценой примирения «патрона» со Щелкановым. Для чего Собчаку было ультимативно предложено публично покаяться и заодно, принеся извинения Щелканову, прилюдно уговорить его остаться в своем кресле, убедительно заверив не задевать впредь отставного каперанга. Спешно под управлением Саши Беляева была создана депутация по выработке регламента примирения двух важных персон и претворению этого сценария в жизнь.

Сценой для исполнения задуманного почему-то избрали кабинет «патрона», а не менее просторные апартаменты Щелканова. Хотя в целях более полного унижения Собчака экзекуцию с вымаливанием прощения, казалось бы, разумнее провести на территории заказчика.

На саму процедуру в кабинет Собчака были допущены лишь председатели комиссий да самые агрессивные недоброжелатели «патрона» из числа наиболее негативно настроенных депутатских группировок. Пристроившись в углу и наблюдая за всей этой тусовкой, мне нетрудно было прийти к выводу о полной бесперспективности такой более чем эмоциональной возни. Серьезность момента была явно имитирована почти всеобщим депутатским желанием унизить Собчака и вытереть свои ноги о его пиджак. Именно этим определялась вся возвышенная торжественность проводимой акции. В такой, почти «победный» день даже председатель депутатской комиссии Ленсовета по культуре напился умеренно.

Собчака пригласили в его же кабинет уже после того, как там расселись сами «комиссионеры». Видимо, подобную воспитательную схему кто-то слямзил из практики проведения педсоветов в начальной школе для дефективных детей. За длинным столом заседаний было тесно. Лица большинства народных избранников, чья нравственность походила на лунапарк, тихо светились вдохновенной остервенелостью и возвышенной надеждой задавить Собчака паровым катком истории. Председательский подиум в торце стола как бы невзначай занял Саша Беляев и попросил сосредоточить гневный взор на объекте своих акций всех омандаченных «внучат Шарикова», горевших желанием порвать «патрона», как Тузик тряпку. После такого вступления будущий председатель, но уже Петросовета, стал шевелить носом, как кролик, и академизированно балбесить — вероятно, единственное, что он смог освоить в своей аспирантуре.

Депутат Егоров, исподлобья поглядывая на «патрона», явно боролся с радостной ухмылкой на отроду недоброжелательной физиономии. Он, вероятно, был не в состоянии пресекать собственное удовольствие при виде утопления любого другого.

Собчак подсел с угла на краешек стула и, давясь бессильной злобой, вдруг забормотал на манер подпитого водопроводчика жэка, пытаясь выяснить у сидящего напротив Щелканова, чем он так его обидел на подступах XXI века в «совместной борьбе за рассвет демократии, преобразования и, разумеется, прогресс с реальным воплощением мечты о счастье всех тогда еще ленинградцев, а не «петербуржцев», так долго притесняемых коварными коммунистами». Потом пошла какая-то нудянка с препирательствами в поисках компромисса между формирующейся сворой будущих грабителей городского имущества. В конце встречи Собчак промямлил что-то похожее на извинения в адрес находчивого Щелканова, после чего членов депутации охватил небывалый восторг, как нежданных гостей, поспевших к разрезанию торта, и они сами дружно предложили Щелканову для успокоения якобы взволнованного населения срочно выступить по телевидению с «экстренным» сообщением о пересмотре своего предварительного, но категорического решения уйти в отставку, дабы не обезглавить город.

Молча отнаблюдав всю эту постановку, мне стал ясен план дальнейших действий. Вечером, кое-как успокоив «патрона», я отправился в НТК «600 секунд» к Невзорову. Свою изнурительную, каждодневную работу по иногда гениальной демонстрации городской клоаки Александр Глебович заканчивал обычно около полуночи, но с рассветом был уже на ногах. Бесспорной талантливостью он сумел заставить миллионы людей тянуться всю неделю к экранам телевизоров в назначенное для его передачи время, таким образом создал прекраснейшую в агитационно-пропагандистском смысле амбразуру для отражения любого социального явления либо индивидуального объекта. Возможность использования этого невзоровского оружия в своих целях притягивала к нему массу разных, порой враждебных друг другу интересантов — от малочисленных сектантов до милиции вместе с КГБ. Ему же удавалось приятельствовать со многими нужными людьми, оставаясь при этом пока еще почти вне чьего-либо контроля и явной зависимости. Подобному обстоятельству немало способствовали личные качества самого Невзорова. Причем не столько неврастеничность характера и дикость манер, выжигающие пространство вокруг него, сколько особенности его крайне не устойчивой психической конструкции. Именно поэтому творить с блеском по заказу, чей бы он ни был, ему представлялось трудноисполнимым, а точнее, почти невозможным делом. Такие работы, когда они бывали, по уровню творческого исполнения не достигали даже качества художеств обычного телеремесленника, что самого Невзорова впоследствии страшно угнетало. Видя свое творческое бессилие, он порой доводил себя до сильных психовспышек бешенства. Для раскрепощения заложенной в нем искры Божьей Невзорову, как королевской форели, обязательно требовалось встречное течение. Только идя против него, он с блеском мог демонстрировать зрителям всю мощь своих творческих сил и возможностей. Попросту говоря, для изготовления талантливой, проникающей в сознание и души людей телепередачи Невзорову нужен был самостоятельно избранный им, достаточно известный своей силой, но желательно безопасный противник. По понятной причине, над львом либо тигром лучше всего вдохновенно-шикарно куражиться и захватывающе-дерзко дразнить, когда хищник находится в клетке. Хотя до степени риска, испытываемого цирковым укротителем, Невзоров доходил с неподдельным энтузиазмом и весьма легко. В общем, для нужного чрезвычайно нервного психологического самонастроя, чтобы достигнуть блистательного, хлесткого результата, изумляющего досточтимую публику, ему требовалась ярко освещенная софитами общественного эффекта арена, в лучах которой он предпочитал одиноко купаться в кожаной куртке, обольщая всех своей одаренностью и лихой смелостью замаха на слонов и прочих крупных особей с интуитивно определенного безопасного расстояния. Чем популярней был противник и труднодоступней цель, тем интересней творил Невзоров, прикидываясь то красной тряпкой пред быком, то острой шпагой в искусных руках тореадора. Но никакую черновую, да еще долговременную работу наш «маэстро» исполнять, к сожалению, был не в состоянии. Причем не только не желал заставить себя ею заниматься, но, подозреваю, просто не умел выступать в роли охотничьего загонщика, чисто психически не совладая с необходимостью порой уступить кому-либо право первого выстрела. Поэтому допускал к нахождению вокруг себя лишь безропотной прислуги, но заносчиво исключал любых партнеров. Все время нашего приятельства он мне напоминал самовозгоревшуюся свечку, не знающую, что время ее горения впрямую зависит от внезапного задува и необычайно быстро расплавляемого воска. Поэтому ровный, а не всполохами огонек, хорошо освещающий все окрест, даже при движении против общепринятых течений был возможен лишь в защищенных от порывов ветра и других невзгод условиях да в окружении надежных товарищей, коих он

заведомо исключал.

Отчетливо представляя, с кем придется иметь дело, я, тем не менее, все равно решил обратиться с предложением о сотрудничестве именно к А. Невзорову. Сложность начала нашей совместной работы состояла в необходимости неприметно для самого Александра склонить его от криминально-богемной тематики полюбившейся всем передачи «600 секунд» в сторону не менее грязного, но более опасного политического большака. Причем, как уже говорилось, не указывая и не навязывая ему цели для поражения, а, с учетом его хрупкой болезненной психики, исподволь подсовывая ему для самонаводки объекты, подлежащие пропагандистскому обстрелу. Одним словом, только при соблюдении мною этих чутких условностей Невзорову можно было рассчитывать на публичный, персональный, творческий, шумный, но уже политический успех, а мне, стоящему за кулисой, — на пропагандистско-идеологическое поражение невнятно прямолинейно означенных Александру мишеней, подлежащих уничтожению по совсем иным, чем он себе представлял, причинам. Таким образом, развернуть и использовать весь Богом данный Невзорову талант в нужном делу направлении представлялось на первый взгляд задачей не сложной, но фактически очень трудноисполнимой.

Мою вечернюю встречу с ним в НТК-600 мы закончили глубокой ночью у подъезда его дома на улице, носящей имя великого русского писателя. За это время удалось исколесить на моей машине почти весь город и кое в чем его убедить.

Несколько дней спустя, на исходе летней ночи, когда мошкара еще пляшет вокруг желтых кругов фонарей и беспризорные кошки вовсю мяучат цыганщину вперемешку с бетховенщиной, мне пришлось громко барабанить в дверь его квартиры, так как звонок, подвергшись очередному налету поклонниц, не работал. Растолкав и привезя заспанного Невзорова к перилам самого широкого в Ленинграде моста у Мариинского дворца, я обратил его внимание на огромное алое знамя с серпом, развевающееся в предрассветной мгле на флагштоке крыши Ленсовета.

«Маэстро» сперва не мог ничего понять, близорукую щурясь в небо, а затем, приблизив крышу дома объективом своей телекамеры и отчетливо различив серп с молотом на перевернутом вверх ногами кумаче, спросонья ахнул, чуть было не осев на поребрик тротуара.

После того, как вечером десятки миллионов людей узнали из «600 секунд» об этом феноменальном факте, перевернутое знамя на какое-то время стало основным символом «нового мышления» депутатов свежей популяции.

Днем в приемной зазвонил телефон правительственной связи. Собчак отсутствовал, поэтому я поднял трубку. Представившись, помощник Президента СССР глухим голосом попросил соединить Горбачева с Собчаком. Я ответил, что «патрона», к сожалению, нет на месте, и вежливо поинтересовался причиной звонка. Странно не в меру словоохотливый москвич сообщил мне, что президент страны, случайно посмотрев вчерашние «600 секунд» и выслушав комментарии ведущего, прямо-таки обомлел и сильно обеспокоился положением дел в ленинградском депутатском корпусе. Я как мог успокоил коллегу и даже пытался с его помощью передать Президенту пока еще Союза, что ничего странного в самом фактике использования советской символики в перевернутом виде нет, если соотнести это с внешним видом и умственным содержанием большинства народных избранников. Как в головах, так и на флагштоках — все наоборот. Причем избиратели тут, в общем-то, ни при чем. Их просто удалось обмануть, ибо внезапная любовь к незнакомым, но громко уверявшим в своих достоинствах людям так же, как и щенок, рождается слепой. Государственников среди такой публики, судя по их биографиям, быть не могло. Умеющим играть, к примеру, на рояле родиться невозможно. И балбес тот, кто уверяет окружающих в способности исполнять то, чему не учился.

Как мне показалось, помощника Горбачева такое пояснение вполне удовлетворило. Мы тепло попрощались, и я захромал по приемной. Давала о себе знать высота обреза пожарной лестницы дворца, ведущая с крыши, прыгнув с которой, да еще ночью, можно было не только вывихнуть, но и переломать ноги. Таким образом, мне просто повезло…

Пока город в общественных пересудах стал выяснять содержимое избранного депкорпуса, засевшего под перевернутым знаменем, решено было инициативу не терять. Благодаря заранее просчитанному подходу, творческое самовозгорание Невзорова состоялось, и теперь уже он сам наперебой фонтанировал разные сценарии под единым названием сериала — «Власть».

После моей обычной наводящей идеологизированной обработки Невзоров сфантазировал в спешном порядке найти не менее 150 жутких крыс, причем чем противнее — тем лучше. Записным сценарием он пренебрегал всегда, полагаясь лишь на свое вдохновенное чутье и мгновенный экспромт. Поэтому весь черновой антураж пришлось дорабатывать мне. Он включал в себя равное крысам количество депутатских значков, сувенирную копию памятника Петру I и многое другое. Поиск крыс сразу зашел в тупик. Одновременный отлов такого числа трудящихся городских помоек трудно было даже себе представить, а не то, что организовать. Перебирая разные варианты, я вспомнил о постоянном использовании этих пакостей для биоопытов в Институте экспериментальной медицины, куда тут же позвонил. Мне обещали помочь, хотя немало озадачились запросами советника нового председателя Ленсовета. Купленные вскоре институтские крысы оказались милыми белобрысыми тварями с красненькими бусинками глаз и носов, но с длинными хвостами и ровно откормленные. Невзоров, увидав их в клетке, охотно и с интересом разглядывающих его самого, запсиховал и стал кричать, что с такой «массовкой» ничего не получится, поэтому снимать он не станет, так как нужны серо-мерзкие отродья, схожие с их депутатскими сородичами из Мариинского дворца, а не реклама для прилежных юннатов. Во весь рост встал вопрос об искусственной перекраске отвергнутых телемэтром мирных крысок.

Мой стародавний пожизненный друг, кандидат педагогических наук Гена Разумов, которого периодически арестовывали только за то, что мы знакомы, взялся изменить крысиную окраску цивилизованным методом окунания каждой в ведро с крепким раствором марганцовки. Однако крысы перекрашиваться таким симпатичным способом не пожелали, с обидой поглядывая на

экспериментатора, фыркая и стряхивая со шкуры даже не смачивающую ворс жидкость. Тогда кто-то притащил походный пульверизатор и банку черной масляной краски. А дальше пошло…

Невзоров, осмотрев взъерошенных, перевалявшихся друг о дружку крыс не известной природе масти, взвыл от восторга и торжественно заявил, что ничего более схожего с персонажами задуманного сериала он представить себе не может.

К моменту съемки был изготовлен просторный аквариум с примыкавшей к нему клеткой, куда пересадили очумелых от насильственной перемены цвета грызунов, при кошмарном виде которых могли сдохнуть от страха их самые отважные и мерзопакостные аналоги, обитавшие всю жизнь в подвалах, на чердаках и в продовольственных складах. В аквариуме был размещен огромный красивый торт, с любовью сотворенный кондитерами гостиницы «Ленинград». На него водрузили большую сувенирную копию Медного всадника, полностью облитую шоколадом. Голодные крысы агрессивно-оживленно наблюдали из клетки за приготовлениями еды. Невзоров расставил аппаратуру. Тут я предложил для более полного отождествления надеть грызунам депутатские значки на резиночках. Но «отважный телерепортер» струсил сознательно подчеркивать и так явное сходство образа. По его команде препятствие между крысами и тортом с Петром I убрали. Что тут началось! Не обращая никакого внимания на софиты, съемку и окружающих, животные набросились на торт, как «демократические реформисты» и активисты разных преобразований на государственную казну нашей страны. Вмиг завалили Петра I и обглодали весь шоколад. От торта через несколько минут остались только одни дырки, из которых нагло поглядывали обожравшиеся и не желавшие даже двигаться, совсем еще недавно симпатичные, почти домашние твари.

После окончания съемки, предельно наглядно продемонстрировавшей полное совпадение низменных нравов и поведения известных животных с «реформаторами», работник крысиного питомника сообщил нам, что внезапно объевшихся грызунов в нормальное состояние привести уже никак нельзя. Поэтому в дальнейшем они ни к чему путному пригодны быть не могут. Их нужно просто усыплять.

Реакция зрителей, просмотревших этот невзоровский крысиный политдебют, была непредвиденно ошеломляющей. Первый же показ частички задуманного сериала дал обнадеживающие результаты. Как мне сообщили, даже крысиные прототипы долго не могли прийти в себя от наглости и нахальства показать их в таком, мягко говоря, не только малопривлекательном, но и вовсе неприглядном виде. Тут же стали поступать смелые предложения от «демократов-гуманистов» касаемо ближайшего будущего Невзорова. Они настаивали сперва его повесить, а уже затем предъявить обвинение. Ну, а если уж придется зачитать ему приговор, то только ту часть, где указано имя «счастливчика-демократа», которому поручается Невзорова сопроводить к месту казни. Относительно меня депутаты, не совсем уверенные в моем соучастии, предлагали немедленно регламентировать, с точки зрения тигра, мои служебные возможности и полномочия, вынеся этот «важнейший» вопрос на обсуждение грядущей сессии. А наиболее агрессивные избранники, наигранно рвущиеся улучшить жизнь своих избирателей, спешили «разобраться» со мной тут же при случайных коридорных встречах, еле сдерживая себя, чтобы принародно обойтись без людоедства. Хотя не исключаю: они могли меня просто покусать.

(Впоследствии такие передачи пошли организованной чередой. И пока меня не арестовали, невзоровская агитационно-пропагандистская машина работала на полную мощность, раскрыв глаза и вразумив миллионы наших людей.)

Первая политическая передача Невзорова, фактически реабилитирующая Собчака в глазах горожан сразу после набега Щелканова сотоварищи, застала «патрона» на гулянке в царском дворце. Такие маскарады с горячительными напитками еще только входили в моду. Почему «демократы», придя к власти, среди прочего взялись осквернять не имеющие равных по великолепию наши дворцы — понять до сих пор трудновато. То ли это было следствием раскрепощения их ультрасумасбродных мечтаний, выстраданных под одеялом никчемными человечками; то ли маникально-навязчивая наглядная демонстрация перехваченных возможностей в духе «что хочу, то и ворочу». А скорее, все, вместе взятое, плюс неудержимое стремление «демократов» испоганить и полностью переиначить труды предшественников. Например, если при коммунистах создали клуб, то «реформисты» сразу замыслили «перестроить» его под общественную уборную; музей — под пивную; дворец — под дискотеку; дом культуры — под казино; кинотеатр — под кабак; художественный театр — под биржу; филармонию — под коммерческий банк и т. п., что читатель видит сам каждый день, озирая новые, мягко говоря, странные нерусские названия на улицах нашего города, который вряд ли можно считать исключением среди прочих областных центров разрушенной и поруганной страны. Ничто не делается случайно.

На этот раз поздним вечером в ослепительно роскошном, всемирно известном здании, олицетворявшем застывшую в камне эпоху безупречного архитектурного консерватизма, среди настенных полотен с серебристыми тонами Веронезе, красными отливами Рубенса, янтарно-рыжеватыми красками Рембрандта, розоватыми оттенками Веласкеса и красочными аккордами победной гармонии других мастеров шлялись уже подшофе, но с еще полными фужерами в руках наглые представители Европы, вломившиеся к нам в дом и на наши просторы. Уже тогда их повально-беззастенчивая манера поведения выражала уверенность в необратимости содеянного над Россией.

Разумеется, наши миры совершенно разные, и культуры тоже несусветно разнятся. Но даже по американо-европейским понятиям не принято устраивать оргии с буфетом средь сумеречной музейной тиши выставленных для обозрения посетителями табличных экспонатов. И уж никак нельзя было назвать подобную, смелую отечественной новизной ночную вакханалию «великосветским приемом иностранных гостей», как мне сообщил Собчак, когда мы туда направлялись. Музейные декорации для подобных «раутов» так же нелепы, как если бы на какой-нибудь исторической церемонии в Америке костюмированные индейцы продемонстрировали встречу Колумба по славянскому обычаю — хлебом-солью. Промеж так называемых «иностранных гостей» шныряли сразу подмеченные мною неразлучные депутаты Ленсовета — активисты склок мелких честолюбий и разная наша городская шантрапа с неизменной бахромой на брюках. С одним из них я был знаком даже очень давно. Этот человек

криминальной ауры, слепленный по шаблону западного свободомыслия, в молодости очень походил на Чубайса, только казался более веселым, менее рыжим, всегда надушенным и неудержимым. Полжизни он боролся с увлекательным постатейным содержанием Уголовного кодекса, который для него являл собой более, чем тесные рамки дозволенного. При каждом своем столкновении с ним, он, упоительно болтавшийся по краю пропасти, всегда очень надеялся, что хоть одно обвинение окажется несправедливым. На самом же деле в жизни этот парень почитал только закон своей подлости, и если тот против кого-нибудь не действовал, то в душу моего развращенного перманентным жульничеством знакомого закрадывались опасения об отсутствии в мире всего святого и подозрения в попытке поколебать устои вселенской веры. Я помнил его еще по армии, где он при малейшей опасности ловко прятался за котлом полевой кухни и всегда удивительно жадно поглощал любую пищу, как кошка, завидевшая приближение к миске прожорливого кота. Меня также угораздило насмотреться на него в тюрьме. Оказавшись на грязном тюфяке в удивительно пестрой компании, он несколько месяцев симулировал ревматизм, исчезавший при появлении особо драчливых надзирателей, и всех уверял, что ему вот-вот должны передать очень много папирос, после чего негромко стучал в дверь камеры. В общем, вел себя несолидно. Даже рассказывал сокамерникам байки о своем промысле антиквариатом и акварельными портретиками разных красавиц, схожих с Натали Гончаровой времен от Алигьери и до Дантеса, этим убеждая вынужденных слушателей в бессмертии искусства, гарантированном, по его мнению, присутствием в натуре врачей-гинекологов.

Страстные монологи он обычно заканчивал призывом немедленно поделиться с рассказчиком сигаретами и другим разным табаком. А чтоб не жидились, подбадривал сидельцев постоянно просачивающимися с воли сведениями о частых случаях ложных обвинений, за которые судьи без особых церемоний дружно направляли невиновных на много лет отсиживаться в близ расположенные с городом лагеря. Под занавес своих выступлений в тошнотворной, задымленной атмосфере небольшого тюремного склепа закрытого типа, в целях расширения кругозора засунутых туда тел арестантов, он пытался, пища, как флейта среди сброда духовых инструментов, развивать окурочную теорию о «светлом будущем», которое в его интерпретации полностью смахивало на обычное, но безнаказанное мародерство.

После очередного выхода на свободу он, ознакомившись с широко рекламируемым проектом навязываемых стране «реформ», от радости чуть было не порвал на себе рубашку и не разбил камнем ближайшую магазинную витрину. Быстро сообразил, что, вооруженный такой программкой реформирования, он наконец-то победит Уголовный кодекс и без риска сможет привольно, безбоязненно и припеваючи жить среди обобранных и обворованных им людей. Затем он мигом свел знакомство и разобрался с деятельностью нескольких избирательных комиссий, где улыбался, как артист, которому очень нравится своя улыбка, и обзывал себя «конфидантом коммунистов». Что собой представляют и чем занимаются «конфиданты», комиссионеры не ведали, поэтому встречали его всюду гостеприимно. При помощи одного спившегося газетчика из заводской многотиражки он за бутылку «Пшеничной» изготовил собственную предвыборную, обширную, как неподнятая целина, программу, в которой представился избирателям «теоретиком демократизма», а свои отсидки за мошенничество и другие разные уголовные грехи объявил политпреступлением уходящей власти.

Далее он, насилуя собственную первородную скромность, как мог, превозносил самого себя, очень горячо восхищался своими надуманными героическими поступками и всецело биографией. Пытался уверить окружающих, что ему не только известны их помыслы и мечты, но даже подвластны два непобедимых врага человечества — пространство и время. В итоге наплел таких обещаний, что, прочтя, обалдел сам. Однако обманывать избирателей не убоялся, прекрасно понимая, что на этот раз против прошлых мошенничеств ничем не рискует. И даже более того: смешно не преувеличивать своих достоинств, предлагая к избранию самого себя и догадываясь, что, если пофартит, то из тысячи кастратов хоть один да станет отцом. А когда такой сляпанный «фуфель» вдруг прокатит, тогда сразу отпадет необходимость пожизненного и безуспешного поиска жемчуга в поле, засаженном репой: демократическая фортуна вмиг предоставит иные возможности не имеющим осмысленную профессию либо вообще не работающим порвать с нуждой и стать несказанно богатыми даже в городе, где преступность еще пока сочеталась с милицейской честностью.

На предвыборных встречах с населением, чтобы раствориться в воздухе эпохи, он вел себя исключительно заискивающе, аккуратно и заметно. Выступая на манер певца пригородных перронов, в своей безумной удали заплевывающего одежду ближайших зрителей, он агитировал и «детально» растолковывал непонятливому народу всю прелесть «перестройки» и «реформирования», хотя, как никто другой, интуитивно догадывался, что прояснять направление затеваемых «реформ» сподручнее всех было бы любому прокурору, предыдущие контакты с которыми наложили неизгладимый отпечаток на всю его жизнь.

Когда его избрали, то он все равно был тому немало удивлен. Будучи умудрен опытом, сам ни за что на свете не рискнул бы голосовать, скажем, за юриста или сантехника, никогда не сидевшего за рулем, если, к примеру, требовалось избрать шофера рейсового автобуса, в котором ему самому предлагалось прокатиться.

На описываемый «великосветский прием» он приперся, уже будучи депутатом, которому доставляло громадное удовлетворение от сознания того, что к его особе относятся небезразлично. Это, помимо всего прочего, свидетельствовало еще и о взятии нашим подлым фигурантом верного следа в неусыпном поиске объектов разворовывания.

Я его достаточно давно не встречал, поэтому заметил внешние перемены, связанные с переходом через рубеж лучезарной молодости, несмотря на почитание им даже в тюрьме щадящего, тонического режима. Белесоватые глаза сползли до самой середины щек, а его нос неумолимое время спустило на верхнюю губу. В общем, судя по внешнему виду, женщины, если он их бросал, надо полагать, теперь уже не очень печалились.

Сперва он побродил среди блестящей толпы слоняющихся с фужерами иностранцев, порадовавшись вместе с ними, что наше

государство наконец-то попало в разряд «третьих стран», как называют себя эфиопы и сомалийцы. Затем потерся со всеми остальными: от дам, принадлежащим к сливкам неизвестно какого общества, и до депутатов, болтавшихся меж гостей со статисточками, зачем-то переодетыми в наряды принцессок времен двора Екатерины Великой. И, наконец, обратил на себя внимание жены Собчака, которую вместе с «патроном» увлек в развернутый среди музейных редкостей походный буфет с туристским ассортиментом.

Заказав бутерброды с любимой Собчаком икрой, он запанибрата тут же, невзирая на жену, стал подбивать «патрона» украсть что-нибудь из музейного и превратить остаток вечера в скромную оргию среди парочки-другой очаровательных пантер.

Начало было многообещающим, поэтому я сразу вознамерился оторвать супружескую чету от соблазнителя, но неудачно. Мне было отказано в беспристрастии к владельцу неподавленных инстинктов. Тогда пришлось чуть оттянуть «патрона» в сторону от икры и жены, уже начавшей демонстрировать в завязавшемся живом общении с подвернувшимся продуктом неразборчивости избирателей свое незаурядно-страстное желание заискивать пред кем угодно, лишь бы попытаться поправить пошатнувшееся положение мужа после политагрессии экс-грузчика Щелканова.

Напирая, как пьяный боцман при выходе из подошедшего к воротам рыбного порта автобуса, я тихо поведал о приготовленном сегодня телесюрпризе Невзорова, способном сильно поколебать веру горожан в безупречность своих избранников. По моментально покрасневшему и заблестевшему влагой характерному носу можно было смело предположить, что «патрон» оживился необыкновенно и, взглянув на часы, сразу потребовал найти место для просмотра «600 секунд». После чего, как и полагалось академическому ученому в незнакомом буфете, где его не знали, засуетился с расчетом за бутерброды. Правда, «патрон» не всегда безропотно давал платить за себя. Порой внезапно выхватывал из кармана, нет, вовсе не портмоне либо иной мужской бумажник, а обычный старушечий, совершенно не обтрепанный кошелек с двумя никелированными кнопочками-замочками. Клацнув шариками, Собчак решительно давал понять, что желает за себя расплатиться, для чего двумя пальцами извлекал из недр своей дерматиновой копилочки плотно свернутый, я бы сказал, по-зековски спрессованный красный червонец и пытался его на глазах интересующейся публики раскрутить. Однако ему это никогда не удавалось, ибо после моего понятного всем жеста он быстро, но с видимой неохотой прятал эту единственную, замеченную мною в его руках банкнотку обратно в кошель и аккуратно щелкал пупочками. Меня всегда так и подмывало запомнить номер этого червонца, подозревая, что он у него неразменный. Вероятно, Собчак считал, что долги надо делать с размахом, и поэтому в любом деле позволял себе крохоборствовать. Так было и на этот раз. Депутат, затащивший «патрона» в буфет, пристально отнаблюдав сценку расчета, сделал вид, что впал в идиотизм, и, потупив очи, отвернулся. Жена же, не поняв сакраментальный смысл происходящего, заупрямилась отходить от недоеденных бутербродов и вообще покидать буфет без применения грубого насилия не пожелала. Она последнее время стремилась к полному равноправию с высокопоставленным супругом, за исключением тех случаев, когда имела возможность воспользоваться хотя бы минимальным преимуществом перед ним. В пору самого начала своего увлекательного путешествия в перевернутый мир она еще носила слишком большие серьги, чтобы им быть золотыми.

«Патрон» неожиданно резко приструнил подругу жизни, после чего ее лицо налилось естественным цветом и выступило на фоне стены в виде красного циферблата барометра негодования. Испытав внезапную нервную взбучку, да еще по неясной причине, она мгновенно стала похожа на человека, до пояса погруженного в воду, а выше охваченного пламенем.

Найти телевизор в музее, да еще в такое позднее время, оказалось не столь простым делом. Только в подвале дворца я обнаружил старенький черно-белый «Рекорд», дышавший новостями для собиравшихся вокруг него дежурных пожарных и ночных сторожей.

Мы в аккурат поспели к окончанию программы «Время», пока еще объективно отражавшей уже начавшееся вмешательство во внутренние дела нашей страны повально всех ведущих государств, что свидетельствовало об исключительно жалком положении самой России. Но возмутительно тревожные сообщения внушали всем почему-то недоверие. Невысокий музейный пожарный, худощавый и желтый, при внезапном появлении Собчака как-то стушевался, приобретя вороватый вид, и застыл в позе религиозной торжественности. У телевизора тоже пропал звук. Я, учитывая наступление времени передачи, беспардонно кинулся его настраивать, а очухавшийся дежурный ни с того ни с сего стал с ходу пытаться завести с сухо поздоровавшимся «патроном» солидную беседу о роли музейных сторожевых собак и дворцовых кошек.

Собчак хмурился и помалкивал. Жена пребывала в растерянном поиске причины неожиданной замены великосветской блестящей тусовки на явно незапланированную встречу в подвальной прокуренной дежурке с музейными сторожами и котятами. Будучи женщиной, она, естественно, не понимала, что грядущее всегда важнее настоящего и кто не пожелал принимать участие в сегодняшней игре, тот неминуемо проиграет завтра. С успехом пополам «Рекорд» заработал, явив зрителям невзоровского первенца многосерийного политтеледива.

Наш ломщик привычного уклада городской жизни просидел не шелохнувшись все 600 секунд. Жена тоже замерла на месте после появления на экране мужа в крысином окружении. В ходе гениальной работы Невзорова внятно напрашивалась масса аналогий и сравнений Собчака то с Петром I, то со львом, то еще с кем-то, а «депутаты-демократы», даже под пристальным наблюдением, неизменно оставались крысами, только обожравшимися.

Первым после просмотра нарушил тишину подошедший сторож, заявивший «от вольного», что хотя он абсолютный профан в политике, но считает наше общество не настолько сильным, чтобы иметь здесь настоящую «демократию». Провозгласив такой лозунг, дежурный, сам не ведая того, сразу стал как родной дорог «патрону», и тот, для обмывания добытой Невзоровым победы над депутатскими охламонами, потребовал у сторожа стакан бесплатного чая, которым вознамерился разом заглушить охватившую его в последние дни злейшую безысходность, мучившую Собчака не так страхом своего поражения, как

непереносимой болью от радости победителей, поэтому ставших ему еще более противными. В общем, как оказалось, не ту страну назвали «демократической Россией».

Нарусова продолжала сидеть молча, покусывая, как обычно, газовый шарфик и являя всем своим видом яркую иллюстрацию восхищения. Просмотрев всю невзоровскую крысиную карусель, подруга собчачьей жизни от охватившего ее восторга утоленной злости чуть было не померкла в легком обмороке, но совладала с собой и теперь глядела на воспрянувшего мужа, как невеста со съехавшей на бок фатой, завидевшая возвращение под венец только что сбежавшего в момент регистрации жениха.

Всю передачу я исподволь с безучастным видом, но замаскированным интересом следил за реакцией супружеской четы и по лицевой мускульной гамме с беспокойством заметил клокочущее нарастание у «патрона» прямо тут, в подвале, сильно искаженного чувства собственного достоинства, чуть было не утраченного последствиями стычки со Щелкановым. Такое бывало с ним и раньше: после издания его первой книги «Хождение во власть» Собчаку кто-то навеял основания считать себя величайшим писателем современности и живым опровержением лживых слухов, распространяемых бессовестными прокоммунистическими критиками о том, что у нас нет ни одного прозаика с мировым именем. Это собственное открытие позволило «патрону» увериться в необходимости помещать свои фото во всех журналах, иначе они, по его мнению, будут неинтересны для читателей.

Выпитый жидкий чай с завалявшейся баранкой, судя по нескольким сорвавшимся репликам «патрона», закрепил Собчака в безосновательной уверенности обессмертить всех внявших этой передаче Невзорова.

Из подвала в дворцовые покои, где шла своим чередом импортная гулянка, «патрон» подымался уже с гордо поднятой головой и мучимый жаждой утоления желания принять от всех дань не только своим гениальным способностям и огромному дарованию ученого юриста, но также изумительному политическому таланту и исключительно цельному характеру. Заслуга же Невзорова, как намекнул мне по дороге Собчак, состоит сегодня лишь в пресечении готовившегося преступления пред народом, который негодные депутаты пытались оставить в полном неведении относительно несомненной гениальности «патрона». И теперь, после этой восхитительной передачи, продемонстрировавшей населению кто есть кто, Собчак собрался вместо попыток ладить с «нардепами» окончательно ими пренебрегать, переведя свое отношение к этой публике из горячего, мимо теплого, прямиком в совершенно холодное. Дальше он вслух стал сам у себя интересоваться, почему до сих пор народ не носит его на руках, и даже размечтался получить ответ на этот важный вопрос методом устройства специального «плебисцита», или, как назвали «демократы», «референдума», а также пообещал, что враги теперь окончательно потеряют надежду увидеть Собчака больным.

Только что испытав подъем, подаренный Невзоровым, «патрон» сразу утратил интерес к продолжавшим околачиваться по ночному музею «представителям высшего света» и засобирался домой — успеть перед сном на сытый желудок приятно подумать о нуждах голодных.

Когда мы вышли, вокруг царского подъезда еще толпились машины аккредитованных на дворцовой пьянке иностранных представителей. Проходя мимо них, нетрудно было заметить: чем роскошнее авто — тем ничтожнее страна данного дипломата.

Даже этот первый показ Невзоровым очумельцев с мандатами сразу сильно ослабил их драчливый энтузиазм. Но расхождения нарастали, и многие крикуны, посмотрев на себя через призму «600 секунд», проворно заявили о желании спешно покинуть лагерь собчачьих противников.

Для окончательного подавления пыла уличных политиков было решено провести еще одну акцию из нашего цикла антидепутатских действий.

Утро следующего дня я встретил на окраине города, в так называемой промзоне «Парнас», где размещалось 48-е автотранспортное предприятие, директором которого был мой старый друг Миша Максимов. Через всю жизнь мы с ним практически прокатили в одном вагоне (к счастью, не «столыпинском»). За исключением лихолетий, когда меня насильно ссаживали на ходу. Его дом всегда был для меня местом, где могли накормить в любое время суток. Нас роднила бескорыстная незапамятная мужская дружба и разъединяло все остальное. Максимов, получив в институте автомобильную специальность, так и не сумел ей изменить, составив свою биографию из разных должностей по городским автопаркам. Мой же жизненный кроссворд постоянно вызывал его недоумение, искренне огорчая падениями и безмерно радуя взлетами. Нас разнили не только пути-дороги, которые мы с бытовым укладом сами избирали, но и мировоззрение, по молодости приводящее к жарким спорам, однако ни разу не поколебавшим сам фундамент дружеских отношений. Мой друг был всегда необыкновенно жизнерадостным, деятельным и остроумным парнем с пищеварением устрицы и сном, как у бревна, считавшим за основу человеческих устремлений желание благоустроить путь от рождения до могилы и разукрасить его постройками рук своих, будь то дача, квартира или родной автопарк в целом. Я же, зная, что из земной жизни за всю историю человечества еще никому так и не удалось вырваться живым, считал главным не «вещизм» как таковой, ибо у гроба действительно нет карманов, а оставление в этом «миге между прошлым и будущим» своего личного следа неведомым грядущим потомкам, пусть хоть царапиной либо краской на мимоходной скале.

Максимов постоянно меня в чем-то подозревал, хотя по большому счету я, в общем, ничего не скрывал, даже свое убеждение в том, что чем интеллигентнее человек, тем меньше должно быть у него родственников. Он основательно считал любой, свойственный людям порок развлечением, единственно доступным в этом мире и потому скрашивающим их существование. Полагая, например, что тяга к попойкам, причем не к алкоголю как таковому, а именно к бутилированному застолью, является солью души, требует особого дарования ума и предполагает искренность отношений, доказывающих всем понятное: напускной порок не считается настоящим пороком. Отличаясь редкой добротой к людям и сам никогда не сидя сложа руки, он активно всех

понукал к прогрессивному развитию, будучи потенциальным единомышленником всех преобразователей. Лишь время могло утихомирить его производственные страсти, и то не раньше начала следующего века. Но судьба распорядилась иначе.

В течение многих лет Максимов не раз мне помогал, демонстрируя при этом огромное желание отдать последнюю рубашку, поэтому, помятуя о легендарном успехе чилийских водителей грузовиков в борьбе с властями, я решил обратиться именно к нему.

Его достаточно крупный автопарк состоял из разномарочных машин и занимался не только развозом по городу молока с другими продуктами, но также всякими, в том числе тяжелогрузными, перевозками. Прекрасно понимая, что транспорт является частью единого технологического процесса, соединяя изготовителя с потребителем, было задумано продуктовые машины не трогать, дабы не создать молочную проблему у горожан, а все остальные задействовать в автоманифестации на Исаакиевской площади у здания Ленсовета. Для этого нужны были не только сами машины. Требовалось подготовить манифест, листовки, лозунги, собственно самих водителей и многое другое. То есть работа, по сути, предстояла немалая. Кроме того, в целесообразности исполнения данной задачи предстояло убедить самого Максимова, который пока только недоумевал и потешался над депутатами, следя за их нелепыми сборищами по телевизору, когда транслировали сессии и другие выходки, схожие с театральными капустниками провинциальных актеров, вдобавок глухих, где каждый, выступая, говорил что хотел, не слыша других и не вникая в суть происходящего.

Своим мнением мой друг очень дорожил, поэтому заставить его что-то бездумно сделать было просто нереальным делом.

К моему удивлению, в нашем разговоре, сперва издалека, он сам выказал недюжинное стремление найти способ одернуть ленсоветовских «детей неразберихи», которые, как считал Максимов, отклонились в сторону от своих предвыборных обещаний и вместо созидания резко приступили к разрушениям. Предлагаемый план он принял полностью, сам доработав отсутствующие детали. После чего были намечены совместные действия и сжатые сроки, а также улажены все другие моменты.

Солнечным летним утром, в день начала очередной сессии, максимовские грузовики, разукрашенные лозунгами крайне обидного для «нардепов» содержания, запрудили площадь перед входом в Мариинский дворец. От неожиданности началось форменное столпотворение. «Демократы» столпились у окон, боясь показаться на свежем воздухе. Старт сессии был сорван. Телетрансляторы переместились на улицу. Пассажирам проходящих рейсовых автобусов, а также всем другим случайным прохожим наши ребята раздавали листовки с объяснением происходящего. Правда, сперва планировалось разбросать прокламации над городком с вертолета, но мною этот вариант был забракован, дабы попусту не мусорить, тем самым досаждая дворникам и создавая впечатление буйной попытки государственного переворота.

Из кабинета Собчака я молча отнаблюдал весь разворот запланированных событий и действий исполнителей. «Патрон» от красочности и организационной четкости проводимой операции чуть было не впал в шоковое состояние, категорически заупрямившись выйти на площадь к манифестантам и принять их обращение к сессии, а также выслушать требования собравшихся, заключавшиеся в публичном выражении желания демонстрантов заставить дворцовых болтунов заниматься нужными избирателям делами, а не внутренними склоками и стравливанием Щелканова с Собчаком для скорейшего развала городской жизни. От необходимости вынужденного показа врожденной трусости «патрона» отвлек лояльный «демократ-депутат», заскочивший в кабинет, как Керенский, стремящийся перед штурмом под видом слуги английского посланника спешно покинуть Зимний дворец. Он, на ходу свертывая с лацкана своего пиджака депутатский значок, стал скороговоркой упрашивать «патрона» выйти вместо депутатов к «бунтовщикам» и унять их. В общем, раскочегарил дух Собчака настолько, что тот чуть было не выпустил из виду свою роль в разыгрывающемся спектакле.

Тем временем на площади спешно прибывшие тележурналисты вели бойкий сбор интервью у наэлектризованных возмутителей спокойствия, и поэтому появление «патрона» возбуждения массам не добавило. Однако, очутившись в толпе, Собчаку все равно пришлось пережить волнение, схожее с чувствами врача-гинеколога перед осмотром медведицы гризли. Но, убедившись в полном отсутствии у восставших шоферов агрессии против него самого, «патрон» заметно успокоился и стал вовсю поддакивать транспортникам, хаявшим почем зря депутатов под общим лозунгом: «Если будете продолжать шкодить, мы заставим бросить ваши мандаты под колеса наших грузовиков».

В итоге площадной встречи манифестанты поручили «патрону» немедленно огласить на сессии с сорванным началом житейскую оценку деятельности «случайно избранных» и пригрозить им в случае неуемности парализовать весь транспорт в городе.

После обеда шоферы организованными колоннами с развернутыми транспарантами покинули площадь и сняли осаду забившихся во дворце «демократов», тщетно призывающих по телефонам ГАИ либо милицию силой разогнать нахалов-водителей. ГУВД в ту пору еще сохраняло нейтралитет.

Собчак с сессионной трибуны не без удовольствия и почти дословно пересказал притихшим «пионерам реформ» все, что о них уже думают избиратели, намекнув в конце о своем сегодняшнем «героическом» поступке и защите Щелканова со сподвижниками от гнева толпы, склонной, по мнению «патрона», больше к вульгарному мордобою, нежели к «демократическому» диспуту с нашкодившими народными избранниками.

Решение направить Щелканова с добровольцами объясняться в логово бунтовщиков на Парнасе было принято сессией единодушно. Сопровождать в АТП-48 Щелканова на поругание шоферов «патрон» вызвался с энтузиазмом штатного палача, желавшего своим пациентам доброго здоровья перед казнью. Мне же осталось лишь предупредить Максимова о времени

прибытия высокопоставленных парламентеров в гости к коллективу первых организованных противников новых властей нашего города.

Несколько дней спустя, спозаранку, кортеж ленсоветовских «Волг», с трудом преодолев непролазную «автостраду» Парнаса, уперся в ворота АТП-48. Перед въездом в автопарк на пыльном пятачке, как ни в чем не бывало, лежала лохматая собака и, невзирая на прибытие самого Собчака, копалась в паху нескромным языком, детально исследуя свою промежность. Большой зал красного уголка был забит до отказа. Рядов стульев не хватало. Шоферы стояли вдоль стен и окон. Интерес выслушать народных избранников нового пошиба был неподдельный. Гости важно и без одобрительного приглашения расселись за столом президиума, тем самым подчеркнув схожесть с «недемократичными» повадками предыдущих властителей. Щелканов, не теряя времени, сразу занял трибуну и заявил притихшему залу, что он и есть тот самый «ленинский грузчик», избранный населением управлять городом, в котором еще живут столь неразумные шоферы, вздумавшие выступить против нарождающейся «демократии» и не знающие, что «молодые побеги плодоносных деревьев цветут вовсе не для шакалов». После такого вступления Щелканов продолжил довольно толково и убедительно доказывать, что слухи о его многолетнем наблюдении в районном психоневрологическом диспансере не лишены оснований. Так, например, на вопрос из зала о стратегических планах новой городской администрации по улучшению жизни населения Щелканов без тени улыбки, с пафосом и даже с некоторым кокетством поведал о своем «историческом» директивном указании руководителям торговли организовать сезонную продажу дынь не только поштучно, но и на разрез дольками для тех, кому купить ее целиком не по карману. От таких бредней и подобного «громадья» планов городского рыночного романтика — новатора № 1 зал охватило легкое веселье. Даже смирно сидевший «застольный экономист» Собчак перестал развлекаться ухочисткой и подленько захихикал, теребя свой галстук цвета пожара в джунглях.

Тут следовало бы отметить: на этот раз аудитория слушателей состояла не из столь милых сердцу Щелканова шелушащихся, небритых «демократов». Здесь послушать городского голову собрались обычные нормальные люди, простые работяги-шоферы, которым сподвижник и «коллега» Собчака по разгрому социализма в городском масштабе, естественно, кроме своего легкоформенного безумия и психического сдвига, продемонстрировать больше ничего был не в состоянии. Это стало вмиг доходчиво очевидным даже тем из набившихся в зале, кто единственной формой изложения мысли избрал еще с раннего детства только голый мат. Поэтому вместо белиберды о «светлом демократическом будущем», пресловутом «свете в конце тоннеля» и других «реформистских грезах», вероятно, подробно описанных в разных учебных пособиях по психиатрии, наш стриженный под оксфордский газон оратор с упорством сильно подпитого, уже находящегося на стадии поиска чертей, разом ринулся отбиваться от всех сплетен, якобы опутавших его персону с ног до головы в завистливых глазах вдруг ни с того ни с сего озлобившихся жителей вверенного ему судьбой города. Уместно сказать: слухи, как и вши, заводятся обычно в грязи и ужасе. А коли так, то опровергнуть их, не расчистив саму грязь, практически невозможно, особенно тем субъектам, жизненной планиде которых, подобно подброшенному факелу, суждено будет снова упасть в ту же канаву, откуда он взмыл вверх в эту странную эпоху, когда демлозунгами пестрели даже стены смрадных туалетов колхозных базаров и крупных железнодорожных станций.

Распалившись и распоясавшись, Щелканов характерным фальцетом доверительно заявил залу, что людская молва о нем — сплошное вранье и злобный наговор; что на работе он не склочничает, а работает, что возглавляемый им исполком горсовета вовсе не госпиталь уродов, ханжей и малограмотных самодуров, а также не разгульный двор, щеголяющий своей злокачественностью, не обиталище всех мыслимых пороков и пока еще не пышная нива разврата. Затем он пояснил, что сам в быту скромен, выдержан и морально устойчив, а если и пьет, то средне, причем только сухое вино, к тому же белое; что свою кошку дефицитными сосисками не кормит по причине отсутствия ее самой, а также деликатесов, ибо в еде, даже будучи председателем исполкома Ленсовета, не привередлив и ничем от простолюдина не отличается, разве что постоянно пустым холодильником, который Щелканов тут же предложил проверить, пригласив желающих в гости. Далее он поведал, что, являясь закоренелым «демократом», разумеется, ненавидит коммунистов, но эта ненависть, как выразился Щелканов, у него «братская». Правда, чем она отличается от обычной, оратор не растолковал даже рядом сидевшему партийному дезертиру Собчаку, которого, как и остальных присутствующих, неуместность таких откровений сильно развеселила. Затем Щелканов ни к селу, ни к городу объявил о своем желании сравнять количество якобы очень нужных всем новых открывающихся коммерческих банков с числом самих вкладчиков, от чего, по мнению Щелканова, уровень жизни населения страшно подымется. Он также заверил транспортников, что этот акт по зачатию новых банков будет проводиться совместно с регулированием численности городского населения, дабы заодно с коренными жителями случайно не осчастливить полстраны. Под занавес своего выступления архитектор скорого банкротства городского хозяйства легко посетовал на свою жизнь, большей частью прошедшую в томительной безвестности, и пообещал восставший автопарк за манифестацию у Мариинского дворца не наказывать, намекнув на личное везение шоферов и нынешнюю сытость административных людоедов, обожравшихся в прошлом ритуальными обедами. Надо отметить: заслушанный краткий отчет о «титанических усилиях» и начинаниях главы новой администрации города одобрения с аплодисментами у зала не вызвал. Подобная реакция не понравилась Щелканову, и он с обаянием подтекающего холодильника покинул трибуну. Спектр выступлений и вопросов публики был необычайно широк. Интересовались не только размером зарплаты с разными побочными доходами бывшего грузчика, ставшего «мэром», но также всеми аспектами его здоровья и личной жизни, вплоть до марки употребляемого вина, частота пригубления которого была сразу четко определена сидящими в зале профессионалами этого дела. Дотошные работяги методом опроса в доброжелательной форме пытались выяснить, с какого возраста Щелканов начал шкодить, а также степень хитрости, злобности, лукавства, мстительности, жадности, честолюбия, вкрадчивости и профессиональной расчетливости этого неожиданно оказавшегося у власти берейтора, который, как, впрочем, и притихший Собчак, получив огромные права, считал, что все обязанности должны пасть на других.

Ответами на вопросы Щелканов пародийно смахивал на атамана банды — главного героя известной кинокомедии «Свадьба в Малиновке». Тот на сельском сходе, помнится, громогласно заявил, что «программа» его шайки — освобождение личности.

«Значит, будут грабить», — заключили внимавшие атаману крестьяне.

Наконец тяжело поднялся со стула степенного возраста шофер с выправкой застарелого радикулитчика и спокойно от имени масс подытожил «занимательную» встречу. Он, обведя взглядом присутствующих, не повышая сипловатого голоса, повел обстоятельный разговор об огромном вреде обществу, когда за совершенно неизведанное дело — управление городом, резко отличающееся по масштабу от подсобки даже крупного валютного магазина, берется бесстрашный грузчик, причем низкой квалификации. Что из этого выйдет — нетрудно догадаться любому сидящему в зале. Ведь если даже опытному, с большим стажем, водителю грузовика предложить на длинном, сочлененном автобусе, битком набитом пассажирами, махнуть по городу рейсовым маршрутом, да еще в час пик, то, не узнав, что означает каждая кнопка на панели приборов, никто из окружающих его шоферов не рискнул бы ехать. Поэтому откуда берется отвага рулить тем, чему не учился, — не совсем ясно. То ли подобное сродни обычной крайней глупости, то ли младенческому азарту, свойственному маразматической старости сильно изношенного в жизни мозга. Человека настырно лезть править и повелевать тем, о чем он не имеет ни малейшего представления, обычно заставляет, прежде всего, отсутствие устойчивой морали, принципиальности и честности.

Однако возвратимся к происходящему в «красном уголке» АТП-48. Под конец своих толково-ровных высказываний убеленный сединой шофер спокойно предложил «мэру» Щелканову для снижения злокачественности и вредоносности новой «демократической» власти на работу больше не ходить. Взамен коллектив АТП-48 берет на себя обязательство обеспечивать Щелканова всем жизненно необходимым: от выплаты ежемесячной зарплаты, равной исполкомовской, до покупки еды и сосисок для кошки.

— Нет у меня никакой кошки! — взвизгнул Щелканов.

— Киску мы вам тоже купим, — не смутившись, заверил шофер от имени захохотавших коллег.

Щелканов, разъярившись, вместо осмысленного парирования вдруг с бухты-барахты выкрикнул, что в то время, когда город испытывает трудности с продовольствием, причалы морского порта ломятся от доставленных кораблями продуктов, но, благодаря лодырям-транспортникам, схожим с присутствующими крикунами-баламутами, вывезти их на горе жителям не представляется возможным. Поэтому товары скоро испортятся, а население будет голодать. По некоторым ноткам сроду писклявого голоса «мэра» было заметно, что он врет, но делает это вдохновенно. Тем не менее, шоферы хором тут же выразили желание и вызвались взяться за круглосуточный вывоз заморского продовольствия, мобилизовав для этого все другие автопарки, где имелись машины, приспособленные к перевозке продуктов. Щелканову предложили немедленно позвонить в порт, чтобы сообщить о готовности перевозчиков. «Мэр» попытался было улизнуть, но дюжие шоферы почти силком решительно проводили его к телефону.

Он, продолжая упираться, заюлил и стал заискивать настолько, что почти готов был выразить желание отогревать во рту червей для коллективной рыбалки. По горячке даже пообещал дать указание срочно заасфальтировать дорогу Парнаса, идущую к АТП-48. И только после этого вместе с радостным Собчаком был выпущен за ворота.

Обнаружить в порту продовольствие, ввиду его отсутствия, никто не смог. Дорогу по сей день так и не отремонтировали. Зато сына директора АТП-48 Колю — молодого паренька, сторонящегося всего плохого, вскоре зверски убили неизвестные люди, которых милиция вместе с горпрокуратурой по понятной уже причине найти не захотели. После гибели единственного сына Максимов чуть было не обезумел, поняв, что жизнь прожита зря, потеряно все. Поэтому с Собчаком и разной прочей сволочью, разрушившей страну, обездолившей, ограбившей и захлестнувшей кровью народ, осиротевший отец выразил готовность сражаться не только избирательным бюллетенем. Я не стал его бессмысленно утешать и успокаивать: окончательно прозрел еще один.

Что же касается самой промзоны «Парнас», то и ее тоже не минул «демократический» смерч, разметавший и уничтоживший народное достояние. К примеру, на болоте рядом с максимовским автопарком советская власть многотрудно возвела корпуса пивоваренного завода, укомплектованного чехословацким оборудованием. Эта стройка для производства ходкого продукта, кроме прочего, призванного дать государственной казне огромную прибыль, обошлась нашей стране под сто миллионов заокеанских долларов. Запустить сей завод к приходу «демократов», к сожалению, не успели, а посему не вошедшее в строй предприятие новейшей комплектации тут же захлестнула своекорыстная волна собчачьих проконсулов, которые к вящему непониманию масс с ходу заявили, что с наладкой оборудования нечего-де возиться, лучше все хозяйство скопом кому-нибудь продать, но почему это будет «лучше», разумеется, как обычно, не пояснили. И пошел отлов любителей купить за бесценок.

Наконец В. Путину подвернулись более-менее сговорчивые шведы, предложившие за наш недострой 50 миллионов долларов, то есть около половины нами затраченного. Скандинавы довольно упорно торговались, терпеливо объясняя, что, мол, и этих денег многовато для теперешней огромной колонии с полоумным обездоленным народом по прозвищу «Россия», где, разумеется, не способны даже пиво самостоятельно варить без «новейшей шведской технологии». В общем, распродажа есть распродажа, поэтому собчата согласились на то, что дают. При этом вкрадчиво втолковали шведам всю ненужность официального возврата даже столь малой суммы в государственную казну разграбляемой ими страны, меж собой порешив означить в продажных документах стоимость заводика всего лишь в несколько десятков миллионов одеревенелых рубликов. Ну а остальную часть денег? Куда дели? Кому лично их передали шведы? Это ведает только Собчак и его сподручные…

Теперь этот завод, шустро и без особых затрат запущенный купившими, выпускает пиво под разными марочными номерами. Пьющие говорят, неплохое. Но бюджет страны, предназначенный не только для укрепления самого государства, но и на социальные нужды населения, не возвратив даже малой толики затраченного, теперь перебивается крохами уже чужого пирога.

Вот так или примерно так собчачья ватага разграбила народное достояние нашего города, распихав по матрасам, загрансчетам и карманам доллары за продажу того, что им не принадлежало. Эхма! Собчачья компания, желая замести следы делишек своих, разумеется, ничем не гнушается, будучи уверена: истина и непреложность, как правило, покоятся рядом с гробами стремившихся их найти. Однако при этом членам нестройной группы лиц, в простонародье именуемой шайкой, во главе с «достойным» юристом — университетским «профессором права», не следует забывать, что когда пришло время, то нашли и раскопали даже древнейшую Трою.

А назавтра опять был банкет. На сей раз — в честь посещения Ленинграда чернорожим пожилым мистером Брэдли, мэром американского города Лос-Анджелеса, уютно раскинувшегося вдоль побережья океана столь притягательной и милой собчачьему сердцу Калифорнии.

На Каменном острове, рядом с въездными воротами голубой резиденции, где собрались отужинать с Брэдли, уже несколько столетий зеленел и желудился могучий дуб, посаженный, как гласит легенда, рукой самого Петра Великого. Внезапное воцарение на нашей земле «демократов» легендарный дуб пережить не смог и к августу 1991 года скоропостижно зачах. После чего был спилен, дабы не завалился на забор церемониального особняка. Табличку же с родословной надписью «демократы», естественно, заменить забыли. Вот и торчит она всепогодно у нелепого пня, повествуя о былом.

В роскошной гостиной у длинного фуршетного стола, перегруженного бутылками с великолепным закусоном, сгрудились засвидетельствовать почтение старому незнакомому негру представители спешно сформированной по указанию «патрона» городской «демократической общественности». На обилие еще не обветренных деликатесов, сервированных вокруг огромной хрустальной ладьи с целиковым осетром, взирали увлажненными глазами все: от равнодушного к самому Брэдли, но привыкшего к подобным трапезам представителя МИДа в Ленинграде и до вдохновенного композитора Владика Успенского, мечтавшего после еды быть лично представленным Собчаку.

«Патрон», как только попал под своды банкетного зала, сразу заприметил большую салатницу с очаровательной черной икрой неподалеку от темнокожего мэра Брэдли и весь вечер держался рядом с ними. Причем икру под воркование чужих тостов украдкой лопал общей раздаточной столовой ложкой, заедая тоненькой батонной корочкой с брезгливостью задрипанного кота, спутавшего мышку с прошлогодней свеклой. После рюмочного монолога Собчака и церемонии приветственных спичей приглашенная «общественность» стремглав раздергала красиво разложенное на столе съестное. От молочного поросенка и осетра остались лишь сиротливые головы с хвостами. Затем пошло представление друг другу насытившихся присутствующих и братание с Брэдли. Необъявленный малопризнанный поэт вместо тоста зачитал гостю свои стишата и несколько скабрезных эпиграмм, за которые полтора столетия назад запросто могли затаскать по дуэлям. «Патрон», вдруг прекратив жевать, вмиг, как стервятник, извлек из толпящихся вокруг стола какого-то зазевавшегося безвольного мухомора с растерянным лицом и пустой тарелкой в руках. Собчак подвел его к Брэдли и лично представил, охарактеризовав как талантливого ученого, почти полвека занимающегося искусственным интеллектом и добившегося значительных успехов на этом поприще.

Вместо ответа на вежливый вопрос высокого гостя о направлении и глубине исследованной области, ученая каналья молча поставил свою тарелку на угол стола и, потупив очи, отошел в сторонку. По его поведению можно было смело предположить, что, ежели столько времени заниматься конструированием заменителя мозга, то и самому сойти с ума не мудрено. Но я ошибся. Он оказался вполне нормальным ученым, только ветеринаром из Сельхозакадемии, специалистом по искусственному осеменению. Собчак, видимо, просто попутал оплодотворение с интеллектом, чем задел самолюбие животного лекаря, неведомо зачем попавшего в эту «демократическую» стаю, кормящуюся досыта и веселящуюся до упаду на деньги, извлекаемые из городской казны. Когда от растерзанной кулинарной мозаики осталась лишь гарнирная окантовка, началось более-менее осмысленное общение чистильщиков фуршетного стола. Собчаком интересовались все, а Брэдли — никто. Он одиноко стоял в стороне с полупустым фужером в руке и наклеенной улыбкой, вынужденный внимать лишь переводчице, надо полагать, считавшей, что чем короче юбка, тем выше мода. Половодье вкусно покушавших наконец вынесло на чернокожего американца «демократизированного» до остолопства типа в нечищеных ботинках, который забормотал обычную для этой категории публики чушь о срочном «вхождении в мир общечеловеческих ценностей и необходимости сразу к ним приобщиться».

Мимо меня в направлении «патрона» проплыла супружеская чета Максимовых, знаменитая своими изощренными телемарафонами, которые до сих пор даже опытные следователи не рискуют назвать воровскими. Все представлялись кто во что горазд и как хотели. Поэтому Тамару Максимову с ее несмываемой, порой неестественной ухмылочкой тут воспринимали не телезвездой, а просто как бабу, по виду напоминавшую вялогрудастую, озлобленную, хищную и стервозную сторонницу нравственности из американской Армии спасения. А самого Максимова представляли как ее официального мужа.

Собчак, до отвала насытившись икрой, чуть исподтишка поозиравшись окрест, решил увлечься экранной Тамарой, пожелав с ней сфотографироваться и поболтать наедине кое о чем. Ее муж, получив сухое рукопожатие, был решительно отставлен за спину. Растащив таким образом в пространстве телевизионный дуэтик, «патрон» стал щеголять перед Максимовой своей наигранной веселостью и кружить разговором вокруг этого обиталища пороков в поисках потаенных закоулков удовольствия, как измученный молодой, но неутомимый любовник, затеявший вписать свое имя в синодик дамских ухажеров, павших на привольной ниве. Жена Собчака, неусыпно наблюдавшая с невостребованной стороны за проделками супруга, видимо, в своих предположениях о дальнейшем развитии их отношений зашла помыслами слишком далеко, выражением лица уподобившись Анне Карениной перед финальной сценой встречи с паровозом вместо Вронского. Рискнув несколько разбавить свежие контакты «патрона» хоть каким-то мужчиной, я подвел к нему композитора Успенского, вняв настоятельным просьбам последнего лично познакомиться с новым городничим. Мною в общих чертах были охарактеризованы ровные склоны творческих вершин этого так же, как и Собчак, профессора, только консерваторского, автора прославленной песни «Снега

России, там хлебом пахнет дым». «Патрон», сдержанно порадовавшись новому знакомцу, снисходительным тоном дал известному маэстро несколько общих рекомендаций по части музыкальной композиции, хотя сам, надо думать, еще с трудом отличал мелодию песни «Ты морячка, я моряк» от «Болеро» Равеля. Вдоль стола, как курица, однобоко выглядывая остатки съестного, петлял будущий глава комитета по управлению городским имуществом, фамилия которого характеризовала не только национальность, но одновременно образ жизни, помыслы, профессиональную ориентацию, врожденные пороки и породистую склонность к любым взяткам.

Супруга «патрона», успокоившись стыковкой мужа с композитором, наконец уняла ревностную злость и беззащитно разулыбалась в кружке случайных кандидатов отборочного тура на пока еще вакантные должности своих фаворитов и приживалок. Путь к блистательным вершинам тщеславия, очень обеспеченного нахапанным добром, она начинала в собственноручно отреставрированном капроне с аккуратно стянутыми бесцветной ниточкой дырками и кокетливо примятой нелепой шляпке неопределенного фасона, надевая которую жена Собчака, вероятно, рассчитывала не только выделиться и превзойти толпу, но еще намекнуть беспородному окружению на свое немыслимое расположение ко всем сразу.

Вокруг склеенных пустомельством многофигурных композиций расхаживал, полизывая краешек своей тарелки, грядущий достойный представитель так называемой партии «Выбор России» (ВыбРос). Этот будущий член Государственной Думы (ГД — так именовались в свое время грубые ботинки, выдаваемые ремесленникам. — Ю.Ш.), презрев забывчивость устроителей, его не пригласивших, приперся сам в темном костюме стиля клерка тридцатых годов поверх застиранной исподней рубахи рабочего вида. Слегка опрометчивый наряд венчали вконец растоптанные, светлые в прошлом кроссовки, одетые почему-то не на босу ногу, а с пестрыми носочками, и маленькая засунутая под мышку деловая папка, напоминавшая по цвету и покрою кобуру табельного милицейского оружия. Завтрашний госдумовец, еще не достигший обыкновения спокойно, не обращая ни на кого внимания, наедаться, будучи незваным, на повсеместно закатываемых «демократами» банкетах, молчаливо хмурился и смачно икал, занимаясь исключительно навязчивым самонаблюдением, сильно мешающим любому человеку сосредоточиться на удовольствии. Видимо, этого типа пока не очень возбуждали осознание изысканности предложенных деликатесов и новизна бесплатных ощущений субъектов, внезапно попавших в тенета азарта обильных гурманистических утех. Его же коллеги, наделенные кроличьей неугомонностью, вскоре эти халявные застолья возведут в ранг жизненного кредо и назовут их «презентациями». Там они научатся очень быстро, но без эмоциональных всплесков поглощать пищу, ибо усвоят, что людям с уравновешенной психикой и стойким торможением свойственно замедленное возбуждение, в итоге, вместо удовлетворения, приводящее к нарастанию чувства тревоги.

Между тем «демократические» гости стол окончательно опустошили, поэтому торжество подошло к логическому завершению. Представители носителей бредовых идей, легко умещавшихся в головах только тех, кого можно было одурманить отсутствующим величием, стали неохотно разъезжаться….

Эпилог

Время тонет в тумане прошлого.

Дух золотого тельца, выпущенный «демократами», как джинн из бутылки, за короткий срок обезумел и разложил сознание многих, растворив и уничтожив все культурные, а также иные жизненные приоритеты и ценности.

Под шумок всеобщей эйфории Собчак, поначалу строго закамуфлированный советскими опознавательными знаками, изуверски оглупляя идеологию социализма, сумел-таки почти незаметно заложить социальную взрывчатку под наш город. На его публичных выступлениях вряд ли кому приходило в голову, что всем таким «концертам» предшествовали репетиции, ибо на самом деле он обладал даром актера, игра которого оценивалась лишь в гримерной, поэтому всегда не гнушался и не трусил привирать так сильно, как человек, уверявший окружающих, что помнит момент своего зачатия. Редко кто из обычных людей рискнет похвастать такой памятью. Пожалуй, это качество он приобрел еще в университете, где формировал будущих законников для обиходных нужд социализма, приучая их к бездушному служению у шатких и грязных весов Фемиды. При этом не случайно позабыв растолковать своим ученикам общеизвестно расхожее: стремительный рост преступности — это естественная реакция не только пасмурных лиц, с явными признаками дегенерации на узком челе, но и обычных нормальных людей на ненормальные, резко изменившиеся условия жизни.

Что же касается привнесенных из студенческих аудиторий в политическую жизнь педагогических приемов, то тут из всего обширного арсенала академических средств Собчак усвоил лишь восхваление с большим воодушевлением достоинств своего ремня, одновременно восхищаясь воспитательным значением классической розги в сочетании с неэмоциональным выкручиванием ушей. Таким образом, этот поклонник Люцифера на самом деле только временно впал в «демократическую» ересь, чтобы затем прекрасно вписаться в идеологическую доктрину Запада, тем самым совершив скорую, весьма своеобразную эволюцию от активного коммуниста до криминализированного, заурядного, но крупного феодального капиталиста с отвратительным духом высокомерно примитивного аристократа, фарцующего городской недвижимостью и государственной территорией.

Этот барьер преодолел не только наш беспринципный, почтенный жуир, которого всю жизнь манили лишь деньги да аромат духов с шелестом одеяний «перезрелых вишен». Подобная перелицовка произошла почти со всей сворой мастеров разговорного жанра, перекусивших ленточку «перестройки», чтобы затем под ликование духовых оркестров поделить меж собой народную собственность и превратить державные покои вместе со страной в «общаковый», смрадный лупанарий. Нельзя считать всенародной целью желание нескольких Собчаков стать сверхбогатыми за чужой счет. Поэтому то, что происходит вокруг, по сути — обычное ограбление.

Рухнула убитая в затылок предательской рукой могучая, великая страна, в которой мы имели счастье родиться и вырасти. Сожжен привычный трем сотням миллионов людей родной дом. Кругом пепелище, нищие, беженцы, громко и доходчиво разъясняющие, что представляет собой «содружество независимых государств» (СНГ), и вместе с жуткими проклятиями желающие всяких пакостей матушкам его организаторов. Окраины государства утыканы свежим частоколом могильных крестов. Степной ветер там и сям шевелит кроны осиротевших деревьев над покинутым в спешке жильем.

Эхо времени еще доносит до нас разыгранный Собчаком с трибуны Верховного Совета СССР актерский этюд, когда этот духовный извращенец, приняв, как обычно, благородную позу, рвал на добровольной основе ворот своей рубахи и, похрипывая от эмоционального порыва, визжа, клеймил позором нашу армию, убившую саперными лопатками несколько грузинских граждан во время апрельских событий в Тбилиси. Теперь же «демократы» наворочали повсюду горы даже не погребаемых трупов, и ничего, нормально.

Справедливости ради следует вспомнить, что был еще разок, когда сильно причитали и голосили по поводу трех «защитников демократии», раздавленных в сутолоке августовской ночи у стен так называемого «Белого дома», только московского. СМИ приказали это печальное событие зачислить в разряд национальной трагедии.

Спустя некоторое время, уже в октябре 93-го, на том же самом месте (Эх, полюбилось! Пристрелялись, видно.) «реформаторы» грохнут прямиком из пушек несколько сотен людей. Но на этот раз никаких трагедий. Вроде ничего особенного не случилось. Убитых в великолепном белом здании демгазеты назовут «бандитами». Только вот зачем они под крышу парламентского корпуса забрались и когда разбойниками заделались — не всем ясно. Все участники, как «атакующие», так и «защитники», уже мертвые или еще живые, абсолютно невиновны. Господь! Упокой их души…

Организаторы демократического шабаша прекрасно знают: русские — наиболее многочисленная и крайне опасная «биомасса» по сравнению с другими народами, населявшими Союз. Поэтому разумно было бы держать всю эту популяцию под прицелом. Для чего окружить остатки территории России «дотами», танками и военными кораблями победителей, разместив базы НАТО в оторванных от СССР республиках.

Согласия России при этом никто не спрашивает — ей диктуют свою волю победители. И обесчещенная «демократами» страна, вопреки здравому смыслу, вынуждена делать уму непостижимые, необъяснимо парадоксальные ходы, публично за понюшку табака отрекаясь от собственных территорий, избранных врагом под установку орудий, жерла которых суждено направить в сердце самого крупного осколка разгромленной сверхдержавы.

Расширять государство за счет присоединения земель всегда тяжко. Без ратной крови и многолетних неимоверных напряжений

тут не обойтись. Это доказывается всей мировой историей. Посему «добровольный» перенос в глубь России своих и так резко сужающихся границ не объяснить одной лишь глупостью осуществляющих власть «демократов». Подобное является очевидным и неоспариваемым требованием Запада.

За многолетнее отсутствие настоящего вождя несокрушимые бастионы Отчизны подернулись плесенью безвольных идиотов, ярко полыхнув разношляпьем всяких поганок, уверяющих, что политические убеждения являются частной собственностью руководителей и поэтому могут легко и свободно продаваться. Они замечательно проводили годы, глядя на трескающуюся от времени жизнь людей, при этом изрекая из глубин должностных кресел через пень колоду пустотелые речи, тем самым не только скрывая собственную непригодность, но, главное, личную заботу и стремление как можно дольше удержаться на своих местах.

Ворье обычно не трудится в одиночку. Как привило, жулики сбиваются по отраслевому признаку в профгруппы и более-менее устойчивые «коллективы», делясь на карманников, домушников, медвежатников, угонщиков авто, рыночников, «управителей» чужим имуществом и т. п. Следовательно, Собчак был просто обычным «солистом» аналогичного «товарищества», называемого, и не только на блатном жаргоне, «городским правительством», сформированным из завсегдатаев студенческих закусочных среднего пошиба, владельцев пороков, дорого оплачиваемых в подворотнях, и, как Путин, отжеванных КГБ «резервистов», рожденных устоявшимся внутри комитета правилом: отбросов в ГБ нет, есть только «резервы».

Один из серьезно пьющих теперь журналистов некоторое время упорно, с елейным благоуханием и благоговением восхищался «деятельностью» Собчака на страницах услужливых городских газет. Но и тот, в конце концов, с небывалой лапидарностью вынужден был по-трезвому признать, что добрые дела в послужном списке «мэра» так же случайны, как неожиданная беременность у чересчур измученной непорочным поведением монастырской затворницы.

Часто приходится слышать, что Собчак был обычным, мол, вором, мерзавцем и бандитом. Такая оценка не совсем верна. Наклейкой подобных, скорее эмоциональных, чем справедливых ярлыков Собчак больше, чем правде, обязан той стене всеобщей ненависти, которую сам воздвиг не только своими делишками, но и постоянной демонстрацией полного презрения к населению, некогда ему симпатизировавшему. Его, как, впрочем, и любого человека, сорвавшегося с примитивного куста своих ограниченных возможностей, безоговорочно прельстила стезя, следуя которой можно будет стремительно разбогатеть и ворваться в анналы истории. А там, несясь дорогой славы, грабить всех подряд, развлекаясь наказанием тех, кто не станет приветствовать его при встрече, одновременно приятно волнуясь, взирая, как другие люди по обочинам этой блистательной трассы работают. При этом, разумеется, не допуская даже мысли, что когда-нибудь вовсе не летописцы, а простые уголовные следователи будут вынуждены, превозмогая брезгливость, разгребать вилами эти «исторические анналы». Ведь в итоге даже простым смертным может, кроме прочего, броситься в глаза, что ущемление своего превосходства Собчак всегда переживал трагически и вокруг при невыясняемых впоследствии, но, как обычно, странных обстоятельствах частенько кого-нибудь калечили или убивали незримые исполнители, словно невидимые руки циркового престидижитатора, фокусничающего на фоне черного бархата под сопровождение чудесного хорового пения: «Вы жертвою пали в борьбе роковой…» Таким образом, у историков, вне сомнений, будет мало поводов хвалить Собчака. Поэтому позволим восхититься им сами, признав: понятия «обычный» и «простой» к эпитетам, сопровождающим характеристики качеств Собчака, совершенно не подходят. Он, позволю уверить, во всех смыслах был «превосходным» и «замечательным».

Толкать историю в спину не рекомендуется. Она не терпит насильственных понуканий. Минут годы. Все смертное поглотят могилы. Из этой жизни, как известно, за всю эволюцию человечества еще никому не удалось вырваться живым, независимо от богатства, знатности и заслуг. В итоге земля всосет всю нынешнюю пену, плесень и «демократическую» накипь. Возможно, вскоре само время спокойно рассадит разных «реформаторов» по скромным, плохо обструганным, но густо выкрашенным скамьям подсудимых, исцарапанным вдоль и поперек предыдущими сидельцами. А поля, сильно унавоженные демпредателями, снова на радость хлеборобов дружно заколосятся…

Иногда хочется проснуться опять в СССР, чтобы все отнятое у народа и изгрызенное «демсаранчой» вновь возвернулось к людям; чтобы исчезли все воздвигнутые «реформаторами» баррикады злобы и тупоумия, вместе с госграницами ненависти между еще вчерашними друзьями; чтобы восстановились снова стремительно порушенные «демократами» нравственные, биологические, национальные и социальные связи народов Союза; чтобы воскресли все убитые «демократами» люди и вернулись в покинутые налегке дома к своим родным очагам. Уверен, так желаю не я один. Но время, к сожалению, необратимо, и мертвых не оживить.

Любовь к «демократии собчачьего типа» у народа явно не стряслась. Но что же завтра делать с самими «демократами», затащившими доверившихся им людей на мировую барахолку тщеславия, после чего весь без исключения народ был вынужден эмигрировать в собственную, но уже бывшую страну. Если вспомнить рекомендации рабочего крысиного питомника, то, может, и впрямь борьба с ними — задача санэпидемстанции? Что же касается самого предложенного «реформаторами» «рынка», то ознакомление с ним явно затянулось. Ну затащили, лиха беда, на этот самый базар. Ну насмотрелся народ на разных там скоморохов, карманников, Собчаков, жуликов, торгашей, реликтовых негодяев и гомосексуалистов по совместительству. Ну и хватит. Пора экскурсоводам и честь знать. Ведь на рынках не живут. Надо с этой ярмарки домой двигать.

Запозднились уже. А то дома все до конца растащат.

А с Собчаком в последний раз мы случайно столкнулись в дверях Ленсовета. Он, увидев меня, придержал бровями сползавшую на глаза шапку диких размеров из неважно выделанной шкуры рыжеватого пожилого волка, машинально разулыбался и протянул мне руку, но поняв по моим глазам, что ответного жеста не будет, внезапно злорадно процедил сквозь зубы: «Ну что? Ваши проиграли?» Под «нашими» он подразумевал отправленных им на помойку стариков, старух, а также отцов и матерей

моего поколения, появившегося на свет от радости Победы. Кроме того, в эту категорию, разумеется, попали сегодняшние дети — наше настоящее без прошлого и будущего, ограбленного Собчаками и, естественно, внуки с будущим, но без настоящего. Я этому господину-товарищу-барину тогда ничего не ответил.

Был еще не вечер…

Примечания

1

В данном издании первая и вторая книги Ю. Шутова сведены в одну. — Прим. ред.